

смена

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1978

ТАЛИСМАН
ОЛИМПИАДЫ-80

Мы обращаемся к комсомольцам, ко всей молодежи страны — ознаменуйте 60-летие Ленинского комсомола новыми успехами! Достойно продолжайте славные традиции старших поколений, упорно овладевайте знаниями и профессиональным мастерством, активно трудитесь на производстве, на ударных стройках пятилетки!

Из Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усилении борьбы за повышение эффективности производства и качества работы».

ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ ТРЕТЬЕ

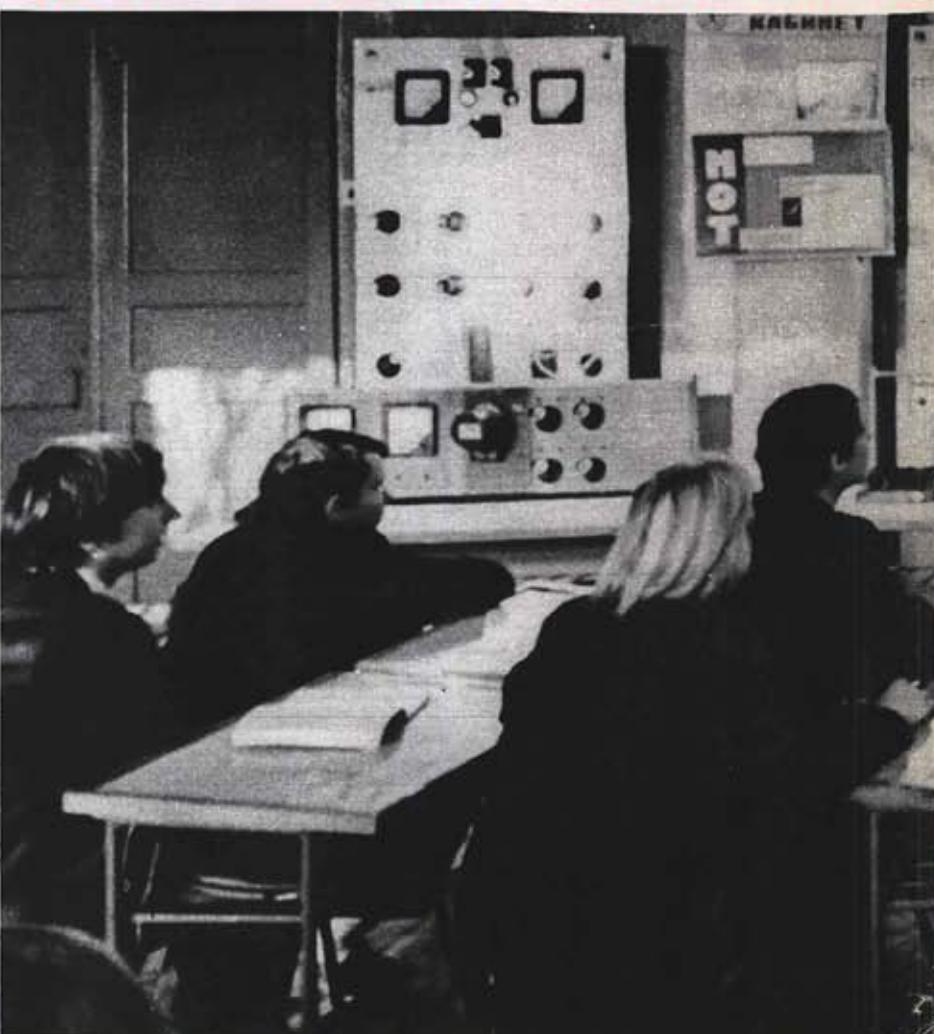
Вадим САЮШЕВ,
первый заместитель
председателя
Государственного комитета
Совета Министров СССР
по профессионально-
техническому образованию,
член редакции журнала
«Смена».

замечательного советского педагога Василия Сухомлинского в «Письмах к сыну» есть такие строки: «Радость труда... Она ни с чем не сравнима, ни с чем не сопоставима. Она не похожа на радость, которую дают нам экскурсии, спорт, художественные ценности... Радость труда — трудная, как ребенок, рожденный в муках...»

Радость труда... Невозможно представить себе, чтобы она была доступна в полной мере тому, кто не овладел своей профессией, не стал мастером своего дела. Разве жизнь не соединяет, не связывает неизменно и закономерно радость труда с интеллектом и мастерством, и разве не постоянный спутник духовной ограниченности и профессиональной неумелости — равнодушие?

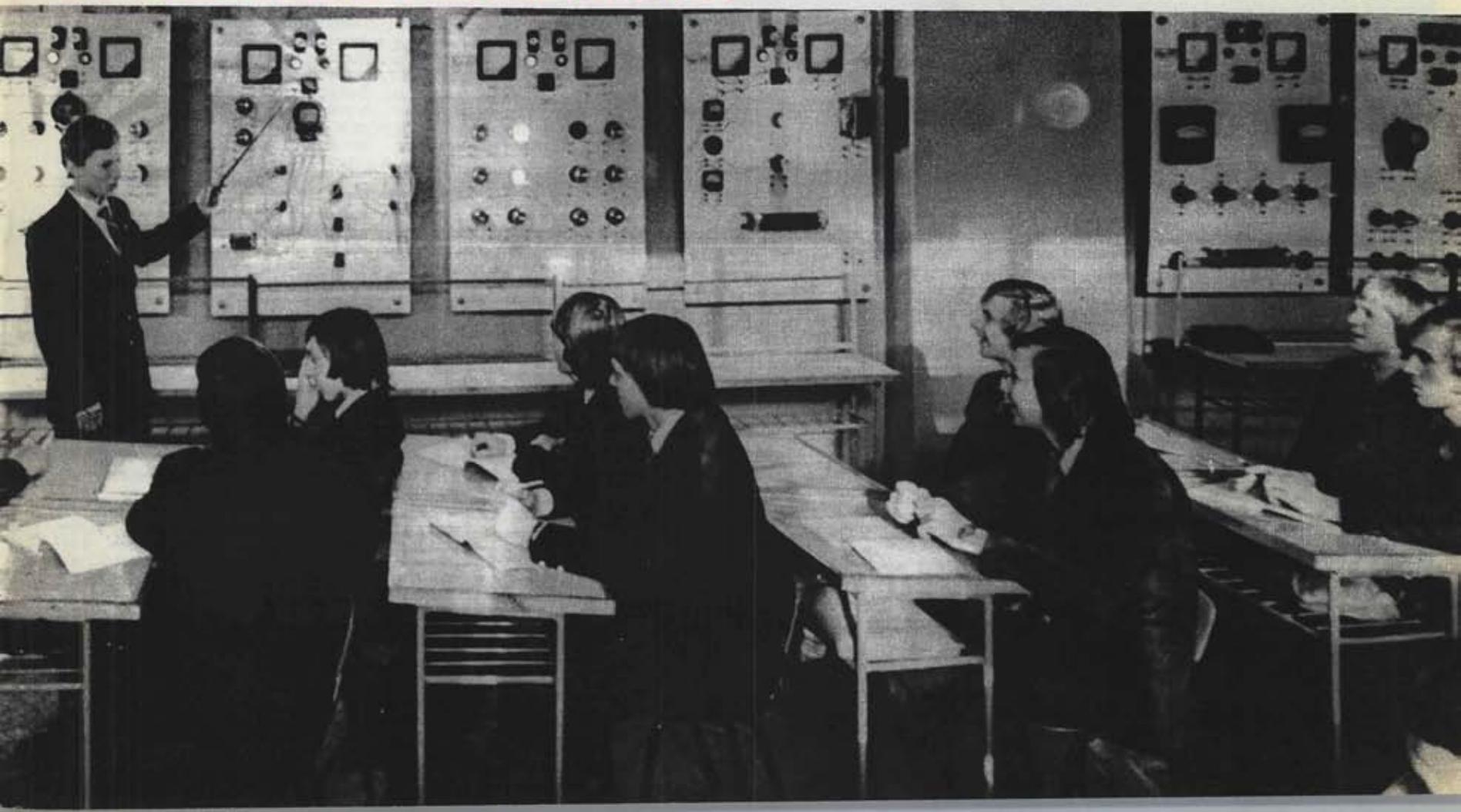
Когда мы называем героев любого периода жизни нашего государства, периода мирного или военного, мы неизменно отмечаем, что это не только самоотверженные, сильные духом люди, безусловно преданные делу партии, но что это и всегда люди **высокого профессионального мастерства**. Одного энтузиазма или порыва недостаточно для подвига, тем более трудового — человек должен быть мастером своего дела. Мастерство — отличительная черта таких героических людей нашей эпохи, как генеральный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев, легендарный летчик Отечественной войны, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, первый космонавт планеты Юрий Гагарин, дважды Герой Советского Союза космонавт Павел Попович, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии хлопкороб Турсуной Ахунова, Герой Социалистического Труда металлург Василий Сотников, писатель Константин Симонов, который в 1932 году окончил московскую школу ФЗУ по специальности токаря точной механики, и многие другие заслуженные люди страны, получившие трудовую путевку в жизнь в системе профтехобразования.

Как отражение замечательной советской традиции, огромных возможностей, открытых нашей молодежи, звучат мудрые слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные на XVII съезде ВЛКСМ, о том, что «настанет время, и многие нынешние питомцы профессионально-технических училищ станут передовыми рабочими, новаторами производства, героями труда, руководителями предпри-

ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

**ВЕЧНОЕ И ВСЕГДА НОВОЕ
ТАИНСТВО МАСТЕРСТВА...**

ятий, целых отраслей народного хозяйства».

Мастерство. Это понятие является заглавным, определяющим для всей работы системы профессионально-технического образования Советского Союза.

Напомню о важном для нашего государства документе, принятом 30 августа 1977 года,— постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования». В постановлении намечены значительные, масштабные меры для решения задачи огромной политической и народнохозяйственной важности— стабильного обеспечения страны хорошо подготовленной молодой рабочей сменой.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что решение этой задачи в ближайшем десятилетии будет особенно сложным. На восемидесятые годы приходится так называемая «демографическая впадина», отдаленное последствие войны. Приток рабочей силы в экономику сократится, и весьма значительно. Такое обострение обстановки с трудовыми ресурсами еще и еще раз выдвигает на передний план необходимость высокой производительности и эффективности труда, что в первую очередь расшифровывается как следствие высокого мастерства людей. Это всегда было стратегической линией, вытекающей из основных положений марксистско-ленинской теории. Ситуация, о которой идет речь, диктует еще более последовательное и настойчивое проведение этой линии.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР отмечается, что система профтехобразования «стала основной школой подготовки квалифицированных рабочих кадров для

народного хозяйства». Созданная в 1940 году, она выпустила 37 миллионов квалифицированных рабочих. Ныне, как известно, рабочий класс страны составляет более 70 миллионов человек. Сегодняшний размах работы системы становится понятен, если я назову только одну цифру: за пятилетие (1976—1980 гг.) предстоит подготовить примерно 11 миллионов рабочих, и их мастерство должно отвечать требованиям современного производства, научно-технического прогресса, перспективам роста советской экономики.

На каждом этапе развития производительных сил общества объективно складывается определенный уровень требований к обученности и образованности кадров, их квалификации. Важнейшей особенностью современного этапа стал «фактор НТР»— возрастающая роль научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий. По данным отраслевых научно-исследовательских институтов, уже сейчас потребность в рабочих квалифицированного труда в электроэнергетике составляет 93,4 процента, в автомобилестроении— 90,1 процента, в черной металлургии— 89,6 процента, в химической промышленности— 87,2 процента. В сельскохозяйственном производстве бурно растет спрос на таких квалифицированных рабочих, как тракторист-машинист широкого профиля, механизатор мелиоративных работ, механизатор животноводческих ферм, оператор животноводческих комплексов. Мы сейчас готовим в системе профтехобразования рабочих более тысячи профессий. Учитывая возрастающую нужду народного хозяйства в рабочих широкого профиля, вносим корректировки в этот перечень.

Сегодня система профтехобразования— это 6660 училищ. В них занимается свыше 3,4 миллиона юношей и девушек. Чтобы выполнить задачи, поставленные XXV съездом КПСС, нам предстоит к концу пятилетки довести чило-

ИНСТИТУТ? НЕТ, ПТУ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 3 (1217) ФЕВРАЛЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
символ Олимпиады-80 —
медвежонок.

Работа художника
Виктора ЧИЖКОВА.

НА ТРИБУНУ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ.
БЛОК МАТЕРИАЛОВ «ПУТЬ В РАБОЧИЕ».

- 1 Вадим САЮШЕВ, первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по профессиональнотехническому образованию.
«ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ».
- 4 Владимир АНИСИМОВ. «СЕМИПАЛАТИНСКИЕ БРИГАДЫ».
- 6 Владимир БОБРОВ, секретарь комитета ВЛКСМ ордена Красной Звезды ГПТУ-2 г. Мытищи.
«БИОГРАФИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ».
- 7 Владимир НИКОЛАЕВ. «ВЗАЙМНАЯ ОШИБКА».
- 8 Рассказ Вячеслава ШУГАЕВА «СИЦЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ».
- 11 ФОТОКОНКУРС «СМЕНЫ» «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
- 12 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Юрий РОСТ. «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДНО БАЙКАЛА».
- 14 Стихи Николая ВОРОНОВА и Владислава БАХРЕВСКОГО.
- 15 Повесть Виктора АСТАФЬЕВА «СОЕВЫЕ КОНФЕТЫ».
- 20 Они начинали в «СМЕНЕ».
Расул ГАМЗАТОВ. «ГОРСКИЕ СОНЕТЫ О ЛЮБВИ».
- 22 ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ.
Натан ЭЙДЕЛЬМАН. «...ПРОМЧАЛИСЬ КАК МЕЧТАНЬЕ».
- 23 Стихи Дмитрия УЛЬЯНЦЕВА и Валентины КОРОСТЕЛЕВОЙ.
- 24 Игорь КОНСТАНТИНОВ. «ГДЕ ПТИЦЫ ЗИМУЮТ».
- 25 ЗАЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ».
- 27 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».
- 28 Братья ВАЙНЕРЫ. «ГОРОД ПРИНЯЛ!...». Повесть.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ПУТЬ В РАБОЧИЕ

средних ПТУ до 4577 (сейчас—3397), а технических училищ—до 1310 (сейчас—926). Таким образом, почти 90 процентов училищ будут готовить высококвалифицированных рабочих со средним образованием.

Среднее профтехучилище—принципиально новый тип учебного заведения. Его воспитанники, как известно, получают профессиональное и завершают общее среднее образование. Как показывает опыт, выпускники средних ПТУ отличаются высокой профессиональной устойчивостью и эффективностью труда. По данным научных исследований, из числа выпускников средних ПТУ в течение пяти лет меняют профессию лишь 11,5—12,7 процента, в то время как среди молодежи, получившей профессию непосредственно на производстве, этот показатель значительно больше. Выпускники средних профтехучилищ повышают свою квалификацию от третьего до шестого разряда быстрее обученных на производстве. Среди окончивших профтехучилища рабочих до 40 процентов участвуют в рационализации и изобретательстве, а из получивших профессию на производстве—почти в пять раз меньше. Флагман нашего профтехобразования—Ленинград и Ленинградская область завершили переход на подготовку квалифицированных рабочих только со средним образованием.

Очень важное звено системы профтехобразования—технические училища. Они дают рабочую квалификацию молодежи, окончившей среднюю общеобразовательную школу. Всемерное развитие технических училищ диктуется тем, что за последние двадцать лет существенно изменилась роль средней школы. Если раньше она, в сущности, готовила абитуриентов для высших учебных заведений, то сегодня абсолютное большинство выпускников идет непосредственно в сферу материального производства. Так, в последние годы оканчивают дневную среднюю школу 2,7—2,9 миллиона человек, из них на дневные отделения вузов поступает 350—400 тысяч, то есть порядка одной седьмой выпуска десятых классов. Для сравнения: в 1950 году дневную среднюю школу окончили 228 тысяч человек и столько же было принято на дневные отделения университетов и институтов.

Итак, шесть из семи вчерашних десятиклассников, получив аттестат зрелости, встают перед проблемой: где и в каком качестве трудиться? В настоящее время ежегодно свыше 1 миллиона выпускников средней школы идет на производство фактически без предварительной профессиональной подготовки, и в силу этого возникают ситуации, когда производство, нуждающееся в высококвалифицированных кадрах, не может предоставить высококвалифицированную работу этой молодежи, а последняя, претендуя на эту работу, не может с ней справиться. Наша задача—дать окончившим среднюю школу квалификацию, соответствующую их образованию, желаниям и требованиям производства. Это и обеспечивает технические училища.

Потребности и возможности экономического развития страны диктуют необходимость подготовки рабочих высокой квалификации, широкого профиля, со средним образованием. Это новая проблема, с которой не сталкивалась прежде наша да и зарубежная практика профессионального образования. По-видимому, нам следует укрупнить профиль подготовки специалистов. Скажем, готовить токаря, фрезеровщика и вместе с тем станочника, способного быть мобильным в условиях производства, высокопроизводительного работать на металлообрабатывающих станках. Или другой пример. Мы готовим сейчас сварщиков восьми специализа-

ций. Вероятно, постановка вопроса должна быть такой: нужно готовить сварщика. Чтобы он мог в процессе предвыпусканной практики и работы специализироваться на том или ином виде оборудования или операциях в соответствии с условиями производства. Разумеется, при этом мы должны избежать и другой крайности—когда человек будет знать обо всем понемногу, но не сможет работать высокоэффективно. Мы не имеем права послать на производство выпускника, которого там вынуждены будут «доводить до кондиции».

Темпы научно-технической революции нарастают, и готовить рабочих следует на перспективу. Уже сейчас в средние ПТУ приходят будущие рабочие одиннадцатой пятилетки. Так, принятые в 1978 году будут выпускаться в 1981—1982 годах. Поэтому нам сегодня необходимо знать не только технологию производства, но и конкретно характер и содержание труда рабочих этих и последующих лет. Мы должны совершенно отчетливо представлять себе, какие будут тогда работать станки, какие электровозы, какие тракторы. Мы хотим и должны строить программу деятельности системы профтехобразования исходя из научно обоснованного прогноза.

Скажем, конвейерное производство—каким оно станет? Каковы будут формы автоматизации тех или иных процессов? Какие знания мы должны дать рабочим завтрашнего дня, которые призваны не только управлять техникой, но и создавать новые машины, механизмы, агрегаты? Видимо, правильно сегодня так ставить вопрос: с созданием новых машин, новых технологий должны определяться и навыки, необходимые рабочему, который будет обслуживать эти машины, определяться то, что он обязан знать и уметь. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к нашей работе подключена Академия наук СССР. Это очень важно. Мы многое ждем от действенной поддержки «большой науки».

Велико значение сотрудничества училищ и базовых предприятий в области педагогических кадров, развитии движения наставников. Только за последние три года по почину Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Б. А. Журавлева перешли в училища мастерами производственного обучения более двух тысяч наставников—новаторов и передников производства. Среди них, например, Михаил Трофимович Кинебас. Ему 50 лет. Член КПСС. Имеет среднее техническое образование. Проработал тридцать лет сталеваром. Установил 8 мировых рекордов по выплавке стали. За досрочное выполнение пятилетки ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, он почетный металлург Украины.

Приведу еще пример. Этери Соломония—1931 года рождения, член КПСС. После окончания Тбилисского профтехучилища начала работать ткачихой. Ее трудовой стаж—28 лет. Вначале она работала на одном станке, затем—на 12, а потом—на 24. В Советском Союзе она первой среди текстильщиков досрочно выполнила восьмую пятилетку, за что была удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Интересно отметить, что Этери Соломония все время учится. Окончила училище, среднюю вечернюю школу, политехнический институт. Она была делегатом XXIV съезда КПСС, XV съезда ВЦСПС. Сейчас она директор профтехучилища.

Ныне в училищах работают 59 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда—достойнейших представителей рабочей гвардии.

Дальнейшее развитие советской профтехшколы, перевод ее на подготов-

ку рабочих высокой квалификации со средним образованием предъявляют новые высокие требования ко всем работникам училищ — в том, что касается их образования, идеино-политической, педагогической и инженерной подготовки, их общей культуры.

Сейчас в 27 вузах страны организована подготовка инженеров-преподавателей для профтехучилищ. В современных условиях для работы в средних профессионально-технических и технических училищах объективно требуется и качественно новый мастер производственного обучения, обладающий высокими общеобразовательными, педагогическими и профессиональными знаниями. Подготовка такого специалиста возможна только в высших учебных заведениях, что нашло свое отражение в последнем, августовском постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Массовый приход в материальное производство тех, у кого за плечами среднее образование, предъявляет дополнительные требования не только к руководителям производственных комплексов, но и в целом к организации и условиям производства. М. И. Калинин в свое время с полным основанием говорил: «Тот факт, что в будущем лен будут тряпать люди, окончившие десятилетку, пахать будут люди со средним образованием, это уже само по себе предопределяет то, что сами эти работы должны быть, так сказать, окультивированы». Результатом повышения образованности рабочего человека должен стать новый, более высокий уровень производства, грамотная, научно обоснованная организация трудовой деятельности. Динамика качественного роста экономики обретает новые импульсы.

Что можно сказать о техническом оснащении системы профтехобразования? В. И. Ленин мечтал о 100 тысячах тракторов для всей страны. В училищах сейчас имеется 46 366 тракторов. Плюс к этому больше 150 тысяч сельскохозяйственных машин, включая комбайны. Богат у нас и станочный парк. Правда, к сожалению, есть еще и старые станки, годные лишь для отработки первоначальных навыков. Мы перешли к кабинетной системе преподавания. Те, кто побывает на ВДНХ, где в дни XVIII съезда ВЛКСМ начнет работу Центральная выставка научно-технического творчества молодежи, увидят интересные образцы таких кабинетов, созданных с участием воспитанников профтехучилищ.

Главное, что нас в плане технического оснащения волнует, — это проблема новейшего оборудования. В том, что касается сельхозтехники, дела обстоят хорошо. У нас есть и «К-701», и «Т-130», и «Т-140»... Вопрос вопросов — промышленное оборудование, особенно станочное. Его зачастую не хватает. Хотя, конечно, есть заводы, прекрасно оснастившие свои базовые ПТУ. Назову, к примеру, Московский автомобильный завод имени Ленинского комсомола или ЛОМО — Ленинградское оптико-механическое объединение. Стоят там по 200 с лишним станков последних лет изготовления.

Я думаю, что разумно и дальновидно поступают те руководители предприятий, которые первую партию нового оборудования отправляют в училище и, не теряя драгоценного времени, начинают готовить будущих рабочих. Вторую партию ставят на заводе — выпускники приступают к работе на станках, уже освоенных. Другой руководитель поступает иначе: ставит новые станки в цех, а потом передко начинает сетовать, когда придут выпускники училищ — работать, мол, некому, дайте мне подготовленных для работы на новом оборудовании лю-

дей. А где их взять, если он сам не позаботился, на чем этих людей учить?

В некоторых училищах наблюдается отставание и в технических средствах обучения. Например, не хватает тренажеров. А ведь сегодня, чтобы отработать, довести до автоматизма те или иные трудовые навыки и умение, обычных средств недостаточно. Мы ставим тренажеры, имитирующие условия производства, и на них учим ребят, скажем, управлять трактором, экскаватором, горной машиной, аппаратурой химического комбината и т. д.

И здесь, думаю, уместно напомнить, что училища профтехобразования занимаются производственной деятельностью. Но все ли представляют себе масштабы этой деятельности? Только в девятой пятилетке (учитывая практику учащихся в училищах и мастерских) выпущено продукции на 4,5 миллиарда рублей! Производственная деятельность нашей системы будет расширяться, и мы рассчитываем на соответствующую помощь министерств и ведомств, с которыми вместе работаем.

Средства, которые вкладываются в профессиональное образование, дают самые высокие экономические — и не только экономические — «дивиденды». Подсчитано, что около одной трети ежегодного прироста национального дохода страны получает за счет повышения уровня образованности трудящихся. Но, повторяю, экономика — лишь одна сторона дела. Повышение уровня образования и квалификации способствует усилинию социальной однородности советского общества, превращению в жизнь коммунистических идеалов.

Фридрих Энгельс писал: «Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам». Любопытно вспомнить историю появления в России первой «приготовительной к фабричным мастерствам школы». Историю эту рассказал в 1933 году журнал «Смена». Школу создали на Пресне, у Трех Гор, при ситцевой мануфактуре Прохорова в 1816 году. Вот какая договор должна были заключать с владельцами мануфактуры родители подростков, которых отдавали в кабалу:

«Тысяча восемьсот шестнадцатого года, мая 25 дня, я, нижеподписавшийся, Иван Андреев Хвостов, заключил сие условие с купеческими сыновьями бр. Прохоровыми в том, что отдал им малолетнего сына своего Василия в обучение набойному мастерству и нужным для него наукам на пять лет на всем хозяйственном содержании со следующим при этом договором:

1. Сыну моему находиться у хозяев и мастеров в полном послушании, а в случае неповиновения имеют право его наказать.

2. Хозяйскую одежду сохранять в чистоте и целости, без позволения от двора не отлучаться; в кулачный бой неходить, в карты и другие интересные игры не играть.

3. В случае если последуют по болезни какие-либо прогулы, то после обучения за пропущенные дни отжить и отработать.

4. По обучении отжить и отработать хозяину пять лет безоговорочно, получая жалованье. За излишеством у себя народа предоставляемся бр. Прохоровым передать сына моего другому должностному хозяину...

Под договором стоят три креста. Все без исключения родители учеников были неграмотны. Красноречивая «визитная карточка» российского капитализма! Все здесь — и всевластие хозяев и бесправие рабочего человека. Такой жизненный порядок держался еще 60 лет назад в нашей стране, в эпоху, под

которой навсегда подвел черту Великий Октябрь...

И вот совсем недавно читаем материалы, опубликованные в западногерманском бюллетене «Политиш-парламентариш прессединст»: «Десять из одиннадцати неполных средних школ в Дюссельдорфе сообщили, что мальчики и девочки из выпускных классов в поисках места ученика на производстве часто работают у возможного хозяина «для испытания», не получая за это ни пфеннига...» Не современная ли это работоговля и нажива на нужде родителей и их детей?

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1977 года выделены вопросы, касающиеся роли и ответственности общественных организаций системы профтехобразования. Здесь нужно особо остановиться на нашем сотрудничестве с комсомолом. Оно охватывает практически все стороны работы — от подбора кадров до распределения выпускников. Организационно взаимодействие системы ПТУ и комсомола подкрепляется тем, что членами наших комитетов на всех уровнях являются секретари обкомов комсомола и секретари ЦК ВЛКСМ республик, в компетенцию которых входит подготовка рабочей смены. У нас заведен такой порядок: все секретари комсомольских организаций училищ, учащиеся и не учащиеся, освобожденные и не освобожденные, являются членами педагогических советов.

Должен заметить, что это решение осуществлялось не везде безболезненно. Представьте себе такое положение: секретарь, неосвобожденный работник, учащийся, присутствует на заседании педсовета, а там разбирают качество преподавания того или иного предмета или обсуждают конфликтную ситуацию. Кое-кто считает, что это «антипедагогично». Не могу согласиться. Пусть секретарь знает, видит, как педагогический коллектив обсуждает любые вопросы, в том числе и неприятные, как он реагирует на неправильные действия того или иного преподавателя или мастера. Ведь завтра этот паренек — рабочий человек. Он придет во «взрослую» бригаду, во «взрослый» коллектив, где все есть — и хорошие и, к сожалению, негативные (хотя первого, естественно, неизмеримо больше). Так пусть учащийся ПТУ, комсомольский вожак учится разбираться в реально существующих проблемах и находить свою принципиальную позицию сегодня, сейчас, а не когда-то в будущем. Нас иной раз спрашивают, правильно ли мы поступаем, расширяя до такой степени полномочия комсомольских и профсоюзных организаций. Мы считаем, что правильно.

Большинство комсомольских секретарей училищ — освобожденные работники. Среди них мастера, воспитатели, рабочие с базовых предприятий. Нас волнует, чтобы они не стали, так сказать, «старшими почителями». Секретарям мы разрешаем преподавать — пусть ведут предмет, которым владеют. Это и возможность для каждого еще лучше «вжиться» в коллектив и перспективы. Но очень важно, чтобы комсомольский работник не сделался при этом просто очередным преподавателем, поставленным над ребятами. Мы хотим и добиваемся, чтобы двери в комитеты комсомола не закрывались. Оправдывает себя опыт, когда секретарь из рабочих, когда он представляет среду, в которой окажется после окончания ПТУ наш учащийся. Мы стремимся к тому, чтобы секретарь приходил с базового предприятия, чтобы, скажем, в училище металлистов секретарем был по возможности металлист и, уж во всяком случае, человек с трудовой закалкой.

У нас установлено, что по целому ряду вопросов администрация не прини-

мает ни одного решения без участия комсомольской организации. Назову, к примеру, такие вопросы, как отчисление из училища, распределение мест в общежитии, определение повышенных стипендий, различные формы поощрения учащихся и т. д. Директора училищ, бывает, жалуются: «Трудно. Знаю, что этот парень — шалопай, выгнал бы его. Мне говорят: через комсомольское собрание. Ну, а там разные ребята, и мнения разные. Собрание может поддержать, а может и не поддержать мое решение».

Трудно, действительно. Но мы исходим вот из какого соображения: что важнее для воспитания коллектива и этого подростка? Конечно же, эффективнее собрание, а не приказ администрации: «Отчислить». И другая сторона дела: что с ним будет дальше, с тем, кого отчислили? Мы многократно убеждались: терпеливая и настойчивая воспитательная работа, даже если она порой казалась мучительной, позволяла очистить от всякой шелухи самых вроде бы «безнадежных» ребят. Аксиома: администраирование — враг подлинной педагогики.

Самый трудный возраст у нас — подростки. Здесь и чрезмерно оберегаемое собственное «я», и повышенная ранимость, и легко возникающий скепсис. Здесь неумение распределить душевые и физические силы, чтобы продолжительно и упорно трудиться, и пока еще потребность поиграть, перезвиться. Здесь паника от неудач и головокружение даже от незначительных успехов. Здесь легкомысленное отношение к быту, а рядом культ вещей и т. д. и т. п. Как помочь подростку найти путь к людям и к самому себе? Как передать весь позитивный опыт старшего поколения поколению подрастающему?

Повторяю, нет готовых, приемлемых для всех случаев жизни рекомендаций, но есть общие, бесспорные педагогические принципы, на которых мы стоим, которые стремятся утверждать в повседневной практике педагогические кадры системы профтехобразования. Это принципиальность и внимательность, доверие и требовательность.

Размышляя над тем, каким должен быть рабочий завтрашнего дня, человек, который перешагнет порог заводской проходной не только XX, но и XXI века, мы подчеркиваем: для нас однажды неприемлемы и бессловесная исполнительность робота и прекрасно-душное пустозвонство болтуна. Идеал коммунистического воспитания — гармонически развитый человек, для которого труд, как сказано в новой Конституции СССР, стал «первой жизненной потребностью». Человек, сочетающий высокие гражданские и нравственные качества с образованностью и профессионализмом. Не вызывает сомнений: сегодня мало дать молодому человеку лишь определенную сумму знаний — необходимо прежде всего научить его творчески мыслить и действовать, ориентироваться в производственной, научной и политической информации, быть готовым и способным к самостоятельным решениям и работе.

Главный воспитатель — труд. Труд и только труд закладывает фундаменты характеров и судеб. Об этом мы всегда помним, что бы ни делали и что бы ни замышляли.

При многих обязанностях человека в жизни о нем судят прежде всего по труду на общее благо, так как духовное богатство, сущность личности, мера сознательности каждого лучше всего проявляются в его трудовых свершениях. И чтобы стать настоящим гражданином своей Родины, каждому надо изо дня в день работать в полную меру сил и способностей, поднимаясь все выше в своем мастерстве.

Владимир АНИСИМОВ,
специальный корреспондент «Смены».

СЕМИПАЛАТИНСКИЕ БРИГАДЫ

Суть дела укладывается в несколько строк. Десятиклассники школы № 31 города Семипалатинска на своем комсомольском собрании предложили: собрать бригаду добровольцев и сразу после выпуска пойти работать на стройки города. Узнали об этой идеи и в других школах. А накануне выпускных экзаменов в горкоме комсомола уже имелись списки восьми бригад, в которые вошли 250 десятиклассников.

...Год спустя мы идем по улицам города с Анатолием Семенченко, первым секретарем горкома комсомола.

Шаг в сторону с просторного, современного проспекта — и пыль по щиколотку, ухабистый проселок, кварталы деревянных, по окна вросших в землю домишек. Давно, до эпохи гиперланов, город застраивали как кому бог на душу положит. Любое предприятие — будь то мясокомбинат или швейная фабрика — обрастало собственным поселком, пусть неказистым, но своим. Так и образовалось несколько обособленных районов.

Сбитые с толку непривычной планировкой (вернее, ее отсутствием), люди приезжие подчас заявляли, что у города нет собственного лица, еще не видя, что оно, лицо города, создается сегодня. До завершения, правда, еще далеко, предстоит снести сотни ветхих домов, но совсем немного воображения — и можно уже увидеть и центральную площадь с оригинальным зданием театра и белую набережную Иртыша... Высотные дома «взрывают» изнутри старые кварталы; новостройки стягивают воедино разрозненные районы. В бывших фабричных поселках чумазая, босоногая детвора строит свои города на песчаных отвалах траншей, прорезавших деревянные кварталы.

Но где взять столько рабочих рук, чтобы отстроить — практически заново — весь Семипалатинск? Приходил в строительные тресты народ разный — и настоящие мастера и случайные, с далеко не безупречной репутацией люди. На анкету не особенно смотрели, а что еще оставалось при постоянной нехватке кадров и растущем объеме работ? А потом в городе назрела такая ситуация, что стихийный приток рабочих уже не спасал. Тут-то и предложили свою помощь десятиклассники.

В бригаде только ровесники

Семенченко по образованию инженер-проектировщик, стало быть, хорошо знаком со всеми сложностями строительства. Но здесь он почему-то «забыл» вдруг о молодости и неопытности

добровольцев и, отложив на время другие дела, взялся за формирование этих совершенно необычных бригад.

Но добровольцы ведь еще несовершеннолетние! В бригаду десятиклассника залишут только тогда, когда отец и мать поставят свои подписи на его заявлении.

А родители решение детей восприняли по-разному. Итоги «семейных советов» порой приходилось разбирать в горкоме. Так было тогда, например, когда один парень подделал подпись отца, категорически запретившего сыну идти на стройку. Известен и другой случай: отец собственноручно написал сыну заявление об уходе из бригады. Между прочим, отец — педагог... Это, конечно, крайности. Большинство же родителей заняло позицию выжидательную: пусть, мол, попробуют, а там видно будет.

Примерно так же думала и Елена Федоровна Григорьева, старший библиограф медицинского института. Ужее-то дочери никакого резона на стройку идти не было:

— Училась она все годы хорошо, в аттестате всего две четверки. Об институте с ней поговаривала — способная же девочка. И вот это собрание в школе, где решили они на стройку идти. Переволновалась я, что и говорить... Ну, зачем ей на стройку?.. Но не отговаривала. Знаете, как страшно: запретишь, а потом всю жизнь каяться будешь... Ольга верно рассудила и мне о том напомнила: чем диплом получить лишь бы какой, лучше сперва свои наклонности точно определить. Подписала я Олино заявление. На выпускном вечере директор вручал ей аттестат, а вместе с ним комсомольскую путевку и трудовую книжку. В книжке уже день приема на работу простоял — 6 июля. Вручает он аттестат, задержал ее руку, спрашивает: может, передумашь еще?

С одной родственницей я чуть не поссорилась: как же, девочка не в институт, а в штукатурку пошла, музикальную школу бросила. Кое-кто меня до сих пор ненормальной матерью считает, но я не обижусь. Кто бы что ни говорил, мы-то с Олей знаем, что не ошиблись. Хотя и трудно ей было, особенно первые месяцы. С работы придет, от усталости валится. Едва передохнет, книги в сумку — и на лекции. На стройке не просто работу, а свою линию в жизни нашла: в том же году в строительный институт поступила.

Очень переживала всякие неполадки на работе. Придет, рассказывает: «Мам, ну что ж это такое? Все работают, а две девочки ушли в бытовку и там отсикиваются. Но всем же трудно! Пришло из-за этого в перерыве собрание проводить...» Игорь, мой младший, тут же, все наши разговоры слушает. Взрослые всегда любят спрашивать: кем будешь,

когда вырастешь? У него один ответ: как Оля, строителем! Ему пока всего тринадцать, но кто знает... Институт ведь не единственная ценность в жизни! И не обязательно сразу туда идти...

В медицинском институте конкурс большой, и попасть к нам трудно. А сколько отсыпается! В семьдесят шестом мы потеряли около ста студентов — это те, кто по настоянию родителей поступил, а потом разочаровался. Жаль ребят... Все-таки какое счастье, что у нас в семье разочарований не было. Понимаю: специальность у дочери уже есть, зарабатывает больше меня, до 180 рублей, в институте на второй курс перешла. Депутатом горсовета выбрали — уважают, значит, люди.

Ну, а музыка? У них ведь в «Альтаире» — так они бригаду называли — своя самодеятельность, не забывает Оля фортепиано...

Случайно, нет ли, но среди молодых рабочих я не встречал мечтавших стать строителями с детства.

В том же «Альтаире» работает Олина сверстница Люда Рязанцева. Если решение Григорьевой пойти в строители еще можно было объяснить неопределенностью ее жизненных планов, то приход в бригаду Рязанцевой, с точки зрения обычной логики, совсем непонятен. Вплоть до десятого класса твердо хотела стать педагогом — и одного комсомольского собрания хватило, чтобы разом перечеркнуть все планы? Мама, отнюдь не пришедшая в восторг от такого известия, могла бы привести резонный аргумент против: ладно, уж если ты хочешь до института поработать, накопить кое-какой жизненный опыт, так выбирай, что тебе ближе — работу в детском саду или вожатой в школе. Но почему стройка? у бригадира Надежды Петровны Ловчук сомнения были не меньшие: девочка робкая, застенчивая — такие качества на стройке не очень ценятся. И вовсе не оправданным казалось то, что бригада выбрала Люду своим комиссаром (и такая должность здесь есть, как в студенческих стройотрядах).

А «тихая» неожиданно для всех оказалась с характером!

На одном из совещаний начальник управления сказал, как о деле решенном: бригада перебрасывается на другой объект. Дело прошлое, но переводить «Альтаир» на новое место было нерационально. Однако не бригадир, а «застенчивый» комиссар первым подал голос:

— Нельзя нас сейчас срывать с объекта...

— Отказываетесь? Тогда пишите всей бригадой «по собственному»!

А на другой день он признал свою неправоту. Сам приехал в «Альтаир», вроде немного смущенный.

Стали к Рязанцевой внимательней приглядываться: дело свое знает, от былой робости и следа нет, за себя и за бригаду постоять может. Короче говоря, всего лишь через год после школы назначили ее бригадиром «Альтаира» и сразу доверили непростое задание: отдалку новой трехэтажной котельной на комбинате спецжелезобетона. Вот и поговори тут о простой житейской логике, если человек вдруг проявляет себя в совершенно чуждой ему, казалось, сфере...

Семипалатинский эксперимент чем-то напомнил мне известный способ обучения плаванию: человека бросают на глубокое место — выплытай, как знаешь. Сравнение, конечно, грубое, но ведь сразу со школьной скамьи, без всякой «переходной ступеньки» молодежь попадает на производство. Мало того — сравните-ка условия работы, быта на стройке с заводскими... Может, в том и состоит закономерность этого эксперимента: в сложных условиях проявляются скрытые раньше человеческие качества, быстрее заканчиваются становление характера?

Еркен Күшненев, нынешний комиссар бригады «Арман», первые недели сам себя брал за шиворот и тащил на работу — так не хотелось. В бригаду потянулся за однокашниками, только чтоб остаться в знакомой, равной компании.

Прошел год. За это время стал квалифицированным каменщиком. Но главное в том, что, к собственному удивлению, «прикипел» к избранному ремеслу.

Так получилось, что один пятиэтажный дом строят два коллектива — «Арман» и бригада «профессионалов».

— Не пытались соревноваться? — спрашивал у Еркена.

— Рановато нам с ними. Хотя как сказать... Они на втором этаже — и мы на втором... Они на третьем перешли — мы тоже.

Позже посмотрел я доску показателей. Процент выработки у «Армана» был стабильно выше. Когда подвели итоги того месяца, оказалось, что «Арман» занял третье место по всему тресту. Не поверили, пересчитали. Действительно, третье.

Да, трудно однозначно ответить на вопрос: что же влечет ребят на стройки? Льготы при получении жилплощади? Заработка? Или то, что горком комсомола дает строителям рекомендации для поступления в вузы — даже не строительные? Без сомнения, и это тоже. Но не все.

Есть такое ходячее выражение: «испытать свои силы». Фактор романтический, не спорю, но кто в юности напрочь лишен романтики? Бывают «благополучные» биографии: школа — институт — «уютная» работа в кантоне с 9 до 18. Настолько все «хорошо», что в

Рисунок Владимира Светланова

итоге, бывает, человеку и вспомнить почти нечего. Ведь хранится в памяти, как правило, не протоптанный дорожка от школы до аспирантуры, а то, как замерзал в трудном походе, как ныли плечи и сводило пальцы после работы, как ошибался — и побеждал. Побеждал самого себя: робость души, неуверенность, сомнения. Не покой и благополучие человека помнит, а то, как выбирался из трудных положений. Конечно, не нужно при занижать и значение диплома, инженерной должности, но они тем ценнее, чем трудней дались.

По этому поводу секретарь горкома партии Исхатбек Кадырович Мамедбаков рассказывал:

— А у меня так получилось: со школьной скамьи — сразу на вузовскую. Когда пришел инженером на производство, глянул — теорию-то знаю... Решил сначала годика два руками поработать...

Многие из выпускников 1976 года уже учатся в строительных и других институтах заочно. И можно поручиться, что не будет среди них ни одного, тихо отбывающего «срок службы» с 9 до 18. Характер не позволяет, проверенный на стройке. У них, можно сказать, после школьного выпускного еще один экзамен на зрелость состоялся.

Что ж, есть в бригадах и потери. Давайте не будем сразу осуждать за малодушие: один ушел по состоянию здоровья, другой разочаровался в профессии, третий... Всякое бывает. Но отметим: почти ни один не оставил бригаду в самое трудное время — зимой, когда и ветры и мороз за тридцать...

Форма и содержание

Нет, Семенченко вовсе не забыл о молодости и неопытности добровольцев, о том, что к ним нужен особый подход — включая и «внешнее оформление», которое для кадровых рабочих почти не имело бы значения. Начать с того, что каждая бригада имеет свое название. «Бригада Сидорова» — было бы скучновато ребятам, ведь для них во всем этом на первых порах сохраняется элемент игры. Вот бригада «Альтаир» («Звезда») или «Арман» («Мечта») — это да, это звучит! Вывески-плакаты старательно выполнены, чтобы прохожие знали, кто здесь работает.

Форму красивую придумали — не обижать же 17-летних ребят в безразмерную брезентовую робу. Сочинили свой фасон, летний и зимний. Ярко-синие куртки и брюки шьются по индивидуальным меркам на местной фабрике. Бывает, работают черт знает в чем, а рабочий костюм надевают к обеду, пройтись в столовую — жалко пачкать.

Сшили и парадную форму: элегантный костюм для девушек, костюм-тройку для ребят. Ткань для формы выбирали долго и пристрастно, а когда нашли — оказалось, что на всех ее в магазине не хватит. Но и это горкомовцев не смущило: написали письмо ивановским ткачам — дескать, понравилась ваша ткань, да не хватило, выручайте. Отклинулись ивановцы, прислали партию товара специально для бригад. Между прочим, все расходы взяли на себя стройтресты.

В апреле 1976 года первый городской слет провели, зазвали на него таких гостей, как космонавт Титов, знаменитый строитель Улесов...

Но быть почину давно забытым, если дело ограничилось бы только внешними атрибутами. Чтобы юноша или девушка не чувствовали себя и вправду «брошенными в воду» новичками, горком комсомола при самой деятельной поддержке горкома и обкома партии подготовил достаточно «спасательных кругов».

Раз в неделю десятиклассники приходят в учебный комбинат треста, осва-

ивают здесь будущую профессию, бывают на стройплощадках. И когда выпускники вместе с аттестатом получают трудовую книжку, они уже умеют что-то делать. Немного, но умеют.

Нередко новичку без специальности стройка предлагает то, от чего у иного и руки опустятся — черновую, подсобную работу типа «принеси-подай». Для «школьных» бригад в Семипалатинске железный закон: никаких «принеси-подай» — чтобы не отбить всякую охоту, особенно у тех, кто вроде Еркена Күшесева попал на стройку случайно. С первого дня ответственная работа — для одних кладка, для других отделка — в зависимости от выбранной специальности. Не рискованно ли? Но, во-первых, ребята еще в школе прошли небольшую практику; во-вторых, степень риска определяется разумно, и начинают они со сравнительно небольших объектов; в-третьих, рядом всегда находится опытный бригадир-наставник, звеньевые, готовые в любой момент предупредить оплошность.

Бригадиров подбирали с таким тщанием, с каким невеста жениха не выбирает, собрали лучшие силы со строек города. Организовали курс лекций для бригадиров. Лекторов — преподавателей вузов — попросили, чтоб в облаках не витали, а держались к земле поближе — в плане экономики, психологии, педагогики. И лекторы постарались: ни одного пропущенного строителями часа занятий — это в нерабочее-то время!

Ребятам гарантировали оплату — минимум сто двадцать в месяц. Не подумайте, будто за счет каких-то приспособлений. Просто новички один рабочий день в неделю проводят в учебном комбинате треста, «добиря» теоретическую часть программы, и за это получают стипендию. По поводу зарплаты было немало споров: не начнут ли ребята «сачковать», если заработок все равно гарантирован? Однако это правило действует ровно полгода, и каждый знает: не научишься работать — пеней только на себя. Ну, а если такое все-таки случится — может и бригада сказать свое слово, определяя коэффициент трудового участия каждого.

И, наконец, за каждой бригадой закрепили шефа из числа партийных, советских и комсомольских руководителей города.

Незаслуженный подарок?

Чувствуя, как у читателя поднимается раздражение:

— А за какие такие заслуги им особые условия? Костюмы бесплатные, шефы персональные, зарплата немалая и так далее... Что они такого совершили? Ну, пошли работать после школы — подумаешь, подвиг какой...

Действительно, ребята, не совершив ничего особенного, сразу получают подарок, и подарок, еще не заслуженный. Авансом, как в таких случаях говорят. В том и дело: сумеют они аванс оправдать или нет, не зря ли строительные тресты шли на большие хлопоты и затраты, связанные с организацией бригад?

Михаил Филиппович Першин, заместитель секретаря парткома треста, на вопрос ответил вопросом:

— Допустим, вы плотник-бетонщик пятого разряда. Я мастер. Вы пришли работать на мой участок. Чем заинтересуетесь в первую очередь?

— Ну, очевидно, насчет инструмента, бытовки, спецодежды...

— Ничего подобного. Вы спросите: «По сколько в день наряд закрывать будешь?» «По семь рублей». «Тогда до свиданья». А я при острой нехватке рабочих рук не только прогложу ваше хамство, но постараюсь уговорить: «Может, на десятке сойдемся?» Вот такой диалог у нас произойдет. Можно и про-

должить ситуацию. Я, мастер, однажды пойду на такую сделку, оказываюсь в зависимости от вас. Вам не привезли раствор, вы приходите ко мне: «Мастер, раствора нет. Я предупредил, остальное меня не касается». Раствора нет и не будет, а я сижу и чешу в затылке: что б вам такое в наряд записать, десятку обещанную натянуть? Отсюда происходит самое страшное зло — приспособление. Не хочу бросить тень на всех строителей, но каждый поймет, что ситуация, обрисованная мной в несколько утрированном виде, еще встречается. Почему я вспомнил о ней в разговоре о молодежных бригадах? Поймите, они помогают нам решать целый ряд серьезных проблем, даже не догадываясь о том. Поясню.

Мне, мастеру (продолжим нашу игру), теперь не нужно кривить душой. Получаю наряд на определенную работу, прихожу к эвакуации хлама и говорю с ним уже не подобострастно: «Вот наряд. Возьмешься сделать? Ах, заработок не устраивает? Как хочешь. Этот наряд я передаю комсомольской бригаде».

Другой случай. В бригаду не привезли раствор или кирпич. Кто-то будет спокойно перекуривать (мастер не обидит, закроет наряд «как надо»), а эта зеленая молодежь будет во все колокола трезвонить, пока всем ее не обеспечат. Она не привыкла к неполадкам, не может мириться с плохой организацией труда, она не развернется реческим отношением к стройке. Поэтому нельзя мерить значение бригад вчерашних школьников только рублями, суммой освоенных ими средств.

Глядя на молодых, и «старички» подтягиваются: как же, какие-то сосунки их обставляют! А что касается разных хапуг, они уже усвоили: или будут работать по-новому, или молодежь их просто вытеснит. Вот что надо понять: именно через комсомольско-молодежные бригады мы можем поднять общую дисциплину на стройке, организацию труда, искоренить порочные привычки.

Так что затраты на создание бригад полностью оправданы.

Здесь уже начинается особая семипалатинская «строительная педагогика», необычность которой в том и состоит, что новичок — а его, по нашим традиционным представлениям, еще учить уму-разуму и воспитывать следует — сам становится «орудием» воспитания. Хотя ради объективности нужно сказать, что вот такой побочный эффект необычных бригад вначале предвидели не все.

Тресты набирали бригады, исходя из чисто практических соображений: еще столько-то рабочих рук придется на стройки. А пришли не просто «руки» — появились личности, характеры. Они чувствовали себя достаточно уверенно и в непривычной обстановке, потому что пришли готовыми коллективами.

В том, что новички не признают никакой «субординации» в делах, Семенченко убедился довольно скоро. Бригада «Юность» строила жилой дом возле горкома и, оставшись как-то без материалов, отправила делегацию к секретарю. Делегация застала в комитете совещание; решив не мешать, ребята пошли по другим «инстанциям». Но после совещания его участники и сам секретарь обнаружили на горкомовской двери ехидную, в стихах, «молнию». Попробуй не отреагируй!

В вагончиках у них списки телефонов. При различных неполадках тут же раздается звонок в горкоме комсомола или парткоме треста. Больше всех страдают от такой «наглости» ребят, конечно же, начальники стройуправлений — нажимают теперь на них и сверху и снизу. Тем не менее и они успели оценить новшество. По крайней мере при напоминании о сроках, которые, как известно, всегда

торопят, теперь так успокаивают городское руководство: «Подождите, вот с первого числа выйдет на объект молодежная бригада...» Дело в том, что молодежь не только «молнии» писать и по телефону звонить научилась.

Зимой бригада «Жалын» строила котельную. Сломался кран. Прекрасный повод для длительного перекура: не таскать же на себе кирпич и раствор за сорок метров да по лестнице?

— Замерзнет раствор, ребята, — напомнил комиссар Муса Адильбаев.

— Мы каменщики, не грузчики... — неуверенно подал кто-то голос.

— Но кому-то надо?

Постепенно за комиссаром и другие начали разбирать носики. После работы договорились на будущее: объект наш, нам и отвечать за него. Во всем.

О подобном можно рассказывать и рассказывать: как ребята из «Монолита» в схожем положении приняли такое же решение, как в бригадах и половинки кирпича использовать пытаются, как на работе дотемна остаются, пока весь раствор не выработают... Мы часто говорим о бригадном подряде не только как о прогрессивном методе строительства, но и как об организации труда, формирующем хозяйственное отношение к стройке, к своему делу. В семипалатинских бригадах утвердился такой моральный климат, благодаря которому они уже сейчас во многом готовы принять бригадный подряд.

И еще одну интересную мысль подает повседневная практика: ребята, год-два проработавшие под началом опытнейших строителей, сами способны стать звеньевыми, а то и бригадирами во вновь создаваемых бригадах. Таким образом решится проблема и «стареющих» коллективов.

Болезни роста

28 бригад нынче в самом городе, еще 23 в прошлом году впервые созданы в районах и селах. Едут гости из других областей, республик — перенимать опыт. Ценность семипалатинского эксперимента еще и в том, что он пригоден в любой отрасли хозяйства — там, где сегодня особенно требуются молодые, энергичные руки.

Однако сами инициаторы не поддались розовому оптимизму: дескать, все у нас в порядке, никаких проблем. Проблемы-то существуют, более того — с ростом числа таких бригад они обозначаются все резче. Касается это прежде всего материальной базы: не хватает механизмов, низко качество ручного инструмента, несовершенны бытовые условия на стройке. Пока удается, хоть и с трудом, обеспечить молодые бригады вагончиками — красными уголками. Но что будет через год, летом, когда количество бригад возрастет? Через хозяйствственные органы трест пока мало чего добился.

Молодежь надо учить передовым приемам труда, но если в учебном комбинате треста объясняют устройство различных механизмов, то на стройплощадке надо, сгибаясь на лесах в три погибели, набрасывать раствор на потолок вручную. Попробуй объясни каждому, что за год тресту была выделена всего одна насосная станция...

Все это пока не остужает энтузиазм новичков, но настала пора задуматься и о будущем — о том, что границы почина перерастают возможности его создателей, что под энтузиазм надо подводить материальную основу, что на одном порыве трудно долго продержаться. Необходима серьезная помощь хозяйственных органов, строительных министерств: «снизу» поднимается большая сила, и нужно поддержать ее не только морально, но и материально — дело стоит того.

БИОГРАФИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ

Владимир БОБРОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
ордена Красной Звезды ГПТУ-2 г. Мытищи.

Моя специальность — история. Однако в первые дни работы в ГПТУ пришлось отложить учебники и, вспомнив студенческие трудовые семестры, заново осваивать совсем другой предмет. Нас было 50 человек в составе строитряда «Дорожник», и приехали мы летом в Павловский Посадский район строить сельские мастерские, школу, дороги. Задание нам дали немалое — освоить 200 тысяч рублей.

Выработку считали каждый день. Вот записи из отрядного дневника: «День третий. Уложили 30 кубометров бетона... День четырнадцатый — есть 45 кубометров!». Сразу оформили экран соревнования и после работы на летучке отмечали лучшего. И не только лучшего: выснислось, например, что двое ребят — любители подремать на работе. Вызвали их на товарищеский «педсовет». Помню, как после того мужского разговора они оба не раз становились победителями в соревновании. Отмечу здесь, что в «Дорожник» и «Металлист» — строитряды ГПТУ — как правило, стараются привлекать так называемых «трудных» подростков.

Вот так я впервые увидел своих комсомольцев в деле. А дело они сделали большое: выполнили задание раньше срока, с хорошим качеством, ежегодно давали 130—150 процентов нормы выработки. Когда отряд приехал к месту работы, здесь были уложены лишь две бетонные плиты. А уезжали по хорошей дороге.

Необычным в сравнении со школой было для меня начало учебного года, и прежде всего то, что не оказалось проблем с дисциплиной. Раздается звонок, вхожу в кабинет и могу начинать урок хоть с порога — группа на местах, готова слушать и записывать. А ведь приходят к нам из школы не только самые дисциплинированные ребята. Но, видимо, с первых дней впитывают атмосферу заводской точности, ответственности, сложившуюся в училище. К тому же заниматься и вести уроки в нашем ГПТУ — одно удовольствие. Цветные телевизоры, пульты дистанционного управления, хитроумные раздвижные доски — редкая школа может похвастать таким техническим оснащением. Причем многое сделано руками самих учеников — они и кабинеты оборудовали и мастерские. Кстати говоря, мастерские ГПТУ под стать учебным кабинетам. Базовое предприятие считает училище своим цехом — потому в распоряжении учеников новейшие станки.

В школе мне, как преподавателю, достаточно было знать свой предмет. Тут — совсем другое дело. Училище выпускает токарей, фрезеровщиков, слесарей-сборщиков, и негоже преподавателю любого предмета «плавать» в вопросах профессиональной подготовки. Подчас приходится и самому учить учеников.

Главным для нас остается то, как человек готовит себя к труду. У нас и девиз таков: «Качество знаний — сегодня, высокая эффективность работы — завтра». Впрочем, не только завтра. Училище имеет народнохозяйственный план — выпускать ежегодно 60 вер-

тически-сверлильных станков. А это значит, что новички сразу получают ответственное дело. И не подводят: уже более 10 лет на наши станки не было ни одной рекламации. Профессиональная учеба, план производства, качество продукции — основное в соревновании групп. Все, как на настоящем заводе. Обязательства всех групп вывешены на самом видном месте — подходит, изучай, сравнивай. Тут же и экран, «летопись» соревнования, результаты работы за каждую неделю.

Часто учебный день начинается рейдом комсомольского актива по кабинетам и мастерским. Тематика самая разнообразная — состояние рабочих мест, то есть культура производства, проверка посещаемости, тетрадей. По результатам рейда оформляем специальные стенды или фотовитрины, а свои выводы и предложения высказываем в докладной записке учебной части. Мне повезло: замполит Сергей Фролов — сам в недавнем прошлом комсомольский секретарь, председатель профкома Михаил Левкин участвуют во всех наших делах...

Популярность училища (а у нас конкурс 2—3 человека на место) складывается также из того, чем наполнена его жизнь. Редко кто у нас после уроков сразу уходит домой — начинаются занятия в самодеятельности, спортивных секциях, кружках. Частыми стали поездки по разным городам — только на эти цели мы имеем до 8 тысяч рублей в год.

Популярность ГПТУ — одного из старейших в РСФСР — и в его биографии. Училище наше награждено боевым орденом Красной Звезды: его заслужили совсем молодые ребята, изготавливая и ремонтируя в годы войны оружие для фронта. Среди первых выпускников — Герой Советского Союза Николай Корсаков, погибший при освобождении Чехословакии. Его имя носит сейчас наше ГПТУ. Училище не раз становилось победителем в социалистическом соревновании, а Красное знамя Государственного Комитета Обороны вручено М. И. Калининым, оставлено здесь на вечное хранение. В дни, когда ребята обсуждали и конспектировали новую Конституцию, мы часто вспоминали об истории училища, приглашали его первых выпускников... Нынешнее поколение поддерживает традиции: в 1977 году мы выпустили 136 молодых рабочих с повышенными разрядами, а 32 получили дипломы с отличием. В год съезда комсомола, год 60-летия ВЛКСМ, мы намерены эти цифры значительно увеличить.

...Часто приходят письма с воинским штемпелем, такие, как вот это: «С большим солдатским приветом рядовой Токолов! Прибыли в часть — и начались наши солдатские будни... Привет вам и от Васильева Бори из 12-й группы. Он вместе со мной закончил училище, и мы служим в одной роте. Передавайте всем, кого мы знаем в училище, мы не забываем вас...»

Пишут многие. И эти лаконичные солдатские письма, как мне кажется, говорят о многом: о прочной связи с ГПТУ, не прерывающейся после экзаменов, о том, что выходят из стен училища молодые рабочие, преданные своей профессии.

Официальный ответ:

«На ваше письмо обком комсомола сообщаю, что факты, изложенные Кондиковым Сергеем Анатольевичем об условиях работы молодежи на житомирском заводе «Электроизмеритель», не подтверждены.

...Тов. Кондиков С. А. пришел на завод в июне 1976 года без специальности. Начал трудовую деятельность учеником; ему помогали наставники Шаленый В. И., а потом Синельников Н. А.

По мнению рабочих цеха, парень способный, но не привык работать, допускал брак, нарушения дисциплины, во время смены уходил домой с завода... В сентябре 1977 года уволился, поддавшись при этом подпись секретаря комитета комсомола в обходном листе. В связи с этим встретиться с тов. Кондиковым С. А. по поводу его письма в редакцию журнала «Смена» не представилось возможным.

Секретарь обкома ЛКСМ Украины М. Чигир».

поднял: дескать, наставник меня обманывает, мало выписал, заставляет работать на своей карман. Ладно. Пошел к мастеру, попросил, чтоб отдельный наряд Кондикову давали. Месяц прошел—снова недовольство. Потребовал сложной, выгодной работы. Раз, второй раз—брак идет. Вот и перестали давать.

За три дня человека не распознаешь, но если он откровенно, с первой встречи сам поворачивается не лучшей своей стороной... Я, как и Владимир Иванович, не педагог и, право, не знаю, как поступил бы на месте наставника. Наверное, мне бы было так же неприятно увидеть, как мой ученик, без году недели на заводе, неумеха, сразу в «бой» за рубль кинулся. Но, насколько мне известно, подобная ситуация никакими педагогическими рекомендациями для наставников не предусмотрена. Чтобы выяснить причины странного поведения парня, надо характер его до тонкостей изучить, а на это время требуется Решение же конкретного конфликта откладывать нельзя. Есть отчего растеряться наставнику.

лей, воспитывался Сережа у нее, Елены Игнатьевны. А бабушкино воспитание известно—чего не сделаешь для любимого внука! Баловала, да. Но разве плохого парня вырастить? Не пьет, не курит, ни в чем плохом никогда замешан не был. Человек честный и принципиальный, только горяч не в меру. В жизни никак не определяется. Поступал на географический—получил на первом экзамене тройку и не стал дальше сдавать. Поступил в военное училище (вот ведь как бросает человека из стороны в сторону)—через полгода ушел. Пришел после армии на завод—and тут неладное вышло.

Нет, ничего «ненормального» я в нем не нашел, кроме, пожалуй, излишней ожесточенности. Аж передергивает всего, стоит назвать имена бывших наставников, мастера. «У них одно на уме—как бы заработать побольше. Для того и вечерами остаются, по субботам приходят. А работу похуже—молодым».

— Погоди, Сергей, о других. Брак-то был?

— Случалось.

— Уходил в рабочее время?

ставить на карту еще и учебу в институте. На заводе больше тысячи комсомольцев. Не поверю, что не могли найти замены. Не искали.

Уходя с завода, Сергей не придумал ничего лучшего, как подделать подпись секретаря в обходном листе, чтобы не склонять выговор за неуплаченные взносы...

А ведь он все время сам себя наказывает, этот Кондиков! Не сумел доказать свою правоту, бросил работу, надел глупостей. Не ушел открыто, улизнул тайком с завода.

Говорили мы с ним о том, что критикующий должен чувствовать себя неуязвимым со всех точек зрения. Ибо, к сожалению, бывает и так, что реакция на критику сводится к поискам прегрешений самого изобличителя: нечего жаловаться, если рыльце в пушку. Прием, конечно, сомнительный, но лучше не давать повода применить его. К тому же критиковать надо уметь. Нельзя мешать деловую основу разговора с ожесточенностью, охаманиванием всего и вся. Но, с другой стороны, только ли в характере Кондикова заложены причины случившегося?

ВЗАЙМНАЯ СИНЕМКА

Владимир
НИКОЛАЕВ

В глазах моих собеседников—в обкоме, на заводе—недоумение. С письмом разобрались, редакции дан исчерпывающий ответ, и вдруг теперь, когда дело закрыто, надо зачем-то возвращаться к старой теме.

И еще настороженность. Проверка критических сигналов никому не доставляет удовольствия, тем более повторная. О том, чем она была вызвана, будет сказано ниже, сейчас—о самом письме.

Из письма Кондикова следовало, что молодым рабочим слесарного участка не дают, хорошей, выгодной работы, расценки низкие, заработки невысокие, отсюда нежелание молодежи трудиться на участке, большая текучесть кадров. Двойственное впечатление производило письмо: по существу—серые замечания, которые нельзя оставить без ответа, по форме—несдержанность тона, недопустимые выражения в адрес всего коллектива, нападки на комплексную систему управления качеством («резают премии буквально ни за что»). Представляю, как обидно было читать его ветеранам завода. Откровенно говоря, письмо не вызывало симпатий к автору, но откуда все-таки эта ожесточенность, сквозящая в каждой строчке, у парня 21 года от роду?

Кондиков на завод пришел, не успев сменить военную форму на штатский костюм. Начальник цеха показал будущее рабочее место. Понравилось. Познакомил с наставником—Владимиром Ивановичем Шаленным. Что ж, слесарь опытный и как человек сразу к себе располагает. В цехе уважаем: портрет Шаленного на Доске почета... А спустя некоторое время стали наставник и ученик—ну, не врагами, но отношения накалились настолько, что пришло срочно подыскивать Кондикову другого шефа. С чего все началось? Думается, с того злополучного наряда...

Своего, отдельного, наряда ученик не имеет, делает детали попроше, помогает наставнику, а тот уж сам работу новичка оценивает.

— За первые три дня,—вспоминает Шаленный,—выписал я ему 15 рублей. А он шум

В том первом конфликте у Шаленного возникла естественная реакция—защитить свое добре имя. Вот тебе отдельный наряд—и вперед чтобы никаких подозрений. Однако отдельный наряд если и нужен был, то обязательно с самого начала. Пойдя на «раздел», наставник сам перевел свой контакт с учеником на более официальный, что ли, уровень. Во всяком случае, отношения не улучшились. Напротив, Кондиков после этого в зарплате только потерял и догадался: наставник ищет. За критику. Разных книжек по специальности читать не дает, на сложной работе плохо помогает. Потому и брак у него, Сергея, получается.

Проводили с ним беседы: нельзя, мол, плохо работать, опаздывать, уходить не во время. Головой кивает, будто соглашаясь, и молчит. То-то и плохо, что молчит. Поди разберись по молчанию, какие мысли в голове бродят.

В общем, стало ясно, что при таких отношениях работать вместе им невозможно, и прикрепили Кондикова к другому наставнику—профгруппу Николаю Синельникову.

Николай в суждениях любит краткость и четкость:

— Работать надо, вот и все. Остальное само придет—заработка, почет и уважение.

— Но разве нормальный, здоровый человек не в состоянии хорошо сделать эту работу? Например, просверлить отверстия в такой пластине?

— Значит, он ненормальный,—отрезал Синельников.

Не осталось у Сергея на заводе ни товарищей, ни приятелей. Даже дальний его родственник Миша Кобелюк на все расспросы пожимал плечами и утверждал: Кондиков сам виноват.

Дома я застал только бабушку. «Сережка к жене переехал, далеко это, не найдете, я провожу». Дорога неблизкая, о многом поговорить успели.

О том, что с детства оставались без родите-

лей, помялся немного. Потом будто прорвало:

— Да иногда от всего этого такое настроение найдет—не могу работать, хоть убей!

И так во многих его поступках—шаткость собственной жизненной позиции, нехватка гражданской зрелости. Пытался он «передергнуть время», получить от жизни больше, чем пока дал ей сам. Но, не вложив в дело достаточно труда, терпения, выдержки, несправедливо требовать что-то для себя. Может, вначале следует потребовать от себя? Ведь нет ничего проще, чем свалить на других вину за собственные неудачи и встать в позу обличителя чужих грехов, забывая о собственных. Говорил, что не может видеть несправедливость, но видел несправедливость и там, где ее нет (премии-то снижали правильно—за самовольные отлучки, за брак). Вот и истоки настроения.

Где-то в самом начале не сложились отношения с наставником, не пошла сразу работа, не удались, судя по результату, педагогические беседы с новичком—и утвердилось мнение о Кондикове как о человеке совсем безнадежном. С таким мнением любому трудно смириться. Но доказывать обратное можно по-разному. Один зубы стиснет, волю скожет в кулак—докажет делом. Другой озлобится:

— Все вы считаете меня ни на что не годным—так я назло вам еще хуже буду! А получается—назло самому себе. Вот эту главную беду Кондикова на заводе, к сожалению, не заметили, посчитав все его промахи и грехи идущими только от лености и халатности.

В вину ему ставится также отказ ехать осенью в подшефный колхоз и демонстративное увольнение. Было такое. И отказ и увольнение. Правда, есть один нюанс, и о нем на заводе знают: в том сентябре Сергей начал заниматься на вечернем отделении политехнического института, и отрыв от учебы был очень некстати. Кондиков сразу оказался бы в неравном положении с однокурсниками: догонять в одиночку всегда труднее. А у него в жизни уже достаточно неудач было, чтобы

По-видимому, при разборе письма немалую роль сыграла обида, вызванная его резким тоном, и проверка большие затронула поведение самого автора, чем производственные и комсомольские проблемы. Уволился парень—все вздохнули свободней. Хлопот меньше. Вон на его месте новый ученик сидит, сверлит себе детали потихоньку, писем в журналы не пишет. И снова на участке, в цехе все в порядке.

Верно, история с Кондиковым исключительна, но ведь за год с небольшим, что он проработал здесь, с участка, насчитывающего 22 человека, тихо, без скандалов ушло еще 13 человек—две теперь на других участках, одиннадцать уволились вообще. В этом Кондиков был точен (он даже фамилии в письме приводил), и почему при первой проверке «факты не подтвердились», непонятно.

В Житомире за последние годы построено несколько крупных предприятий; многие соблюдают или более высокие заработки, или лучшие бытовые, жилищные условия—вот и уходят, как объяснял помощник директора по кадрам. Не хватает рабочих, поэтому даже Кондикова отдел кадров отпустил только с третьего раза. Что же предпринимает завод в условиях обострившейся «конкуренции»?

Пожалуй, главная проблема новичка—проблема профессионального роста (собственно, о том и письмо Кондикова). Не зря на заводах стараются развивать наставничество, вкладывают силы и средства в подготовку новичков—все потом себя окупает. Ведь текучесть кадров начинается там, где люди перестают видеть перспективу, где нет твердой надежды на дальнейший рост. Можно выстроить прекрасный цех, наставить кондитеров, завести оранжерею и живой уголок, создать хорошие бытовые условия, но главным «аргументом» в пользу завода всегда останется перспектива роста.

Авраам Николаевич Опанасюк, работник отдела кадров, выполнил передо мной ворох бумаг: планы занятий с наставниками и учениками, журналы учета, расписание теоретиче-

ских и практических уроков, рекомендации комитета комсомола и дирекции по работе с молодежью.

— У нас,—сказал Оланасюк,—ни один новый молодой человек не приступит к работе, пока не заключен его договор с наставником.

Нынче от наставника требуется многое: быть и учителем, и воспитателем, и другом,—но много ли дается ему самому? Тому же Шаленому?

— Владимир Иванович, кто обучает новичка теории, кто дает практические навыки?

— По существу, я один.

— А есть у вас время на обучение?

— Очень мало. Я же на сдельщине.

— Я на сдельщине. Какими же бессильными оказались планы, рекомендации и мероприятия перед этими тремя словами, придавшими всей истории другой смысл! Теперь, если мы ругаем ученика за брак, то должны признать, что это в немалой степени «брак» наставника, нешедшего времени научить новичка профессии, привить любовь к ней.

Но чисто по-человечески мне не хочется предъявлять обвинения Владимиру Ивановичу: ну почему из-за ученика наставник обязательно должен терять в заработке? Совершенно не обязательно. Выходы из положения могут быть разными: доплачивать, как это делают на многих заводах, за шефство, освобождать учеников от работы для занятий с инженерами, организовать групповое наставничество, выделять специалистов в помощь наставникам—так или иначе, но ситуации, когда рабочий почти все время «бьется» с учеником один и, по сути, безвозмездно, трудно признать нормальной.

Словом, речь о том, что наставник сдельщик не должен стоять перед дилеммой: или заработка—или качество подготовки молодого рабочего. Если он все-таки делает выбор в пользу личного заработка, вред получается очевидный. Ученик, глядя на наставника, четко усваивает: главное—количество... В принципе это вовсе не плохо, выгодно и рабочему и производству, но... тут может таиться серьезная опасность для личности неустоявшейся, для несформировавшегося характера. В. А. Сухомлинский в своей работе «Воспитание коммунистического отношения к труду», говоря о подростках, писал: «Если единственной целью труда является выполнение как можно большего объема работы... ослабляются воспитательные стороны производительности труда. Это может... привести к развитию наклонности, ослабить интерес к результатам работы, привить равнодушие к качеству труда». Ну, будто о Кондиковых сказано! И, очевидно, не только о нем одном. Сам начальник цеха Харчук на одном из комсомольских собраний сказал: «Нас ругают за срыв сроков подачи деталей, низок коэффициент качества, низка культура производства, большое количество травм...» Разве это не говорит и об общем положении в цехе?

Организуют на «Электроизмерителе» лекции для кадровых и молодых рабочих, есть отдел производственного обучения, однако на практике вся работа с новичком замыкается на наставнике. Не берусь оценивать качество подготовки молодых по всему заводу, но вот показательные, по-моему, цифры: техническим творчеством, рационализаторством занимаются лишь 6 процентов общего числа комсомольцев. У них за два года в среднем по одному предложению с небольшим экономическим эффектом. Цифры слишком малые даже для завода со сложным производством.

А знаете, о чем мечтал «иницивиалист» Кондиков? О бригаде. Чтоб весь участок работал сообща, на один наряд. Передал я тот разговор Шаленому.

— Это невозможно. У меня пятый разряд, у него—первый. А получать одинаково?

— Зачем же? Делить в соответствии с разрядом.

— Но если я работаю хорошо, а он бракодел и прогульщик? Нет, это невозможно.

Не знаю, может, Сергей думал только о том, как при нынешней нагрузке получать больше, но бригадный метод—не его изобретение и выдуман не бракоделами. Когда, скажем, в станкостроении начали вводить бригадную систему труда станочников—скептиков хватало. Идея объединить сдельщиков,

занятых на разных операциях, казалась несостоятельной. А сейчас силой никого не заставишь вернуться к старой системе. Не стало выгодной и невыгодной работы: наряд-то общий. Бригадир подбирает каждому рабочему задание по способностям и по душе; совет бригады имеет право определять коэффициент трудового участия каждого человека, рассматривает вопросы труда, воспитания, планирования...

Можно представить, что в бригаду попадает «трудный» молодой рабочий: халтурщик, бракодел—словом, такой, каким мне обрисовали Кондикова. Но тут наставник получит мощную поддержку: в бригаде все рабочие из сторонников наблюдателей конфликта поневоле превратятся в его активных участников: «Ты, дорогой, вчерашним прогулом не только себя, всю бригаду подвел—держи ответ перед всеми». В обучении и воспитании новичка будет заинтересован весь коллектив. Что касается личного заработка... Не позволит бригада работать плохо. Если надо—сообщите поможет, потребуется—накажет. И накажет с большим воспитательным эффектом. Одно дело, если «злой» мастер урезал премию, совсем другое, если коэффициент трудового участия решила снизить вся бригада. Призадумашся...

Решать, какая организация труда лучше в конкретных условиях,—дело специалистов. Но то, что завод и при существующей системе выполняет план,—еще не показатель внутреннего благополучия. Люди-то уходят...

За все полтора года Кондикова и в голову не пришло прийти со своими бедами в заводской комитет комсомола. Так что комитет от того конфликта вообще в стороне оказался. Вот будь Кондиков пьяница или хулиган...

Заместитель секретаря Люда Рябкова растолковала мне:

— Обычно мы занимаемся трудновоспитываемыми подростками, правонарушителями. В том случае, когда нас милиция об этом просит. А увольнения... Вообще-то есть у нас общественный отдел кадров, и я в нем тоже состою. Он то ли раз, то ли два в месяц собирается... Понимаете, у нас как-то всегда получается, что время заседаний комитета и общественного отдела кадров совпадает—не разорваться же...

Итак, в одной комнате комитет обсуждает проблемы текущести, а в другой тем временем стоит эта проблема «в живом виде» со смятым заявлением в руках. И никак им не встретиться. Мудрено ли, что комитет не разобрался и в причинах увольнения Кондикова?

Перед отъездом был на новом месте работы Сергея—фабрике музыкальных инструментов (снова он пошел на ученический оклад, значит, не в одном рубле все дело заключалось?). Мастер инструментального цеха о Кондиковых так сказал:

— Исполнительный: что поручишь—сделает. Немного инертен только. Думаю, таким людям, чтобы они раскрылись, проявили себя, особая поддержка нужна, изначальный толчок какой-то... А в общем, неплохой парень.

Между прочим, при поступлении на фабрику Сергей всем говорил, что он не комсомолец. Месяц спустя сам подошел к комсоргу, признался в обмане, спросил, как можно восстановиться...

Пора сказать о том, что вызвало поездку в Житомир.

Молодой рабочий пишет крайне злое письмо, но обком комсомола даже «не находит возможность» встретиться с ним. В официальном ответе так и сказано: не встретились, потому что уволился. Но именно поэтому нужно было срочно разыскать человека! Он не анонимку писал, адрес известен. Почему же никого не встревожило, с каким настроением ушел парень с завода, что унес в душу, как работает на новом месте?

Молодой рабочий подделал подпись (что, кстати, должно было повлечь за собой серьезное наказание), обманул комсомол—все это опять проходит мимо внимания обкома.

И последнее. При проверке любой жалобы необходимо как минимум выслушать обе стороны. Этого как раз и не было сделано.

СИТЦЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ

На белом подоконнике самовольно, невесомо перемещалась желтая цветочная пыльца. Обтекала горшочки с геранью, обернувшись серебряной фольгой, прибивалась к баночкам-склянкам с пудрами, кремами, притираниями.

Смуглая, быстрая рука с зеленым колечком на безымянном распахнула окно—пыльца взвихрилась и просеялась на блестящие-христые половицы. Ситцевые занавески затрепетали, захлопали и, прильнув к гераням, запарусили под напором утренней прохлады.

Под окном дотлевали поздние цветы мать-и-мачехи, старая черемуха сыпала последними обуглившимися лепестками, а дикая вишня только-только занималась бело-розовым. И гаснущий цвет и свежевыпнувший прибавляли дыханию утра терпкой, печальной чистоты.

Снова мелькнула смуглая рука с зеленым колечком на безымянном, охваченном теперь прозрачной голубой тканью, и захлопнула окно. Занавески ували, стекло приоткрытое от сизого солнечного тумана.

Девушка приостановилась у зеркала: «Может, не пудриться сегодня?» — поклонилась зарозовевшую после холодной воды кожу, вздохнула: «Но и голощекой-то нехорошо», — потянулась к пудренице, густо припорошилась, разровняла пуховкой, обмахнулась — на помучневшем лице резко проступили тонкие, черные брови, как-то недобро выделились глаза — их смородиновая, живая чернь вроде бы потускнела.

В дверях опять притормозила: «Что-то забыла! Ох ты, господи! Дороги же не будет. Ну, что, что?» — вспомнила, вернулась, наклонилась над кроватью подружки, потормошила: «Дусь, а, Дусь!» Та еще глубже забилась под одеяло — только рыже-каштановый клок выплынулся на подушку. «Если и добужусь, не запомнит спросонья», — нашла лист бумаги, написала: «Дусь! Сходи, будь лапочкой, за туфлями в мастерскую. Квитанция в сумке. Надя». Положила записку на пол и прижала Дусиным шлепанцем.

В прихожей приоткрыла соседнюю дверь, напряженным шепотом позвала:

— Коля! Ко-ля! Вставай.—Хозяйка будильников не любила и квартирантам не позволяла держать.—Коля! Утро на дворе.

В углу, за печкой, Надя увидела лыжную палку, просунула ее в дверь, дотянулась до кровати, потыкала в темный ком.

Коля будто и не спал. Откинул одеяло, длинной, худой рукой схватил палку:

— Я тебе кто? Куль картошки?

— Хуже. И так опаздываю. Вставай.—Вырвала палку и снова ткнула в бок.

— Все, Надежда, конец света. Насквозь ты меня! — Коля вдруг вскочил, бросился к двери, худой, долговязый, в небесной маечке, в красных плавках.

Надя выронила палку, тихо взмыгнула: «Дурак бессовестный! Ненормальный!» — и вылетела из дома.

У старой деревянной лестницы, почти отвесно спущенной на берег, Надя помедлила: ступеньки сносились, зловеще поскрипывали в пазах, перила развалились, как борта у телеги — коричневым, трухлявым дымком отзывалась лестница на каждый шаг, со дня на день собираясь рассыпаться и скорее всего именно под Надей. Окольная же, пологая тропка петляла меж молодых бурьяндов, лебеды, польни, еще обильных розовой, парной росой — и ноги мокрые будут, и босоножки раскинуты, и юбка по подолу зазеленится и тяжело покрепнет. Судорожно схватившись за шаткие перила, ойкая про себя, она ступила на лестницу.

На причальных мостках ждали речного трамвая Надины товарки, работницы слюдяной фабрики, тоже квартировавшие в нагорном предместье. Пересекая галечный береговой пустырь, Надя ревниво присматривалась: кто что успел купить со вчерашней получки? «Ага, на Верке новая блузка. Видела такую, только желтую. Ой, а Нинуля-то с Клавкой! Брюки как у двойняшек. Хороша бы я была. Тоже ведь почти клюнула». Надя подходила к мосткам. Вскинула руку с зажатой в кулаке белой косынкой:

— Привет, девы!

Ей замахали в ответ, закричали, но тяжелый бас трамвайчика перекрыл крики. По-утреннему угрюмый, будто отсыревший матрос уже держал наперевес трап. Матрос все же пересилил сонную свою хмурь, пошутил:

— Опять слюды щипать? Ух, завидно. Меня возьмете? Щипать буду — от и до.

— О-хо-хо да о-ха-ха, далеко ли до греха, — приговаривал Коля давние бабушкины слова, потягивал, позевывал, но вполголоса, без сладких стонов и хрюстов — боялся разбудить хозяйку за стеной. — Возьму вот и снова завалюсь.

Рисунок П. КУЗЬМОВА

Еще минут на триста — пропадай эти экзамены и стипендия вместе с ними! Спать хочу, есть хочу, больше ничего не хочу, — так вроде бы безвольно расслабляясь, он тем не менее трезво уже посматривал на развалины учебников и тетрадей, ждавших его на столе, на подоконнике и табуретке, на гимнастическую резину, клубочком свернувшуюся у порога, на черные, холодные лбы гантелей, высунувшихся из-за печки — надо было начинать день, и Коля встал, тоже распахнул окно, раздвинул пестренькие занавески, чтобы не замедляли хода утренних свежих волн. Передвигаясь потом по комнате, выжимая гантели, растягивая резину, приседая, он продолжал ворчливо насмешничать: «Сдался мне этот режим, плевал я на всякие распорядки и беспорядки, я вольно жить хочу, отдохнуть и веселиться. Лениться хочу, груши околачивать, наследство хочу получить».

Эта Колина склонность оговаривать себя, переиначивать на словах каждый свой вдох и выдох проявлялась не только в дремотно-брежущие утра, но, пожалуй, более всего в прочие, ничем не замутненные минуты.

К примеру, какой-нибудь институтский приятель, напуганный накануне сессии собственной ленью и праздностью, приставал к Коле:

— Колька, вывернемся, нет? Нет, ты почему такой спокойный?! Весь в шпорах? С профессурой домами дружишь? О, о! Весело ему. Выгонят же!

Коля похохотал, прибнимал приятеля за плечи:

— Не дергайся. И будешь долгожителем. У меня вон дед к сотне подкрадывается. А почему? За жизнь ни одной нервной клетки не потерял. Вот как-то пошли с ним за черникой. Ходили, ходили — пустая тайга. Я уж язык высунул, на плечо положил, норовлю присесть на обочинке. А дед меня учит: не думай, не думай, паря, что устал. На ходу и отдохнешь...

— Колька!

— А ты: пропадем, пропадем! Будут экзамены, на ходу и сдадим. Я, знаешь, как делаю? Учебники под подушку, конспекты под бок и — сплю. Обучение во сне. С утра — умны-ый, аж голова трещит.

Приятель, ругаясь, отмахивался, убегал, а Коля весело кричал вслед:

— Не дергайся, па-ря! Хороших отметок на всех хватит! Не обойдут! — И круго поворачивал, торопился домой: конспектировал, чертил, читал, запоминал, а где туда подавалось, зазубривал — беспечность беспечностью, а прилежание прилежанием.

Размявши, умывшись, Коля вспомнил, что собирает на летний костюм, всю стипендию относит в сберкассу, в тумбочке у него шаром покати — ни крошки хлеба, ни щепотки чая, ни кусочка сахара. Зимой, однако ж,копить — откладывать куда легче: старушки, населявшие нагорное предместье, прямо-таки охотились за Колей — одной дров поколоть, другой снег со двора выкинуть, третьей угол разгрузить. За Колей в очередь вставали с понедельника, нарасхват был Коля, зато и кормился бесперебойно, даже капризничал: от картошки отказывался и кашу пренебрежительно отодвигал. Летом же — зубы на полку. Пока огороды садили, была еще в Коле, в пахаре и сеятели, нужда, а уж полоть старушки сами готовы, сами в охотку меж грядок поползают да и полют сами — при летних-то водопроводах.

Коля, натощак листавший учебник и, в сущности, не видевший его, вдруг затих, прижал ухо к стене: вроде бы завздыхала, закашляла хозяйка. Нет, глухо. Показалось. И пусть, родимая, поспит на здоровье. Никаких завтраков квартиранту не надо. Все он уже вылизал в доме, все гвозди заколотил, все щепки собрал — может и не евши теперь жить. На старости-то только и отоспаться. Пусть отдыхает! Пусть хлеб в буфете черствеет, пусть из яиц птенцы вылупляются — нам торопиться некуда.

Он вышел в прихожую, приложил ухо к соседней двери: «И Евдокия пусть спит. В молодости тоже поспать не вредно. Сил надо перед сменой набраться. А сыр ее в чулане пусть заплесневеет. Пусть его мыши съедят. Завтракать всем охота. А мне этого костюма и даром не надо. Эка невидаль: бежевый, с шоколадной полосочкой. Пусть пижоны носят. А мне и так хорошо».

Осторожно, не постучал — поскребся в хозяйкину дверь:

— Милитина Фоминишна-а... Спите, нет? Милитина...

Хозяйка гулко, с надрывом закашляла, зазвякала стаканом, причмокивая, попила, забречиала спичками, закурила. Наконец, пробасила:

— Здоров, Кольча. — Она родом была из Колиных мест и звала его по-тамошнему. — Спасибо, разбудил. Черт знает, что за сны повадились!

— Ничего, Милитина Фоминишна. Все равно — утро доброе. — Коля уже говорил погромче, понапористее, но дверь не открывал: шибануло бы сейчас прокуренно-кислым, старческим.

— Ну, добро. Понятно. Еще что за новости?

— Да вот на разнарядку на утреннюю пришел. Может, сделать что, сбежать куда?

Хозяйка долго не откликалась — только табак потрескивал от глубоких затяжек.

— Кольча. Такой пока план. Возьми тележку идвигай на лесозавод. Опилок нагребешь, лед в погребе посыпь. Что-то сильно таять начал. Ну уж, а магарыч — когда встану.

Привез опилки, перетаскал деревянной бадейкой в погреб, просеял сквозь пальцы, облепил желтой, влажно-теплой крупой оплыvшие бока ледяных валунов — смолистой свежестью сразу же забило погреб и вроде бы потеплело. От этого соснового летнего вея дрожью в лопатках простиупил скопившийся в Коле холод. И нос каменно, как-то отдельно от лица затвердел, и руки опалило ломотой. Он выскоил из погреба — густое, голубое, прошитое воробышьим чириканьем тепло крепко обняло его. Зажмурился, постоял, не вырываясь из объятий, посолел блаженно в польшиную, просторную, мерно вздыхающуюся грудь июньского дня. Но вот попривыкли друг к другу, разошлись в стороны. Коля открыл глаза и снова зажмурился: сиял на веранде, слепил красными боками самовар.

Милитина Фоминишина, согнувшись, сухонькая, остролицая, с тяжелой кружевной шалью на плечах, не выпуская папироски изо рта, сновала вокруг самовара, выставляла «магарыч»: сметану, вчерашнюю холодную рыбку, яйца, светло-зеленый пучок ботуна, масло, хлеб. Освободились наконец руки — вытинала папироску, с мокрым всхлипом затинувшись напоследок, отошла, оглядела завершающее стол:

— Н-да, дела на полтинник, а магарыча на целый рупь. Садись, Кольча. Налегай.

Коля хотел промолчать, хотел лишь согласно головой кивнуть, но затянувшийся утренний голод да недавний погребной холодок вновь живо столкнулись в нем. Он разозлился:

— Жалко, что ли? Тогда и не буду. А то подавлюсь еще.

Хозяйка подумала, глядя на стол, вытащила откуда-то из-под свисающего конца шали папироску, закурила.

— Вообще-то, нет. Не жалко. Одной все одно не съесть. Пропадет. По привычке, Кольча, считаю. За жизнь насчиталась — остановиться не могу. Да садись ты, садись! На голодное брюхо все мы обидчивые.

Коля сел.

— Я тоже, Милитина Фоминишина, считать умею. Хоть и не люблю.

— А кто любит? Нужды не было бы, разве считали? А по правде-то, так, замечаю, отыкают считать. Не от богатства, от безалаберности... Давай подвигай стакан-то.

Пока пили чай, встала Дуся — слышно было, как на кухне бренчит умывальником. Вскоре вышла, розовенькая, гладенькая, в тесном, коротком халатике. Еще и ладони ухитрилась затолкать в маленькие, узкие кармашки — халатик спешит был без запаха и теперь раскодился у пуговиц, приоткрывал белое, сытое тело.

— Лучше бы нагишом вышла! — плонула Милитина Фоминишина. — Дуська! Марш отсюда! Добро бы одна была. Парень же в доме!

Коля прикрыл глаза, вроде бы сонно, вроде бы захмелев от чаепития.

— Ну, уж и парень. — Дуся прошла, села бочком к столу, не вынимая рук из карманов. — Какой это парень, Фоминишина! Хильный студент, а никакой не парень. Правда, Коленяка? — сладенький, веселый голосок был у Дуси.

— Угу, — не открывая глаз, кивнул Коля.

— Вот, пожалуйста. А ты, Фоминишина, прямо напугала меня. Парень да парень. Где, думаю, дай посмотрю. — Дуся встала, прошлась перед столом. — А одета я очень прилично. Правда, Коленяка?

— Еще как, — опять, не открывая глаз, кивнул Коля.

— Садись, чаю пошей. — Милитина Фоминишина зябко куталась в шаль. — Ох, Дуська, скорей бы ты замуж вышла. От греха подальше.

— Ой, не смеши, Фоминишина. Тебе-то какой грех? Уж ничего и не помнишь.

— Вьешься уж сильно. И присмотреть за тобой некому. А мне жалко будет, если что случится.

— Ничего не случится. Я девушка смелая и ничего не боюсь. Правда, Коленяка?

Он, уже не отвечая, опять кивнул: «Заманивай, заманивай, я юноша влюбчивый, мечтаю пеленки стирать, на молочную кухню бегать. Очень хочу грузчиком стать и на заочном поучиться. Всегда готов — как пионер».

Коля ушел к себе и почти до сумерек просидел над учебниками, а потом опять постучал в хозяйственную дверь:

— На вечернюю разнарядку пришел, Милитина Фоминишина.

По субботам и воскресеньям Коля отдыхал. Милитина Фоминишина поила чаем без отработки: «Грех, Кольча, всю неделю горб набивать». Днем его зазывали к самовару Дуси с Надей, чтоб не скучать, а к вечеру они дружно уговаривали Милитину Фоминишину: «Да давайте вместе посидим, почаевничаем. По-людски, за одним столом», — и снова приглашали Коля к столу.

Сидели долго, до холодного самовара, до синей мглы в дверном проеме веранды. Света не зажигали. И тогда Милитина Фоминишина просила:

— Давайте мою, девки. И ты, Кольча, поддерживай.

Запевали.

Ах, да со вечера
Делать нечего,
Идти некуда,
Любить некого...

Милитина Фоминишина сморкалась, всхлипывала, уходила в комнату, говоря тихо булькающим басом:

— Приберусь малость...

После Коля все хотел включить свет, но Дуся с Надей хватали его за руки, усаживали, давясь смехом, колотили его по гулкой, костлявой спине.

— Как это — любить некого?! А!

Коля вырывался, отталкивал их, наконец сдавался:

— Понял, есть кого. Есть.

Ветреная жара перетекла из воскресенья в понедельник, охотно, не сбавляя радости, запушила в его честь. Коля глаз еще не открыл, а уже понял: проспал! Солнце горячо, нетерпеливо лизало ухо, вырвавшись из тесной листины черемухи под окном, влетев наконец в комнату.

Вскочил, дорожа временем, слегка только, для полноты режима, помахал руками-ногами, натянул трико, решительно вышел в прихожую. На двери Милитину Фоминишину блестел маленький, с монетку замочек — значит, ушла надолго, не в огород и не к соседке, иначе бы не навесила. С пятерней в затыльке пришелся к умывальннику, потом медленно, со вздохами, выпил ковш воды, вернулся в прихожую. Увидел: дверь в комнату Нади и Дуси стояла распахнутой. «Евдокия летела. Как же это Фоминишина шла, не заметила? А-а... Еще и окно настежь. Ух ты, как тянет!»

С трепещущим присвистом реали, летели в комнату ситцевые занавески, дрожала, перекатывалась упругая рыбь по их розовым цветкам. По стене, по потолку бесшумно бежала, переливаясь, тенисто-солнечная волна, и ее бегущие отсветы, блики, сталкиваясь, казалось, тоже посвистывают, позванивают, тоненько шепчут — так слагался волнующе свежий, счастливый голос ионинского дня.

Под его вольный чистый трезвон Надя спала крепко и сладко. Сбилось розовое пижейное одеяло — смуглые плечи чуть пристыли, засветились матово у ключиц, нежно, сонно отяженевые груди освободили какую-то тяжелую розоватость ложбинны — может быть, так отсвечивало скомканное на животе покрывало, а открытые ноги тоже чуть призябли, особенно сильная, белая кожа выше колен, еще не хватившая солнца.

Все это Коля вобрал в один миг, замер, покраснел, быстро захлопнул дверь и метнулся к себе. «Ну, Евдокия! Ну, мать честная! Расхлебанила — ходи тут за ней, закрывай. Прямо в стыд ввела. Вот ведь в самом деле. Надо же. — Так, чуть не вслух бормоча, Коля тыкался из угла в угол, не замечая ни раскрытых учебников, ни конспектов. — И окно так бросила. Сдуется еще чего, разобьет. Да мало ли чего может, при открытом-то. — Коля еще пометался, покружил по комнате. — А что там случится? Да ничего. Не выдумывай, Коленяка... А все же таки нехорошо с распахнутым-то».

Он на цыпочках подошел к Наде.

— Надежда-а, — позвал прогорклым шепотом. — Надя. Окно-то закрыть?.. Ну, и спиши ты. Слышишь? — Голос рвался, оседал в сухой колкий хрип. — Закрыть, нет окно-то? — Коля присел на железный краешек кровати, выставившийся из-под матраса.

Надя, не просыпаясь, вздохнула с какими-то смутными словами, повернулась к нему, с сонной доверчивостью выпросталась, протянула руку.

Он отвернулся, поглядел в окно.

— Надя! Хватит спать-то!

Очищалась, с резким, еще немым испугом отпрянула к стене, судорожно потянула, не расправила, ком покрывала на себя.

— Ты что, Кольча? Ты что? — на просящей, жалобной нотке прорезался голос, но тут же окреп, набрал возмущенную зычность. — Ну-ка, уматывай сейчас же! Подкрепляйся! Кот ободранный! — Она толкнула его, но Коля удержался, пересел поглубже, перехватив Надину злые руки.

— Кого бьешь? Кого гонишь? Пожалей некурящего! — Попробовал поцеловать в плечо, в шею, в щеку — куда удастся.

Надя вырвала руки, опять уперла кулаки в Колину грудь.

— Уйди, я кому сказала! Кольча, выйди вон! Ну, паразит. Ну, паразит! — Надя наконец изловчилась и так двинула, что Коля слетел с кровати, почти сел на пол, но успел выставить назад руки.

— Надежда, ты не знаешь Колю Щекину! Война, теперь война! Мир кончился. — Коля поднырнул под ее молотящие кулаки, обнял ее. — Ты не знаешь, как он к тебе относится. Ты счишься ему по ночам. На лекциях счишься. — Удалось, поцеловал в щеку, сквозь пахнущую хвою прядь...

Но и после Надя не подобрела. Молча полежав, она локтем опять так двинула Коля, что он, обидевшись, встал и перешел на табуретку.

— Теперь-то зачем дерешься?

— Затем...

Полежала, помолчала, опять сказала недовольно и зло:

— Ну, чего расселся? Обрадовался тут... Отвернись! Собираться буду...

Коля уставился в угол, поникше, устало сгорбился.

— Надежда, можно вот что придумать... — Голос его был печален и тих. — Давай в субботу в парк пойдем. Сначала на пароходике покатаемся. — Он подумал, подумал, несколько дрогнувши добавил: — В ресторане посидим. Приглашаю. Потом, если захочешь, в кино можно или на танцы...

Она ходила мимо, уже причесанная, в пестром сарафане, и молчала. Взяла с подоконника зелено-колечко, пудреницу.

— Если на Дуську хоть раз еще посмотришь, берегись. Уж тогда точно глаза выщипаю. Учи!

— При чем тут глаза? Я приглашаю тебя в субботу...

— Слышила. Посмотрим.

Собрала сумку, остановилась за спиной.

— Как молния время-то. Вот уж и на смену пора. Ты, если хочешь, у нас тут занимайся. Просторнее будет, а может, и веселей. — На прощание стукнула несильно по спине. Пожалуй, даже ласково. — Вечером выйди к причалу, проветрись. Я с последним приплываю.

Посидел еще один, придвинувшись к окну. Поймал в кулак занавески — они забились, запарутили. Неожиданно прикоснулся к ним щекой — чистым солнышком и черемуховой горчинкой отдавал их мягкий холодок.

Ушел на кухню, в чугуне, прикрытом фанеркой, нашел картошку в мундире. Не присаживаясь, придвинув только солонку, склонился над чугуном. Задумчиво чистил, задумчиво жевал, и странно было, но чувствовал, что у него легонько, тоже задумчиво, шевелятся уши. «Ешь, Коленяка, ешь. Набирайся сил, бодрости. Не мешало бы и ума немножко набраться. Ну, да и без него хорошо». Вспомнил все, головой крутнул, засмеялся. «Ох, и прыткий ты, Коленяка. Хоть плачь. Теперь давай в парк ходят, на качелях качаться, в комнату смеха хоть каждый день, само собой — к причалу, очень полезна тебе ночной прохлада — вот тебе, Коленяка, новая жизнь. Теперь встречай Надежду. Куда ты денешься? Ничего, встречу. Конечно, страшно одной-то ходить...»

Вернулся в Надину комнату, закрыл окно, расправил увядшие занавески — иначе бы все думал, как они тут полощутся и летают, и уж больше бы ни о чем не думал.

А потом ушел к себе.

ПОДРУГИ. Фото Владимира ФЕДЬКО (г. Киев).

СТАЛЕВАР. Фото Алексея КРАСОВСКОГО (г. Запорожье).

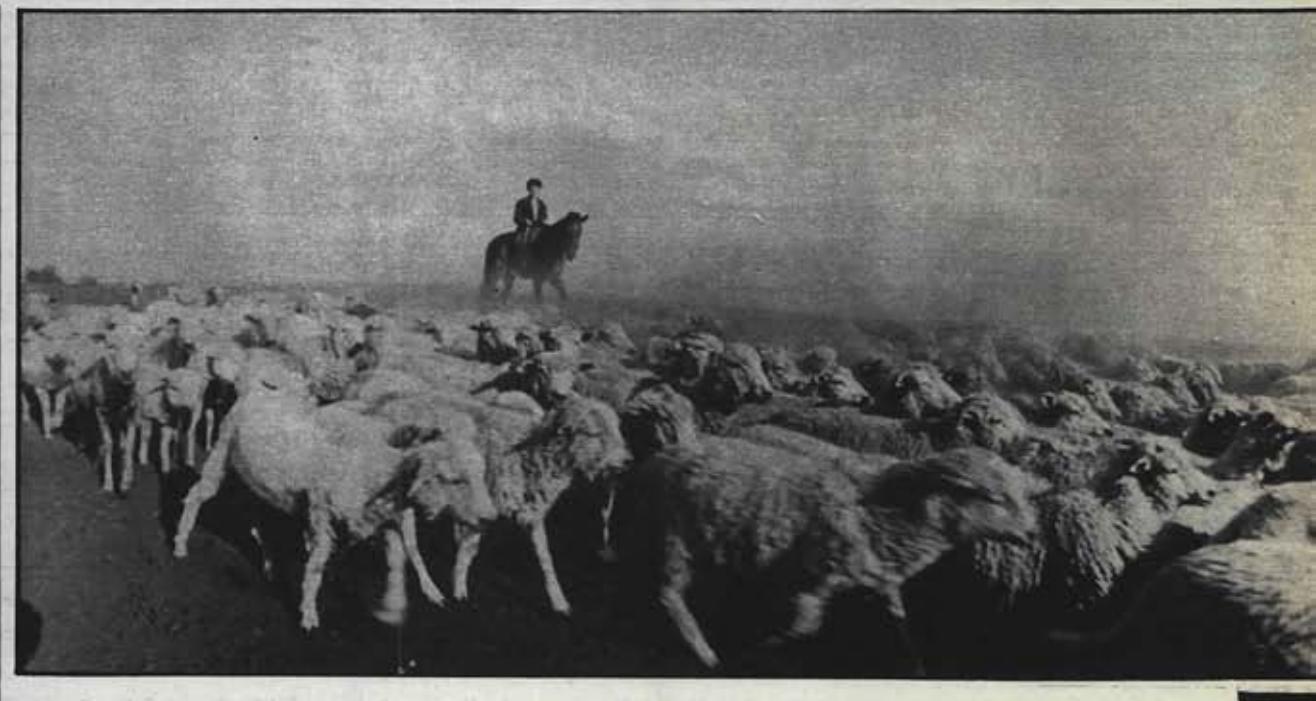

СНЕГ И СОЛНЦЕ. Фото Юрия РУСАКОВА (г. Донецк).

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены»,
посвященный
60-летию
Ленинского комсомола

«ЗОЛОТОЕ РУНО». Фото Альберта БАГАУТДИНОВА (г. Москва)

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ НОВЫХ КОНКУРСНЫХ ФОТОРАБОТ,
КОТОРЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 1 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА.

Юрий РОСТ

Фото Николая ХЛЕБОДАРОВА и автора.

Темно внутри двухметровой сферы обитаемого глубоководного аппарата «Пайсис-ХI». За иллюминатором тоже темно. Собственно, слово «темно» не совсем точно определяет, что есть, точнее, чего нет за толстым стеклом иллюминатора. Там нет ничего. Ни верха, ни низа, ни близи, ни даль. Там чернота, какой не бывает в нашей земной жизни, и ужасающая пустота.

За бортом нашего маленького, на троих рассчитанного мира—придонная глубина удивительного и чудесного Байкала. Над нами сотни метров воды, под нами неровное, усеянное камнями дно.

Командир экипажа Александр Подражанский, пилот Анатолий Сагалевич и я, исполнивший в этом погружении роль наблюдателя, прижавшись лбами к стеклам, вглядываемся в забортное ничто.

— Ну?

— Они должны быть где-то здесь...

Зашелкал в динамике пингер — акустический маячок. Время от времени Саша включает двигатель, и мы поворачиваемся, или движемся вперед, или вновь зависаем в молчании.

Вдруг я почувствовал холодную каплю на затылке. Потом еще одну.

— Капает что-то,— с нарочитой бодростью произнес я.

— Вода, наверное,— сказал Подражанский,— мы ведь под водой! — Он провел рукой по потолку, и еще несколько капель сорвались вниз.— Ладно, не бойся — это конденсат. Надышали за четыре часа... Ничего у тебя не видно?

— Ничего.— И в этот момент справа сверху, в толще черной воды засветилось синеватое облако.— Вижу! — закричал я.— Вон они, справа веером. Висят!

Сагалевич подработал левым двигателем, а потом двумя, и мы пошли к свечению.

Или полетели. (К сожалению, не найти мне слова, точно выражавшего ощущение от передвижения под водой, может быть, «парить», как парят во сне?)

— Мы видим вас! — сказал Подражанский и включил забортные прожекторы. И в ту же секунду конус света выхватил из вечной ночи прекрасное видение: белый с красной рубкой

«ПАЙСИС» ПЕРЕД ПОГРУЖЕНИЕМ

ПОСЕЛОК ЛИСТВЯНКА, НА ТРАВЕРСЕ КОТОРОГО БЫЛ ОСУЩЕСТВЛЕН СПУСК НА МАКСИМАЛЬНУЮ ГЛУБИНУ.

«Пайсис-VII» — наш близнец в сине-зеленом тумане на бархате черной воды.

Аппараты сблизились. Я засуетился, фотографируя удивительную эту встречу на дне священного моря. Алексей Рулов, Александр Горлов и Владимир Шмелев (команда «семерки») поморгали нам прожекторами, попозировали, прильнув к иллюминаторам, и стали готовиться к взлыванию.

Мы выполнили задачу погружения — нашли друг друга на дне. Маневр этот, сложный и требующий большого искусства гидронавтов, необходим для отработки взаимодействия аппаратов в аварийных ситуациях.

Причиной нашей глубинной «стыковки» стали предшествующие события. Был тихий солнечный день, когда руководитель погружения Виктор Бровко дал добро, и «Пайсис-XI» с гидронавтами Подражанским, Сагалевичем и Николаем Резенковым отправился на максимальную в этом районе озера глубину.

800 метров — нормально! 900, 1000, 1060... И вдруг спокойный голос Подражанского:

— У нас тень!

— Срочно поднимайтесь!

Они поднялись без посторонней помощи и к вечеру устранили неисправность. Оказалось, подтекал гермоввод — результат беспокой-

**БЕЗ ГИДРОКОСТЮМА
В БАЙКАЛЕ НЕ ПОРАБОТАЕШЬ
ДАЖЕ ЛЕТОМ —
ТЕМПЕРАТУРА ВОДЫ ЗДЕСЬ
РЕДКО ПОДНИМАЕТСЯ
ВЫШЕ ДЕСЯТИ ГРАДУСОВ.**

ной транспортировки «Пайсисов» через всю страну. Если бы гидронавтам понадобилась помощь, то оказать ее мог бы только другой «Пайсис» — «семерка». Поэтому мы и встретились.

А как же штурм дна? На следующий день аппарат вновь ушел в пучину, и спустя два часа находившийся на судне сопровождения «Шельф» Бровко услышал:

— Шельф, я — Пайсис! Мы на грунте. Глубина 1410 метров.

Так впервые в истории человек увидел дно глубочайшего пресного водоема мира.

«Пайсисы» прибыли на Байкал в составе комплексной научной экспедиции, цель которой — прояснить геологическое прошлое и будущее озера. Аппараты с научными сотрудниками, вооруженными приборами, предстояло провести у дна озера много часов. Но, чтобы быть уверенными в успехе предприятия, необходимо было испытать «Пайсисы» на максимальных глубинах. И вот — дно!

Сразу же после всплытия тройку гидронавтов окружили участники комплексной экспедиции Института океанологии имени Ширшова АН СССР. Кто-то даже из ракетницы выстрелил.

— Почему такое ликовование, ведь аппараты рассчитаны на эту глубину? — спросил я заместителя директора института, доктора технических наук В. С. Ястребова, который руководит отделом техники подводных исследований.

— Во-первых, впервые! — сказал Вячеслав Семенович. — Во-вторых, погружение в пресной воде существенно отличается от погружения в море. Соленая вода плотнее, а это значит, что с аппаратов пришлось снять около трехсот килограммов оборудования и мы, по существу, не знали, как будут вести себя «Пайсисы» на таких глубинах в Байкале.

— И как они себя вели?

гамарусы — это... ну, ракчи, что ли. Дно покрыто серо-желтым илом, изрытым в некоторых местах маленькими норками.

— Прозрачна вода у дна?

— Прозрачнее, чем на поверхности.

— Что вы делали на дне?

— Проверили все системы. Провели видеозапись, сфотографировали дно, взяли образцы грунта. Потом включили музыку и съели по бутерброду, запив забортной водой.

— ?

— Мы брали пробы и решили попробовать сами. Вкусная вода и... газированная. Когда вода попадает с такой глубины в нормальную атмосферу, растворенный газ пузырится.

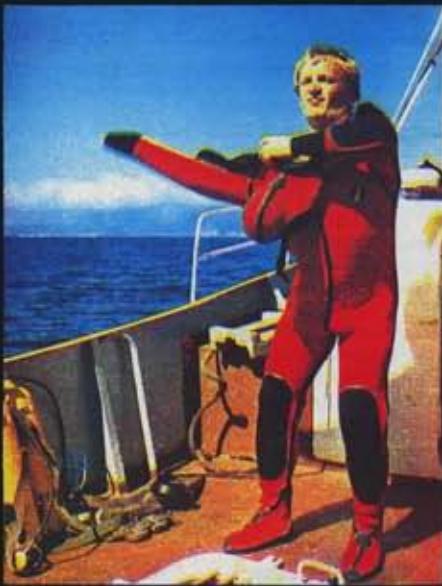
— Цель рекордного погружения?

— Дно. Мы уверились, что аппараты работают во всей толще воды нормально. И теперь готовы к выполнению научной программы. А она велика: фото- и видеосъемка, отбор геологических образцов, обследование подводных склонов...

А потом был вечер. Тихий, прозрачный вечер. Солнце скребло краешек горы, по Байкалу на диковатых своих ногах мчалась «Комета», «Верещагин» — исследовательское судно лимнологического института тихо скрипело, прижалвшись к пирсу.

Андрей Сергеевич Монин, член-корреспондент АН СССР, директор океанологического института, рассказывает о «вечерашнем» дне, о том, что было в этих местах десятки миллионов лет назад. И голос у него

**ГИДРОНАВТЫ
АНДРЕЙ САГАЛЕВИЧ,
АЛЕКСАНДР ПОДРАЖАНСКИЙ,
НИКОЛАЙ РЕЗЕНКОВ
В КАБИНЕ АППАРАТА
ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ДНО
БАЙКАЛА.**

— Хорошо.
— Как вы себя чувствуете? — спросил я ребят, когда их выпустили из объятий.

— Немного замерзли. Ведь за бортом на дне +3,5, а кабина отапливается лишь нашим дыханием.

— Сколько длился спуск?
— Час пятьдесят минут.
— Что вы видели на дне?
— Растений не заметили, а животные есть. Нам встретились рыбки — голомянка и бычок,

**КОГДА АППАРАТ
ОПУСТИЛСЯ ПОД ВОДУ,
СОТНИ ВОЗДУШНЫХ ПУЗЫРЬКОВ
ОСЕЛИ НА ИЛЛЮМИНАТОРЕ.
ЧТОБЫ ОНИ НЕ МЕШАЛИ
ВЕСТИ НАБЛЮДЕНИЯ,
ВОДОЛАЗ «СНЯЛ» ИХ СО СТЕКОЛ.**

спокойный и будничный. Он говорит, что Байкал — это рифтовая зона, что земная кора, грубо говоря, некогда треснула здесь и стала раздвигаться. Что гигантский этот разлом заполнился водой и стал Байкалом и что, возможно, процесс раздвижения материков будет продолжаться и когда-нибудь «священное» море станет частью соленого океана.

— Когда? — спросил я.

— Собственно, для этого мы и собрали экспедицию и привезли сюда «Пайсисы», — улыбнулся Монин. — Ученые впервые получили возможность осмотреть дно Байкала. Снимки, образцы видеозаписи в сочетании с данными других исследований помогут нам ответить на этот вопрос...

Я подошел к воде и пригоршней зачерпнул ее. Жаль, подумал я, если через сотни миллионов лет нельзя будет подойти к Байкалу и напиться.

Николай ВОРОНОВ

Сегодня над Москвою разгулялся гром.
Лупцарит так, как будто забывает сван
В холмы, в мосты, в соборы над Кремлем.
Какое счастье увидеться с вами!

В потемках ливня смутны этажи.
Машина мчит на блеск и взрывы света.
Все, чем я раньше жил,
Во мглу летят осеннему листвою с веток.
Доехать, в лифт и—взвить на самый верх.
Откроете, чуть сонная, безмолвная.
А я, а я ведь к вам из сфер
Бушующих, лучусь я, словно молния.

Смутитесь вы. Притихну, восхищен
Лицом открытым, северославянским.
О молодость с нетраченным еще
К любви зовущим постоянством.

Пригрезится же встреча наяву!
А я в пути, и дождь—винтами.
Гоню в потопе через всю Москву.
Не чаю увидеться с вами.

Снега уже с неделю,
Но листья не опали.
Был лес еще при деле
И стужу ждал едва ли.

А птицы улетали
И все ему кричали:
— Ты у зимы в опале,
Ты у зимы в опале!

Властительница злая
Брильянты расшвыряла.
Мехами горностая
Всю землю закидала.

Потом ласкаться станет
Изгибистой метелью.
Коварен ее танец
Над белою постелью.

Дыханием разнежит,
Сияньем услышит.
В бесчувственную нежить
До марта погрузит.

Я без тебя затосковал.
Брошу вдоль моря у обрыва.
Печаль не знает перерыва:
За валом вал, за валом вал.

Мы вечность целую с тобой,
А все друг друга не наскушим.
Мы в мир с надеждой голубой
Входили, чтоб его улучшить.

Войною был он изнурен:
Недоля, голодно, руины.
Тем, кто стремлением озарен,
Всегда пригрезятся вершины.

В пути вела нас обоюдность,
Где страсть и труд неразделены.
За валом вал, за валом вал.

Без тебя

И не зову я нашу юность:
У нас лишь весны, а не зимы.

Ни в чем прекрасном не изверясь,
Я чуток стал к движенью жизни.
Исчезнут люди, море, веер...
Неужто быть межзвездной тризне?

Натура женская светла:
Не принимает безнадежность.
Она всегда бы там спасла,
Где неизбежна неизбежность.

Я без тебя затосковал.
Мечусь у синего залива.
Любовь не знает перерыва:
За валом вал, за валом вал.

Сорока

Сорока красовалась на снегу.
Осматривалась, словно танцевала.
Кромсал просторы реактивный гул.
Она его совсем не замечала.

Бока ее, литые, как фарфор,
Ловили синее свеченные наста.
И был в ее верчении задор,
И шаг прямачивый, как у гимнасток.

Веселые, летучие пробежки,
С подскоком и с подкидкою хвоста.
Лукава. И счастлива. Небезгрешна.
С отливом голубая чистота.

Сорока красовалась, задавалась,
Как девушка, хлебиющая вина.
Она себя ничуть не сознавала.
Для птицы это нежная вина.

Сорока стрекотала на сосне.
Она в узоры звуки простегала:
Она кого-то вроде привлекала:
Был в голосе ее и зов и смех.

Блуждающий лебедь

По весне, только вскроются реки
И волна под луной зарябит,
Прилетает блуждающий лебедь
И подолгу тревожно трубит.

Он садится на белом кургане.
Бродит по снегу, словно во сне.
На щемящей, задумчивой гамме
Он в ночи все кричит о войне:

— Мы летели вот в эту же пору.
Вдруг вблизи полыхнула заря,
И какую-то красную нору
Распахнула в потемках земля.

И швырнуло меня в вышину.
И вращало беспамятным шаром.
Здесь впервые узнал я войну
И навек оказался без пары.

Я кружил над горящей округой
Среди жара, и смрада, и тепла.
Призывал дорогую подругу,
Но лишь взрывы и стоны из пекла.

Много дней и ночей я кружил.
В камышах меня сбил ураган.
А едва от тепла я ожил,
Обнаружил огромный курган.

Погребли там лебедушки прах.
И зарыли бойцов и крестьян.
Мне тоску не развеять в ветрах,
А кручину не скроет бурьян...

По весне, только вскроются реки
И волна под луной зарябит,
Прилетает блуждающий лебедь
И подолгу тревожно трубит.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

А кому-то без песенки моей
Холодней.
И бредущему во тьме и без дороги,
Как фонариком, я песенкой свечу.
И вздохнет он на приветливом пороге,
И тогда я отойду и замолчу.
И прогонши неудачникам на святах
Буду тихо колокольчиком звенеть,
Наконец, чтоб любовь им—не вприглядку,
Сердце можно
На морозе
Отогреть.

В небывалой стране у раджи
В сундуках под замком миражи,
Тайны квасятся в бочках и кадках,
Бродят в чанах замешанных загадки.
В паутине столетней—забавы,
И на привязи—кони и павы.
Сказки—в связках.
Их валият и сушат.
Но не плачь!
И трусливых не слушай.
Верный друг!
Чем ворчать и скучать,
Ты ступай чудеса выручать.

На высоком, на нездешнем берегу,
Затаившись, затерявшись, стерегу
То ли дикого, великого коня,
То ли дива, поманившую меня.
Волны змеяни и выются и шипят,
Не шелохнусь, лишь одни глаза глядят.
Вот как выйдет из пучины исполин,
Мы с ним злыдней всяких враз
испепелим.
Я поднялся на пригорок не дыша,
На пригорке ты сидела хороша.

Не колдуй, ты мне руку подала,
В полнотравье, в полнолунье увела.
Только белочки скакали: прыг да скок!
Да кувшинки золотились меф осок.
Да сороки, чтобы счастья не спутнуть,
Замолкали
И показывали путь.
Ой, качались, распрямлялись васильки,
Ой, близки те васильковые деньги,
Только дети разлучаются шалить,
Только мы не разлучились бы любить.

Чародей

Вновь луна любви радеет.
В сердце хлад.
Сиянье жуть.
Собирайтесь, чародей,
Время сердцем отдохнуть.
Ай, пора бы напроказить,
Волшебства не затаи!
Всем девочонкам на праздник
Башмаки из хрустали!
Всем парням по печке ряняй,
Жаркой, ходкой, распиной!
Пусть у каждой Несмеяны—
Без обиды—дурень свой.
Собирайтесь, чародей,
Горемыки-добряки!
Поколдуем, порадеем,
Поглядим на угольки...

Среди лугов зеленых
Стояло озерцо.
Оно запало в сердце,
Как милое лицо.
По городам чудесным
Пройдя сто сот дорог,
Озерцо луговое
До капли я сберег.

Рисунки Оксаны КРИВОНОГОВОЙ

Виктор АСТАФЬЕВ

СОЕВЫЕ КОНФЕТЫ

Еще раз я увидел профессора в больнице через несколько дней. Он прошел мимо меня к тяжелобольному — на станции Злобино ночью давнуло сцепщика, и он лежал весь в бинтах у окна, слабо постанивая. Профессор шел так стремительно, что отдувало полы незастегнутого халата, и пока считал пульс больного, нашел меня глазами:

— Как дела, герой?

Няння, понарошку поправляя подушку, шепнула мне:

— Поклонись, поклонись...

— Спасибо вам, — тихо сказал я и, отложив книгу, наклонил голову.

— Не на чем! — ответил профессор и чуть заметно, почему-то грустно улыбнувшись, добавил: — Подарился с хулиганами, они б давнули тебя за пикельку — и так же бы проплевался. Кстати, Алексей Алексеевич, не забудьте сделать больному прижигание.

«Еще прижигание какое-то! Тут и так глотку больно!» — загоревал я. Думалось, что раз прижигать, значит, огнем. Алексей Алексеевич сказал, что физкабинет не работает и прижигание возможно сделать не ранее как через неделю. «А я за это время, хотя и неохота на станцию, вышишусь».

Мне нравилось в больнице, опрятной не только снаружи, но и внутри — отличительная, кстати, черта всех почти наших железнодорожных больниц — опрятность, уважительность, добросовестная професиональность сохранились и до наших дней, чего не скажешь о других ведомственных больницах, в особенностях о районных и областных, и я наслаждался невольным отдыхом. К полному моему удовольствию, попалась мне книга под названием «Фома-ягненок». Я упивался ею. Фома — знаменитый пират, до того свирепый и кровожадный, что вместо черепа и костей на черном знамени флотилии — а у него и флот, и острова, и города, и владения свои были — нарисован беленький невинный ягненочек. И стоило кому завидеть на море-океане корабль с ягненком на знамени, как тут же капитан приказывал опускать паруса, выкатывать бочки с золотом и ромом, приказывал женщинам снимать с себя драгоценности и все прочее — на всякий случай. Фома с женщинами лишился разговоров не разговаривал, и, когда ему в сражении перебили позвоночник, он заставлял соратников своих прикончить их в его присутствии, саблей вспарывая им животы...

Конец Фомы был печальным: заманили пиратов в бухту хитрые англичане, а в бухте крепость принадлежала Фоме, да не знал он, что крепость ночью захвачена британцами, и попер сдуру за бригом. Полна утроба корабля драгоценностями и ромом, на палубе красивые барышни мечутся — вперся Фома в бухту, тут его как начали пластины береговые батареи, щиты на бриге сбросили, а под ними вместо драгоценностей пушки, барышни — переодетые матросы. Пираты в бега, но из-за мыса выплыли военные корабли...

Вздернули Фому на самой высокой ре, славных его сподвижников развесили, как воблу, на мачтах понижке, и с этаким украшением в Темзу вошел английский корабль. Шапки вверх! Правь, Британия!

А мне Фому жалко. И жрать хочется, как морскому пирату. Карточки мои прикреплены к стационарному магазину, хлеб по ним я могу получить только в Базаике. Здесь мне дали три картофельные оладушки, какой-то суп-рататуй, и я, несмотря на боль в горле, заглотил всю эту пищу, аж слезы из глаз выдавило. Было у меня маленько денюжек в гимнастерке, купила мне няння банку варенца, погрела в печке, и я его выпил, но не проняло меня, сильнее жрать захотелось. И тут нашла меня Августа — написали ей со станции, что я в тяжелом состоянии отправлен в больницу. В деревне подумали, что я попал под колеса. Увидев ноги-руки мои на месте, тетка расплакалась, узелок развязала. В узелке кастрюль, в кастрюль суп из костей от ветчины — отоварили вместо мяса на сплавщицком лесочастичке, где Августа вкалывала и откуда обыденкой, между сменами побежала ко мне.

Ни удивиться, ни умилиться ее поступком и тому, что со станции написали, я не

успел. Заслышав запах мясного бульона, скорее схватил ложку, попробовал хлебнуть его, теплый, запашистый, но ложкой получалось медленно, я взял кастрюлю за дужки и, не отрываясь, выпил похлебку.

Августа, пока я пил, смотрела на меня, и частыми слезы из ее глаз.

— Во-от! — выдохнул я. — Теперь живу! — В узелке еще были лепешки из неободранного овса, я их завернул обратно — горло будут царапать.

— А говоришь-то ниче, нормально, — сказала Августа, вытирая глаза концом платка.

— Так ведь чего ж...

— Может, тебя отпустят на денек после больницы?

— Едва ли. Сегодня сцепщика привезли со Злобина. Без выходных работают, через двенадцать часов.

— Х-хосподи! А мы-то, в лесу-то — бабье одно... Наши-то, овсянские-то, хоть сызмальства в тайге — привычные, а вакуированныешибко мерзнут и увечатся...

— Бабушка как? Девчонки?

— С имя и водится баушка. Ягоденок набрали дивно. Картошечки накопали. Может, перезимуем. Мы-то че, мы вместе. Ты — один. Помер бы... И не узнаш, где похоронетый... — У тетки опять задрожал голос, закапали слезы.

— Ладно, живы будем — не помрем!

— Кости возьми и обложи, тут где хрящик, где че завязилось...

— Полезное занятие!

— Ну да я пошла. Ночесь на работу. Отпустят, дак иди, не бойся, не объешь. Картошонки свои, пайку дают...

— Хорошо-хорошо. — Я накоротке приткнулся щекой к голове Августы, она меня поцеловала в лоб потрескавшимися губами и перекрестила.

— Мама велела.

— Ты уж не говори ей лишнего-то. Я в этой, — тряхнул я старой, латаной и застиранной пижамой, — в гуне этой не гляжу, а так-то — жених!..

— Жени-их! — махнула рукой тетка и, утирая ладонью лицо, пошла из больничного скверика, меж желтых, почти уже осипавшихся тополей. Возле ворот Августа обернулась, приподняла руку и что-то сказала. «Дак приходи!» — додгалася я. «Ладно, ладно», — отмахнулся я.

Вернувшись в палату с костями в поле пижамы, я с сожалением глянул на дважды прочитанного «Фому-ягненка» и принялся гладить кости, выколачивать из них мозг. Большинство больных спало, лишь один, самый надоедливый больной, стажер красноярского пункта технического осмотра вагонов, сдуру, а может, и нарочно засунувший пальцы под тормозную площадку во время пробы тормозов, попрыгивая ходил меж койками, тряс спадающими с тощего зада пижамными штанами, напевая с тем занудливым, приблаженным воем, который дается лишь тюремным кадровикам: «А ты мне изменила, другого любила, зачем же ты мне щя-шарики крю-тила?..»

— На! — протянул я ему кость. Стажер остановился и глядел на меня, ничего не понимая. — Заткнись! — пояснил я. Он выхватил кость, захрустал ею.

— Шешнадцать лет проробил, и ни единой царапины — жаловался старый сцепщик, — теперь всего переломало, а все оттого, что «Давай! Давай!». Вот и дали! Три смены осталось! Че они втроем-то? Устанут, на себя и на правила рукой махнут, вот и порежут которого... Дадут практиканта из фэзэу, дак тоже не выручка, за ими больше смотри, чем за сигнализацией — так и норовят куда не следует: да прыгают, все прыгают, будто козявки с ногами...

— На! — протянул я кость стажеру. — Отнеси труженику! От благодарного фэзэушки...

И дядька утих, занялся костью. Стажер присел на мою кровать, смекая насчет добавки, начал рассказывать о той фартовой жизни, какую извел он.

«Да знаю я эту роскошную жизнь! В детдоме наслушался. Вот у Фомы-пирата была жизнь так жизнь!..»

Так и не сделав прижигание, я выписался из больницы. Ой, как я пожалею об этом, как буду мучиться ангиной на фронте, да и после фронта, не сделав,

как оказалось, пустяковой процедуры — пластинки, подключенные к легкому току и приложенные к тому месту, в которое мы щелкаем, когда хочется дернуть водку.

Весело катил я на «Ученике», который задом наперед тащил паровоз, и шурвал в нем знакомый мне по ФЗО парень из кочегарской группы. День был лучезарный, мягкий; в лесу, знал я, оседала на колючие растения последняя паутинка; последние листья срывало ветром с берез и осин, поднося лиственниц устилало пухом желтой хвои; можнатые белянки примораживало и неем, они стеклянно хрюстели и рассыпались под обувью; в воронках озеленелых от сырости рыжиков намерзала хрупкая ледышка; рябчики свистели и бодрились по утрам; глухари шумно взлетали с осинников, взбивая вороха листьев; дрозды разбойничими стаями облепляли рябины и черемухи в деревенских и пригородных палисадниках; улетали ласточки и стрижи; стронулась в отлет местная водоплавающая птица; грустно замерев, часами сидели на мокрых камешках кулички-перевозчики; гляди на воду, подогнув лапки, брюшком липли к бревнам и плыли куда-то серые трясогузки. Все-все в природе завершало летнюю работу и страду, готовясь ко сну, и только в мире, у людей не наступало успокоения, они все дрались, сводили друг дружку со свету.

Станция встретила меня угрюмой, молчаливой подавленностью. «Порченый» посмотрел больничную справку, где мне предписывалось еще два дня «домашнего режима», и убил мою легкую безмятежность, сказав, что «домашний режим» придется отложить до после войны. Мне, Кузьме, Абросимову и трем пожилым рабочим с промучастка велено было заняться погребальными делами. На станции отцепили от поезда, идущего с эвакуированными из Ленинграда, ледник, набитый покойниками. Близкий Березовский совхоз выделил подводы и возчиков, мы наряженены были им в помощь.

Я не стану описывать те похороны — о таком или все, или ничего. Еще есть на свете ленинградцы, пережившие блокаду, и я не могу присаливать их раны, копытиться в кровоточащем сердце, пусть и чернильной ручкой.

Похоронами я был не просто раздавлен, я был выпотрошен, уничтожен ими и, не выходя на работу, отправился в Березовку, в военкомат — проситься на фронт.

Упитанный, краснорожий заместитель военкома по какой-то части, к которому я попал, прочел мое короткое заявление и уставился в меня пронизительным взглядом:

— Чего натворил? Выкладывай! Упер чего? Пришил кого? Все равно все узнаю...

У меня закружилась голова — после похорон я не мог ни есть, ни спать. Схватившись за край стола, я переждал омороочь. Начальник подал мне воды и, когда я отпил глоток, удовлетворенно отвалился в кресле:

— А-а, понятно! Потерял или пропил карточки!

— Н-нет, карточки вот они, — полез я в карман гимнастерки, торопливо, сбивчиво рассказывая о похоронах, о том, как мне было страшно, что я не хочу больше жить, хочу умереть, но с пользой, на войне...

По мере того, как я рассказывал о своем горе, хлюпая мокрыми губами, утирая рукавом глаза, лицо собеседника скучило, презрение все явственней проступало на нем: «Какой мусор приходится заматывать на фронт!..»

В съято затуманенных глазах военного деятеля брезжила, брезжила и, словно от волглого огнива, занялась мысль, пробудился живой ко мне интерес. Я смолк, оглядел внимательно товарища начальника и очнулся: во время войны в народном фольклоре бытовали байки-загадки с вопросом «что?»: «Что такое сверхпрочность? Сверххнахальство? Сверхточность?» Этот дядя был из породы «сверххнахальства» — околачивался в тылу, носил погоны, жрал по усиленной карточке, спал с женой фронтового офицера, «обожая» Родину, стучал себе в грудь кулаками: «Смерть немецким оккупантам!» — и упорно искал себя в списках награжденных.

— Ты же на брони! Вот если начальник станции подпишет...

Я схватил заявление и побежал через плохо убранные картофельные поля, по которым темными тенями бродили эвакуированные, перекашивая пашню, и ветвились грязная дорога, та дорога, где, хлябаясь в выбоинах, тащились подводы к неглубокой просторной яме, торопливо выкопанной на березовском кладбище, на отшибе от старых могил.

— Дурак! — первое, что я услышал от «порченого». — Да этот жирный боров спит и видит, чтоб такие, как ты, к нему валом валили, иначе ж ему самому придется на фронт. Какое ему дело до нужд транспорта? Что ему, хоть в општим, хоть и в целом интересы Родины? Ему своя шкура...

— Все вы, тыловые крысы, друг дружки стоите!

Иван Иванович, будто от удара, отшатнулся к стене, задел локтем телефон, поймал свалившуюся трубку и, скаж ее за деревянный наручник, глядел на меня расшиблением. Осторожно опустив трубку на рычаг, он обвис плечами и сидел, уставившись взглядом в пол, и лицо его тяжелело, провисало щеками, на глазах старилось. Затрещал телефон. Начальник станции схватил трубку, смотрел на нее, чего-то сообщая.

— Занят я! — рявкнул он наконец и бросил трубку с такой силой, что она спала с рычага и висела на одной вилке — Давай! — протянул он большую, подушкой набухшую руку.

— Чего?

— Карточки давай!

Я начал торопливо доставать из кармана железнодорожное удостоверение, в которое были вложены продуктовые карточки. Иван Иванович решительно черкнул с угла на угол красным карандашом на моем заявлении: «Не возражаю» — и тем же карандашом бережно, мягко написал на моих карточках: «Отоварить до конца месяца». Учинив подпись, он вздохнул и поднял на меня глаза:

— Ладно убьют, а если изувечат?..

«Да, если изувечат, кормить меня некому». Сочувствие скребнуло меня, вновь стронуло во мне злое горе, и, гордо покидая кабинет начальника станции, пропахший отгорелыми фонарными фитилями и угольным дымом, я сказал, слава Богу, не вслух, а про себя: «Без соплей мокро».

Истрапанный, побитый на фронте, я съездил на станцию Базаиху в сорок восьмом году, чтобы поговорить с «порченым» и хотя бы в общем и целом как-то загладить застарелую вину. Но за полгода до окончания войны Ивана Ивановича Королева отвезли на березовское кладбище тоже на заемной, совхозной подводе и по той же дороге, где мы возили мертвых ленинградцев и покойники выпадали с телег — такие на ней были колдобины.

Сдавши спецовку, сигнальный фонарь и флаги завхозу станции, а неуклюжие фанерные сундуки Пети Железкина и Миши Володькина — в камеру хранения, я переложил свои, наиболее ценные вещи: пару рубашек, бельишко, новые штаны, голубое кашне — подарок дяди Васи — в холщовый мешок,

пожертвованный мне уборщицей общежития. Картинки, снятые со стены, старинные онучи, недоношенные «выходные» туфли, кастрюльки, ложки и прочий скарб сбросил в чемодан и тоже снес в камеру хранения. Платочек с полинявшими буквами «Н. Я.», ставший мне уже талисманом, я сложил четвертушкой, засунул в нагрудный карман гимнастерки, ни с кем не попрощавшись, отправился в город и оказался на опустевшей краевой пересылке — только что здесь была сформирована Отдельная сибирская бригада, и я едва не настиг своих корешков — Мишу Володькина и Петю Железкина.

На пересылке грузный, пухлый, по-коровы пыхтящий писарь отнял у меня военкоматскую бумагу, спросил мое ФИО и занес его в какой-то форменный журнал. Коренастенький сержант с подбитыми бровями разрешил мне быть свободным «пока», но совсем не исчезать. «Можешь понадобиться», — сказал он.

Я послонялся по двору, заглянул в подметенные, продезинфицированные помещения пересылки и расположился на осеннем воздухе, под забором. Вынув харчишки из крашенного домодельной зеленухой мешка с наляпанной на самом видном месте белой заплатой, я крепко покушал, умыв одну из трех буханок хлеба, выданных мне на карточки, и полбулыки топленого масла, отваренного на жировые и мясные талоны, и почувствовал полное умиротворение. Все мои тяготы-заботы словно бы остались за воротами пересылки, отчужденность и безразличие овладели моей душой — и я еще не знал великолого свойства армии, растягивающей морали дармоеда, но уже чувствовал, что сам себе не принадлежу, что за меня думают, мною распоряжаются, обо мне заботятся, чтоб накормить, одеть, обуть, и за все за это надо всего лишь подчиняться.

Эка невидаль! А в школе? А в ФЗО? А на станции я чего делал? Подчинялся, выполнял команды! Да еще вкалывал, да еще голову ломал о житье-бытье, а здесь и забот-то — не уперли б сидор!

В казармах было вонько, прямо-таки удушливо от дезинфекции, на голове осенней земле я лечь побоялся — научила меня болезнь остерегаться простуды. В

далнем углу пересылки обнаружилась сорванная с гвоздя доска. Я ее отодвинул, просунулся в лаз и почувствовал уютную, травой поросшую территорию со скамейками, среди которых стоял красивый дом, у ворот — крепкий, как гриб подосиновик, флигель. Не вникая особо, куда попал, а попал я, как потом выяснилось, во двор музея Василия Ивановича Сурикова, расположился на уютной скамье, под пожухлой, но все еще мохнатой сиренью, уснул глубоко, безмятежно и проснулся лишь на вечерней заре — нужда пробудила.

— И где этот деляга с зеленым сидором и белой заплатой? — грозно вопрошал кто-то за оградой. — Найду, винегрет из него сделаю!..

Я приподнялся, глянул на мешок, положенный под голову, на все еще ослепительно-белую заплату и догадался — ищут меня. Я пролез в дырку и, насвистывая, стал прогуливаться по пересылке, все время поворачиваясь так, чтоб видно было заплатку на мешке.

— Стой! — Кто-то схватил меня сзади за мешок.

— Стою!

— Ты где был?

Я в рифму ответил, где — и мешок сразу отпустили. Передо мною, сурово насупившись, стоял сержант с подбрюстыми бровями, тот самый, который был в комнате писаря, когда меня оформляли. Я поинтересовался, что ему надо, и он многозначительно ответил:

— Тебя, сеньор!

— Простите, сэр, но мы с вами не так быстро знакомы, чтоб сразу переходить на «ты».

— А сейчас познакомимся, и ты не рад этому будешь! — заявил сержант и с присвистом, в щель передних зубов, разрешаясь злобой и властью, распиравшими его грудь, скомандовал: — Кр-рю-хом! Н-на кух-ню ш-гом арш!

— Но, но, не больно... — начал я щепериться.

Сержант вот-вот должен был воспламениться, он уже дымился:

— Н-на кухню! Ш-гом! Иначе я из тебя, морда, винегрет сделаю!..

— А это видел? — поднес я ему кулак под нос. И мы схватились драться. Сидор мне мешал, связывал действия, да и после больницы я. Товарищ сержант одолевал меня. Но, вспомнив удалые детдомовские времена, я изловчился и поддел его на «кумпол». Сержант сразу перестал драться, схватился за нос, посмотрел на ладонь.

— Нос разбил! — Сержант еще раз поднес ладонь, еще раз посмотрел на нее и, потрясенный, прошептал: — Старшему по званию! Командиру эрэка!..

— А ты не тысься! — срывая листок пыльного подорожника и прикладывая его к носу товарища сержанта, сказал я. — Раз командир эрэка, воспитывай словами. Тебе тут не старорежимная армия, чуть чего — в рожу.

Зажав подорожником нос, сержант подавленно молчал, потом высыпался и уже без металла в голосе, тускло приказал следовать за ним.

Мы оказались в подсобном помещении пиццеблока. В неоглядном зале, загроможденном бочками, ящиками, баками, было сырое и мрачно. Пахло здесь, как в доковской столовой, которую посетили мы когда-то с дядей Васей, гнилой

картошкой, очистками, квашеной капустой, несвежим мясом. В полумраке подсобки копошились какие-то бесплотные фигуры. Товарищ сержант дал мне наказ: вместе с доходягами и симулянтами, отставшими от боевой сибирской бригады, чистить картошку до тех пор, пока я не сдохну. О том, чтоб сдох непременно и поскорее, он, сержант Федор Россонин, позаботится лично.

— Побег с ответственного участка работы расцениваю как дезертирство! — предупредил сержант, заранее уверенный, что я обязательно смоюсь из подсобки, от грязной работы.

Первое из изобилия затем на меня сыпавшихся в армии наказаний я воспринял с легким сердцем, даже с удовольствием. Товарищ сержант, Федор Россонин, не ведал, какую тихую радость мне доставляет чищение картошек. От бабушки перешла ко мне привязанность к этой работе и в детдоме закрепилась. Дома, на деревенском огороде садили почти изведенную потом за малоурожайность русскую скороспелку, розовато-нежного цвета снаружи, с розоватым кружевцем, точнее, с розовым куржачком внутри, бодрую в цвету, терпеливую к холоду, спорную в росте и такую нежную, что едва ее ножом тронешь — сок брызнет, а коли сварится, то вся как есть потрескается и вдоль и поперек, обнажая под кожей сахаристую рассыпчатость.

Выкопает, бывало, бабушка гнездо-другое картошечек, овощи всякой надергает, с корзинами спустится к Енисею и долго булькается в воде. Сперва по отдельности помоет каждый овощ, затем, подоткнув юбку, забредет поглубже и поводит корзиной в светлой струе туда-сюда, после встрихнет под водой ту и другую корзину, но когда подденет их на коромысло, все равно из плетенок густо каплет, дырявит пыль обочь тропинки. Поднявшись на яр, еще не войдя в заулок, бабушка певучим голосом кликала меня. Если я играл поблизости, срывалась ей навстречу, и она на ходу поворачивалась ко мне той корзиной, в которой зеленела мохнатая ботвой морковь, упруго топоршились листья брюквы, собравшие в разложье слитки чистой воды. И, видя, какая мне радость от чистого и потому особо лакомого овоща, бабушка, лучась морщинами, поощряла:

— Бери, бери, товарищней потчуй! Бог уродил, бог людям угодил — экая благодать от земли!..

В детдоме я был самый прилежный чистильщик картошечек, потому как слушая легкий скрип ножа, уединялся от людей и пристрастился выдумывать все красивое, даже что-то похожее на стишкы. Вьется, бывало, стружка картофельная, вьются в голове мыслишки, вспоминается деревня, бабушка, как она даже зимой, не жалея рук и плеч, носила лишнее коромысло воды и обмывала картошку — меньше грязнятся и трескаются руки, и, чистя картошку, бабушка, наверное, тоже думала о всякой всячине, отдыхала от суеты и хлопот.

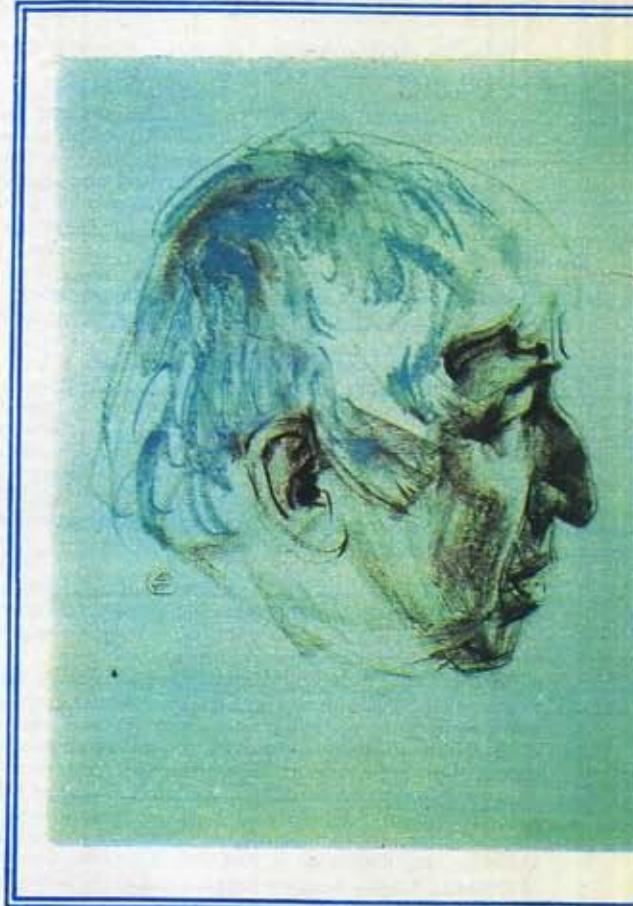
Знай все это товарищ сержант, так и не строжился бы — он через каждый час наведывался в подсобку и удивленно приподнимал подбрюстые брови: «Ты еще тут!» За полночь, преодолев строгость, велел пlesнуть мне в толченую картошку черпак масла, выдал сухарь — для укрепления сил, пояснил, что наутро

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

Расул ГАМЗАТОВ

Горские сонеты о любви

В Дербенте виноградари гуляли,
И возносилась древняя лоза,
А предо мной, зеленые, мерцали
Твои, как виноградины, глаза.

В Японии попал я ненароком
На праздник вишни. И твои уста,
С вишневым породнившимся соком,
Припоминал в разлуке неспроста.

На праздник роз меня позывав, болгары
С вином багряным сдвинули бокалы,
Но догадаться не были волны,
Что вспоминала я, их веселью вторя,
Как на заре выходишь ты из моря
По розовому кружеву волнам.

Твоя сказала мама: «Посмотрим, ухажер,
Дубовый пень ли сможешь
В дрова ты превратить?»
Был пень железным, как топор,
А сам топор, как пень, остер,
Но смог, в тебя влюбленный,
очаг я растопить.

Жизнь подает порою топор мне до сих пор:
— Вот пень! Руби, приятель!
Огонь почти погас.
А пень железный, как топор,
А сам топор, как пень, остер,
Но вновь я заставляю огонь
пусться в пляс.

И от тебя не слышал поныне горьких слов
О том, что меньше стало
в камине нашем дров.

О, женщина, когда оставит вдруг
Тебя твой верный иль неверный друг,
Я прилечу к тебе из дальней дали
Затем, чтоб утолить твои печали,
Поклонник и должник твоих заслуг.
В любви от века излучая свет,
Тебя самоотверженнее нет.
Грустил ли, веселился ли, бывало,
Лиши ты меня всех лучше понимала,
Дарившая мне милость и совет.

Случись, чем жил, все повторить сначала,
С моим, как прежде, твой сольется след.
В моей судьбе ты значила немало—
И впредь так будет до скончанья лет.

Больной я в палате лежу госпитальной
И в исповедальной ее тишине
К врачу обращаюсь я с просьбой
печальной:

— Прошу, никого не впускайте ко мне.

Встречаться со мною и ношно и денно
Здесь может одна только женщина гор,
Насквозь она видит меня без рентгена,
Ей ведом триумф мой и ведом позор!

Ношу я на сердце достойные шрамы,
Его никому не сдавая внаем,
И может подробнее кардиограммы
Она вам поведать о сердце моем.

И кроме нее, приходящих извне,
Прошу, никого не впускайте ко мне.

На площади, где марши ликовали,
Мы шествие военных наблюдали,
Увенчанных созвездьями наград.
Вдруг я сказал:

— Имел бы вдоволь власти,
Дивизиям, сгорающим от страсти,
Назначил бы торжественный парад,
Чтоб, на седых мужей держа равненье,
С нашивками за славные раненья,
Держали строй влюбленных всех стран.
И за тебя я умереть готовый,
Шагал бы с ними, как правофланговый.
Ты рассмеялась: — Ах, мой ветеран,
Зачем парад влюбленных и раненых?
Им во сто крат милей единенье.

Из-за тебя потребовать к барьера
Мне в жизни рок другого не сулил.
В недобрый час твою предавший веру,
Я сам твоим обидчиком прослыл.

Куда от прегрешения деваться?
И вновь себя, как недруга кляня,
Один в двух лицах выхожу стреляться,
И нету секундантов у меня.

Быть раненным смертельно на дуэли
Хотел бы я, чтобы, подняв с земли,
Меня на бурке или на шинели
К твоим ногам кавказцы принесли.
И вымолить прощение успели
Уста мои, что кровью изошли.

ОТ АВТОРА

«Смена» — это моя колыбель. Почему я так говорю?

Тридцать лет назад после «Вечера одного стихотворения», который только что прошел в Центральном Комитете комсомола, ко мне, тогда совсем еще молодому поэту, подошел сотрудник «Смены» и попросил стихи. Вскоре они были напечатаны — «На свете люблю я всему свою меру» и «Моей земли не умирают люди».

Это была, по сути дела, первая моя публикация в столичном журнале. Вполне понятно поэтому, что номер журнала, выходившего тогда на плохой послевоенной бумаге, я затаскал в кармане до того, что он истерся и порвался на сгибах, и вскоре мне пришлось доказывать товарищам, что стихи эти — я в самом деле мон...

Маленькая эта публикация была замечена Александром Александровичем Чайковским, который всегда очень заботился о начинающих литераторах. С какой речью читал я потом его письмо ко мне! Он и поддержал меня, и подбодрил, и будто вместе со мною поразмышилял над творчеством молодых. До сих пор помню строки о том, что «писать нужно много и смысле затраченного на это дело количества труда, но не надо горопиться печатать все, что вышло из-под пера».

Теперь я сам могу сказать это молодым с полной уверенностью в том, что советом своим никогда их не подведу!

...И вот снова отдаю я в «Смену» свои стихи и чувство при этом испытываю такое, будто и в самом деле подхожу к детской своей колыбели... Постою над нею и раздумье и сяду потом погреться у старого отцовского очага. И опять буду думать. О том, как быстро несется время, о трудных дорогах, которые остались позади, о седых вершинах, которые еще хотелось бы покорить... Думать у отцовского очага всегда хорошо, потому что тут приходит к тебе ощущение, что ты все еще молод, что все у тебя ещепереди.

Нет, надо, обязательно надо возвращаться к своей колыбели, возвращаться к отцовскому очагу!

Я давал Любви присягу,
Клялся, страстью одержим:
— Вспять не сделаю ни шагу
Перед знаменем твоим!

Сгину, проклятый судьбою,
Если тайна хоть одна,
Что доверена тобою,
Будет мной разглашена.

И тебе, как воин стягу,
Поклонюсь еще не раз.
И костыми скорее плягу,
Чем нарушу твой приказ...

Я давал Любви присягу,
Взяв в свидетели Кавказ.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

В училище Любви, будь молод или сед,
Лелеешь, как в святилище, ты слово
И каждый день сдаешь экзамен снова,
В училище Любви каникул нет.

Где ходим мы по лезвиям клинов,
И оставаться трудно безупречным,
В училище Любви студентом вечным
Хотел бы слыть, касаясь облаков.

В училище Любви мы выражать
Года свои не доверяем числам.
И, хоть убей, не в силах здравым смыслом
Прекрасные порывы поверять.

И женщину молю: благослови
Мою судьбу в училище Любви!

В размолвке мы, но жаждем примиренья,
И ты считаешь, что без промедленья
Я должен сделать первый шаг к нему.
И мысленно торю к тебе тропинку,
И на ладонь беру твою слезинку,
И говорю: — Печальна почему?

И слышу вдруг: — Любимую утешь ты,
Закат обиды и восход надежды
Заметить, друг, во мне не мудрено.
Мое мерцанье — это мановенье,
Чтобы явилось чудное мгновенье,
Проси прощения, явится оно.

Не потому ли, что была гроза,
Светла твоя последняя слеза?

Войны, раны и недуги
Угрожают мне давно:
— Ни в какой от нас кольчуге
Не спасешься все равно.

В грудь мне целил быстротечный
День, как кровник — на скаку:
— Для чего, поэт беспечный,
Пел любовь ты на веку?

Но всему познавший цену,
На снегу взрастив вербену,
Утверждают внова и вновь:
— Сможет войны, ложь, измену
И седых столетий смену
Пережить моя любовь!

С головою повинною я
Обращаюсь к тебе, моей милой:
— Не гневись, мой Верховный Судья,
Пощади, сделай милость, помилуй!

Если правишь ты праведный суд,
То припомнй обычай Востока,
Он о том говорит не без прока,
Что повинных голов не секут.

Не впервые тобой я судим
За проступок, что признан греховым.
Ты Судьей моим стала Верховным,
Кто ж защитником будет моим?

Может, ты, мой Верховный Судья,
Станешь им, доброты не тая?

Царицей прослыла в государстве Любви,
Столетье двадцатое ты не гневи:
Монархия — песенка сплетая.
Отрекшись от трона, сама объяви
Республикой ты государство Любви.
Монархия — песенка сплетая!

Подобно колонии был я тобой
Легко завоеван в дали голубой,
Но к воле путь знают колонии...
— Ах, милый бунтарь,

в государстве Любви

Отречься от власти меня не зови,
Когда ты сторонник гармонии.

Уйду — станешь тем озадачен,
Что женщиной снова захвачен.

Рисунки
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

«...ПРОМЧАЛИСЬ КАК МЕЧТАНЬЕ»

Из письма Аннеты Вы давно узнали, что я получил «Шесть лет» еще в декабре месяце; Вы видели мою благодарность, повторять ее не буду. Вы давно меня знаете...

Этими словами начинается одно никогда не печатавшееся письмо, обнаруженное недавно в Ленинграде, в Отделе рукописей Института русской литературы Академии наук. Институт этот имеет еще второе имя: Пушкинский дом; здесь сосредоточены все рукописи великого поэта, множество писем, документов его родственников, друзей, современников... Вот и это послание написано почерком, хорошо известным многим специалистам по русской истории и литературе прошлого столетия: рука Марии Николаевны Волконской.

Дата на письме—7 февраля 1836 года: Сибирь, каторжная тюрьма в Петровском заводе, за семь тысяч верст от столицы. Уже десятый год длится заключение главных героев 14 декабря, и судьбу их разделяют несколько жен, отправившихся в добровольное изгнание.

Однако Мария Николаевна Волконская, как лег-

ко заметить, пишет в мужском роде—«Я получил...»; пишет за другого—ведь тем, у кого не кончился каторжный срок, запрещена самостоятельная переписка, и порою декабристкам приходится писать по 15—20 писем в день... По содержанию послания видно, что на этот раз Волконская пишет от имени Ивана Ивановича Пушкина...

Прошло почти двадцать пять лет с тех пор, как Ваню Пущина привезли в новое, прежде невиданное учебное заведение, лицей, и он оказался в зале, где впервые увидел своих будущих однокашников. Позже он вспомнит: «У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся—глядя на всех и никого не видел. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликивать по фамилиям. Я слышу: Александр Пушкин!—выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда». А рядом стояло еще двадцать восемь мальчиков: Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Федор Матюшкин, Александр Горчаков, Владимир Вольховский, Иван Малиновский, Михаил Яковлев, Константин Данзас и другие...

Шесть лет они проучатся вместе—шесть лет, наполненных чтением, веселыми проказами, серьезными мечтами. Видно, очень хороши и легки

были для них эти шесть лет, если позже вспомнят, что они «промчались как мечтанье...»

Прощаясь с выпускниками, лицейский директор Егор Антонович Энгельгардт подарил им всем на память особые чугунные кольца—символ несокрушимой дружбы и памяти, и они будут называть друг друга «чугунниками»...

Окончив Лицей, они разлетелись по свету кто куда: Малиновский, Пущин—в гвардию, Матюшкин—в моряки, Горчаков, Пушкин—по дипломатической части... Некоторые служили вместе, продолжая дружить и встречаться чуть не каждую неделю, другие не виделись подолгу. Лицейский же день—19 октября—для всех был священным: собирались, съезжались все.

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда бы ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Эти строки—из знаменитого стихотворения А. С. Пушкина, написанного им 19 октября 1825 года.

Там же мы находим и строки о Пущине:

...поэта дом опальный
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицей превратил...

Выходит, при особых обстоятельствах, в печальном изгнании лицейский праздник мог произойти не только в «главный» день—19 октября, но и в какой-нибудь другой, сладостный день встречи с друзьями. Так случилось 11 января 1825 года, когда Пущин внезапно объявился в Михайловском, у запертого там в изгнании Пушкина. Так случилось еще раз, одиннадцать лет спустя, в далекой Сибири, когда один из «каторжных дней» вдруг станет лицейским для другого изгнаника—Ивана Пущина. Именно об этом мы и узнаем из письма, с которого начался наш рассказ...

Февраль 1836 года. Великому поэту не осталось впереди и года жизни; Пущину еще предстоит провести три года на каторге, затем семнадцать лет на сибирском поселении. Однако человек, которого поэт назвал «мой первый друг, мой друг бесценный», не забывает далёких, недостижимых друзей

И. И. ПУЩИН.
Акварель Н. Бестужева, 1837 год.

**ДИРЕКТОР ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ
Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ.**
Литография. 20-е годы XIX века.

своей юности. На этот раз он с помощью Марии Николаевны Волконской, жены товарища по заключению, составляет послание Егору Антоновичу Энгельгардту — тому директору Царскосельского лицея, который некогда поздравлял первых лицеистов с окончанием и дарил им кольца.

Е. А. Энгельгардт никогда не был революционером, не разделял политических взглядов Пушкина, Кюхельбекера и некоторых других воспитанников, однако притом своих бывших учеников никогда не забывал, щедрый постоянно писал (это, видимо, и повредило его карьере). Однажды воспользовался каким-то удобным случаем и переслал «государственному преступнику» Ивану Пущину стихотворение Пушкина, написанное к лицейскому празднику 19 октября 1827 года, — «Бог помочь вам, друзья мои...»; стихотворение, где поэт, между прочим, вспоминал и желал счастья тем одноклассникам, которые томятся «в мрачных провластях земли». В конце же 1835 года (как мы догадываемся из письма Пушкина, написанного «рукой Волконской») старый директор присыпал другие строки и ноты, вззволновавшие узника-лицеиста: «Шесть лет» — это знаменитая прощальная песня, сочиненная одноклассником Пушкина и Пущина поэтом Антоном Дельвигом по случаю окончания Лицей, где первая строчка: «Шесть лет промчались как мечтанье...» (Музыку написал композитор и приятель лицеистов Тешнер.) Пушкин однажды включил в свои стихи чуть измененные строчки из того лицейского гимна:

На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

Несколько лет назад ленинградский исследователь Э. Найдич заметил на одном из писем лицеиста-моряка Федора Матюшкина, посланного друзьям из далекого плавания, сургучную печать, в центре которой находились две пожимающие друг друга руки, символ лицейского союза, а по краям ясно прочитывались слова из лицейской песни: «Судьба на вечную разлуку, быть может, породила нас...»

И вот 1836 год: «иных уж нет, а те далече». Иван Пущин, некогда в классе прозвывавшийся «Большой Жанно», энергичный, не поддавшийся каторжным годам, благодарит директора Энгельгардта за ценную посылку (и понимает, между прочим, что привет его дойдет ко многим товарищам, регулярно наведывающимся к Егору Антоновичу или встречающимся с ним на общих праздниках, — Мише Яковлеву, Ване Малиновскому, Косте Данзасу, Александру Пушкину). Однако директор в своем письме, на которое отвечает декабрист, очевидно, сожалеет, что Пущину удастся лишь прочитать текст лицейской песни, да никак не услышать ее полного музыкального исполнения, ибо лицейские запевалы находятся в Петербурге, Москве, то есть в другой части света.

В своем письме Пущин возражает:

«Напрасно Вы думаете, Егор Антонович, что я не мог услышать тех напевов, которые некогда соединяли нас. Добрые мои товарищи нашли возможность доставить мне приятные минуты. Они не поскутили разобрать всю музыку и спели. Н. Крюков заменил Малиновского и совершенно превзошел его искусством и голосом. Яковлев нашел соперника в Тютчеве и Свишунове».

Мы только что узнали о любопытной, волнующей сцене, разыгравшейся в забайкальском каторжном каземате зимним вечером 1836 года. Лицеистов, кроме Пущина, здесь не было, но друзей было немало: оказалось, что в этой ситуации — за тысячи верст от Царского Села, за цепью охраны и казематскими стенами — можно создать «лицейский вечер». Сподвижник Пестеля, в юности поручик, затем «государственный преступник 2-го разряда» Николай Крюков; член Общества соединенных славян, некогда пехотный капитан, а теперь тоже каторжник 2-го разряда Алексей Тютчев; и, наконец, бывший блестящий корнет кавалергардского полка, ныне отбывающий долгий срок за «умысел на цареубийство» Петр Свишунов — эти люди вдруг перевоплощаются в незнакомых им лицеистов и поют песню «Шесть лет промчались как мечтанье», поют, чтобы сделать приятное товарищу по каторге, и, как видно, добиваются немалого успеха.

Если общее дело — значит, и песни их и Лицей родной... Однако для настоящего хорового исполнения царскосельской песни ранее привлекались и женские голоса, прежде всего родственницы самого Егора Антоновича Энгельгардта. В тюрьме Петровского завода и тут находят выход:

«Вы спросите, где же взялись сопрано и альт? На это скромность доброго моего секретаря не позволяет мне сказать то, что бы я желал и что, поистине, я принимаю за незаслуженное мною внимание» (далее в письме по-французски слова самой М. Н. Волконской: «Как видите, речь идет обо мне и Камилле Ивашевой, и должна Вас заверить, что это делалось с живым удовольствием»). Пущин: «Вы согласитесь, почтенный друг, что эти звуки здесь имели для меня своего рода торжественность; настоящее с прошедшим необыкновенным образом сливалось... Вы скажите моим старым товарищам лицейским, что мыслы об них всегда мне близка и что десять лет разлуки, а с иными и более, нисколько не изменили чувства к ним. Я не разлучаюсь, вопреки обстоятельствам, с теми, которые верны своему призванию и прежде нашей дружбе. Вы лучше всякого другого можете судить об искренности такой привязанности. Кто, как Вы, после стольких лет вспомнит человека, которому мимоходом сделал столько добра, тот не понимает, чтобы время имело влияние на чувства, которые однажды потрясали душу. Я более Вас могу ценить это постоянство сердца, я окружён многими, которых оставили и близкие и родные; они вместе со мною наслаждаются Вашими письмами, и чувства Ваши должны быть очень истинны, чтобы им, несмотря на собственное горе, доставить утешение и некоторым образом помирить с человечеством. Говоря Вам правду, я как будто упрекаю других, но это невольное чувство участия к другим при мысли Вашей дружбы ко мне».

Так писал «из глубины сибирских руд» своему старому учителю лицейцу и декабристу Ивану Пущину. С помощью лицейских писем и песен он сумел подарить некоторое утешение тем, кто не получал писем и за кем не поехали в Сибирь жены и невесты.

Ученику и директору суждено еще будет встретиться, но это случится двадцать один год спустя...

А еще через сто с лишним лет, в середине наших, 1970-х годов, откроется для посетителей Царскосельский, Пушкинский лицей — почти точно такой, каким был в течение шести лет, некогда промчавшихся, «как мечтанье»: актовый зал, где юный Пушкин прочитал стихи в присутствии престарелого Державина, столы, на которых разложены тетрадки и учебники того времени, крохотные комната-келии с номерами и фамилиями обитателей...

Номер 13 — Иван Пущин, номер 14 — Александр Пушкин.

В лицейский день, по старому стилю 19, по новому 31 октября, собираются гости, звучат стихи лицейцев и о Лицее, а хор, прекрасный хор исполняет ту песню, что некогда подхватывали на вечерах встречи Пушкин, Пущин, Малиновский, Яковлев и что спели для ссылочного декабриста трое его товарищей по судьбе и две прекрасные женщины, разделившие декабристское изгнание...

Дмитрий УЛЬЯНЦЕВ

Багор

Закат над запанью багров.
Мы разбираем зло залома.
Крахтим с натуги.
Стук багров.
Остроты, словно пот, солены.
Я свой багор — желтей, чем луч,—
втыкаю в розовые сосны.
К залому подбираю ключ:
ведь надо, рано или поздно,
чтоб лес подался и пошел
по красным волнам Енисея.
Багор сработан хорошо
и с зависью осмотрен всеми.
Ни на минуточку из рук:
то рвется словленною птицей,
то — намертво в бревно, то вдруг
меня толкает утопиться.
Вертлявее день ото дня.
Какого он опился зелья?..
Мне утром руки не поднять
с его вчерашнего веселья.

Телефонный звонок

Мы увиделись вновь. Я звонить обещал,
Всю неделю какой-нибудь случай мешал.

Незнакомцы тебя невпопад вызывали.
И громоздкие грозды грозы вызревали.

Августейшего августа ночи и дни
Не тылали — пытали. Мне их извини.

Где-то маялась близко, звонка ожидала.
И оттавала. И тоска отступала.

Подвернулись дела, те, что рвут удила,
И дела эти были, что сажа бела.

Ничего никогда не услышит, не скажет
Телефонная трубка, чернее, чем сажа.

Незабудками в кроткой своей красоте
Телефонные будки стояли у стен —

Для других и надежда и счастье,
мне — горе..
Неразумно развел нас с тобой этот город

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

Опять труба свое выводит,
Выводит празднично, легко,
И без труда туда уводит,
Где до звезды недалеко.

О,лик ее, как утро, ясен,
Как утро, детством напоен,
А голос чист и так прекрасен,
Как будто небом он рожден.

Так пой, труба, колдуй над нами,
Спеши за майскую зарей.
Пусть вольно плещет жизни знамя
Над всей мятущейся землей!

Ах, промыть скорее окна!
Сколько света! Как во сне.
Сколько солнца! Только ойкнешь,
Замечтаешь в тишине.

Хошь не хошь — весна прорвется,
Хошь не хошь — разбередит,
Над тоскою посмеется,
Выти в поле позовет.

Выти в поле — снега комы
Лишь пестреют там и тут.
Пьет весну начерноземье.
К полю тракторы идут.

ФОТООХОТА — ЕДИНСТВЕННЫЙ ВИД «ПРОМЫСЛА», РАЗРЕШЕННЫЙ В ЗАПОВЕДНИКЕ.

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ КОЛЕЧКО С НОМЕРОМ ПОМОГАЕТ СЛЕДИТЬ ЗА МАРШРУТАМИ КРЫЛАТЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

НА ПОМОЩЬ ОСЛАБЕВШИМ ПТИЦАМ ПРИХОДЯТ ЛЮДИ. ТАК ПОДКАРМЛИВАЮТ ПЕЛИКАНА.

Пожалуй, не найдется ни одного человека, кто весной или осенью, заметив стаю высоко летящих перелетных птиц, долго бы не смотрел им вслед, не задумался бы, не взгрустнул. Так уж устроен мир. С прилетом птиц наступает весна, время надежд, оживления природы. А с отледом — пора холодов, снега, метели.

Одним и тем же путем летят пернатые странники. Не меняют его никогда. Над нашим городом тоже проходил один из таких птичьих маршрутов. Осенью мы провожали серые косяки журавлей, белоснежные ряды лебедей, темные углы гусей. С невеселым курлыканьем, с криками, гоготаньем улетали они на юг, в жаркие края.

Но проходила зима, и снова среди рваных облаков, с радостными взглядами летели наши знакомые. Казалось, что и крыльями они махали веселее — скорей, скорей в родные края!

Так из каких же заморских стран, из-за каких синих морей возвращаются весной птицы? Оказывается, многие птицы проводят зиму совсем не за тридевять земель — на юге Каспийского моря, в Азербайджане, а точнее, в Кызыл-Агачском государственном заповеднике имени С. М. Кирова. Именно там находятся их зимние квартиры.

С европейской России, Сибири, Казахстана и других мест собираются осенью

рассказывает, что когда бог создавал мир, в его кладовой ничего уже не осталось, и он дал фламинго клюв орла, шею гуся, спину верблюда, ноги цапли, зато цвет «платья» выдал ярко-розовый. А название придумал от греческого слова «фламмо», что означает «огонь».

Вон вдали стая фламинго. Пробуем подойти к ним ближе. Они нас уже заметили и, не торопясь, стали отходить по мелкой воде к берегу. Вероятно, наша навязчивость им уже порядком надоела. Яркие птицы разбегаются — и красный штрих повисает в небе. Не спеша помахиваю крыльями, вытянув горбатые шеи, фламинго пролетели над нашей лодкой. Действительно, что-то в их полете напоминало горящий факел.

Снова безбрежная синь сливается с морем. Лишь на самом горизонте светлые фрегаты. Бинокль превратил их в стаю белоснежных лебедей. Рядом вкраплены темные пятна — это утки, лысухи. У некоторых лебедей на шеях синие ошейники с цифрами и буквами. Орнитологи всего мира договорились так сейчас кольцевать этих птиц. «Ожерелье» дает возможность легко проследить за ними и даже прочитать номер на кольце. Такие ошейники абсолютно не мешают им летать, плавать, нырять.

А вот пеликану подобные «ожерелья» не подходят. Их кольцают старым способом: надевают на лапу металлическое колечко с номером. А все потому, что свою добычу пеликаны глотают целиком. Бывает она порой очень крупной — двух-трехкилограммовые сазаны. Их через колечко не пропустишь.

Подъезжаем совсем близко к птицам-рыболовам. И пеликаны тяжело, нехотя начинают взлетать. Однако некоторые из них лишь машут крыльями, а подняться не могут: так плотно позавтракали. Приходится освобождаться от лишнего веса — выбрасывать из подклювного мешка только что пойманных сазанов. Тут же среди пеликанов шныряют чайки. Они пытаются схватить выброшенную рыбку, но не тут-то было: сил не хватает. И жирные, двухкилограммовые сазаны остаются плавать на воде.

И снова мчимся по заливу. С воды взлетает черная стая лысух и со свистом проносится над нами. Сверкающим узором прошлись по небу кулики.

Смотришь на них и поражаешься согласованности движений: на лету птицы одновременно переворачиваются, вот вся стая, сверкнув серебром жилеток, мгновенно подставила солнцу темные спины, развернулась, полетела обратно и приводнилась на синей глади.

Лодка подошла к берегу и уткнулась в него. И тут же из прошлогоднего рыжего тростника вылетела крупная темно-синяя птица с массивным красным клювом. Султанская курочка — уроженка здешних мест. Она ведет оседлый образ жизни. Встречаются султанки и в других странах, даже в далекой Новой Зеландии. Но повсеместно они очень редки, потому и внесли их в специальный охранный документ Международного союза охраны природы и природных ресурсов — «Красную книгу».

В заповеднике редкостей немало, надо только побродить, и непременно их встретишь.

Вот в большой, дружный шар сбились сотни скворцов. И вдруг неожиданно, как дробь, рассыпались в разные стороны. Потом опять сбились и снова разлетелись. Чем же вызваны такие «маневры»? Оказывается, сапсан пытался схватить скворушку на обед.

Зимой в Кызыл-Агачском заповеднике собирается до двадцати соколов-сапсанов. А в некоторых странах Северо-Западной Европы их живет не более одной-двух пар.

А теперь — в заросли тамариска. На небольшой поляне, не подозревая о непрошенных гостях, ходили и ковыряли темными клювами землю две большие пестрые птицы. Турачи — птицы-аборигены. Неожиданно они побежали и

ГДЕ ПТИЦЫ ЗИМУЮТ

Игорь
КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора.

птицы в Кызыл-Агачском заповеднике — самой крупной зимовке в Европе. Более двух миллионов пернатых переживают здесь холод. Кого только не встретишь в заповеднике: стрепеты и фламинго, лебеди и утки, скворцы и кваквы, кулики и чайки, жаворонки и перепелки, гуси и цапли, филины и пеликаны, орланы и зимородки... Около ста пятидесяти видов.

Птицы расселяются в разливах, тростниковых и тамариксовых зарослях, мелководных и глубоководных заливах, на степных участках.

Морозы и снега в заповедных местах — редкие гости. Много солнца, тепла. Бывают дожди, а когда вдруг, хотя и очень редко, случаются холода, люди подкармливают птиц и разбивают лед в заливах.

Утро приходит зимой в Кызыл-Агачский заповедник неторопливо. После леденящих душу ночных песен шакалов наступает недолгая тишина. Предрассветно поблескивает безбрежный залив. Из-за моря показывается краешек солнца, степенно поднимается оно над водой, пронизывает своим светом прибрежные заросли прошлогоднего тростника, освещает бурую степь и будит Кызыл-Агач.

Утка первая закричит, ей ответит лысуха, потом еще одна, и... началось. Непохожие, разные, сливаются птичьи голоса в один громадный хор.

В моторной лодке мы мчимся навстречу солнцу по Большому заливу. Где-то здесь на отмели должны кормиться фламинго. Птицы эти удивительные. В природе двойников у них нет. Легенда

Окончание на IV обл.

ЗАОЧНАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА «СМЕНЫ»

Линия отреза

Дорогие друзья, новые читатели и постоянные подписчики «Смены»! Вот вы и получили несколько номеров 1978 года. Вероятно, заметили новые рубрики журнала, встретились с разделами, которые встречали на страницах «Смены» и прежде. Чтобы выяснить читательское мнение, «Смена» приглашает всех вас к участию в заочной «летучке» журнала. Однако менее всего мы хотим, чтобы «летучка» эта вышла пассивной, только оценочной: это хорошо, а то — не очень. Мы приглашаем назвать нам адреса героев, о которых следовало бы написать, обратить внимание на проблемы, которые стоит изучить, ждем острых вопросов, требующих компетентных ответов заинтересованных организаций и лиц.

Итак, ждем вашего активного участия в заочной читательской «летучке» «Смены».

1. 1978 год — год XVIII съезда ВЛКСМ и 60-летия комсомола. Какие проблемы жизни и деятельности ВЛКСМ представляются вам наиболее актуальными? Требующими решения сегодня?

Линия сгиба

2. «Смена» — журнал, уделяющий много внимания рабочей молодежи. Какие проблемы этой группы комсомола требуют анализа, изучения, коллективного обсуждения на страницах журнала?

Линия сгиба

3. Летом 1978 года на Кубе состоится Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и в канун его «Смена» опубликует рассказы о жизни молодых людей разных стран. О молодежи каких именно стран, о каких проблемах жизни молодежи хотите вы узнать?

4. «Прошу слова!» — давняя рубрика «Смены», где обсуждаются различные проблемы нравственного воспитания молодежи. Ваши темы для этого раздела.

Линия сгиба

МЕСТО ДЛЯ МАРКИ

ЗАОЧНАЯ
ЧИТАТЕЛЬСКАЯ
ЛЕТУЧКА
«СМЕНЫ»

МЕСТО ПРИКЛЕИВАНИЯ КЛАПАНА

101457, ГСП
Москва А-15,
Бумажный проезд, 14
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

5. «Человек среди людей» — так называется один из наших разделов, как нам кажется, говорящий сам за себя. Какие проблемы стоит поднять в этой рубрике?

6. Предложите ваши кандидатуры героев рубрики «Молодые мастера искусства».

7. То же самое — для рубрики «Чемпионы о себе».

9. В разделе «Красота родной земли» мы публикуем фотоочерки, воспевающие разные уголки страны. О каких местах, дорогих вашему сердцу, следует рассказать в 1978 году?

10. Если вы давний читатель журнала, назовите, какие остросюжетные романы и повести, которые «Смена» печатает с продолжением, показались вам в последние годы наиболее любопытными? Представителя какого детективного и научно-фантастического жанра хотелось бы вам прочесть более всего?

11. На страницах «Смены» начинали многие выдающиеся прозаики и поэты — Шолохов, Астафьев, Гамзатов, Бондарев, Шукшин... Много молодых авторов публикуется и сейчас. Мы приглашаем читателей высказаться об их творчестве, назвать молодых литераторов, к которым «Смене» стоило бы проявить интерес. Наконец, мы объявили «Конкурс одного стихотворения». Приглашаем тех, кто пишет стихи, принять в нем участие; тем, кто не пишет, передать наши предложения к конкурсу знакомым, сочиняющим стихи.

12. «Жизнь замечательных людей» — постоянная рубрика журнала. О каких выдающихся людях прошлого и настоящего следует рассказать в будущем?

13. Участвуете ли вы в шахматных олимпиадах «Смены», по результатам которых присуждаются спортивные разряды?

Если нет, приглашаем.

Линия склада

14. Какие еще массовые конкурсы и соревнования следовало бы проводить журналу на своих страницах?

15. Рядом с вами живут и трудятся интересные люди — интересные своим трудом, своими увлечениями. Назовите этих людей, а «Смена» попытается рассказать о самых интересных из них.

16. В каждом номере журнала публикуется песня. Какие песни стоит напечатать еще?

Линия склада

17. Какие еще предложения и замечания хотите вы высказать редакции?

Ждем ваших писем!

Линия склада

Если хотите, укажите ваши:
фамилию, имя, отчество,

возраст,

профессию,

образование,

место, где живете,

давно ли выписываете «Смену»?

Желаем вам во всем успехов и удач. Заранее благодарим за участие в заочной «летучке» читателей «Смены».

Линия отреза

Линия отреза

Линия отреза

ПРОЗА

Возможная мера откровенности

Отчество. Это время, когда чувства и мысли обретают необыкновенную остроту, когда человек стремительно пересекает пограничную область между детством и зрелостью, это время, когда формируется характер. Поэтому писатель, который обращается к миру отечества, должен обладать особым даром — проникая в суть поступков, обнаружить те движения души юного человека, которые затем превращаются в конкретные действия, влияющие на формирование личности подростка.

Этим даром в полной мере обладает писательница Мария Прилежаева, опубликовавшая недавно две новые свои повести — «Осень» («Новый мир» № 1, 1977 г.) и «Зеленая ветка мая» («Детская литература», 1976 г.). Об этой последней мне хотелось сказать несколько подробнее. Ее главная героиня — Катя Бектышева. Ребенком лишается она сначала брата, а затем и матери. Девочка попадает на попечение своей родственницы — Ксении Васильевны, добрий и чуткий женщины...

Нелегко было Кате привыкнуть к новой обстановке, к новым людям. Вот она в церковноприходской школе. Однажды, не удержавшись, она осмелилась сказать правду в глаза учителю закона божьего. За это Кате было запрещено посещать занятия. Закончить школу ей удалось с огромным трудом...

Катя взрослеет, переосмыслив знакомые стороны жизни, увлеченно читает и перечитывает великих русских писателей — Толстого, Тургенева, Чехова...

С интересом листает она и подшивку газеты «Русское слово». И вдруг появляются новые, совершенно ни на что не похожие газеты — «Рабочий и солдат», «Правда», «Листок «Правды»... О чем говорится в них? О революции, от которой пока так далеки были и Катя и заменившая мать Ксения Васильевна.

Кто такие большевики? И что вообще происходит в городе и во всей стране? На эти вопросы понапацу не может ответить не только Катя, но и всесторонне образованная Ксения Васильевна...

Быстро летят месяцы. Новые идеи, новые понятия стремительно овладевают сознанием людей. Судьба Кати Бектышевой резко меняется. По направлению губкома партии она едет учительницей в далекое село Иваньково.

Катя быстро полюбили и ребятишки и их матери, приходившие по вечерам в школу учиться грамоте. Тянулись люди в маленькую комнатку молодой учительницы. Кто за советом при-

дет, а кто и сам посоветует... В голодные годы кормили молодую учительницу всем селом. И хотя у каждой хозяйки хватало и своих голодных ртов, для учительницы ничего не жалели.

А потом пришло время Кате покидать Иваньково. Возвратился с войны старый учитель, а Катя пригласили в педагогический техникум — учиться, повышать свои знания...

Новая повесть Марии Прилежаевой богата сложными, драматическими событиями. И, ведя о них нелегкий и в то же время очень доверительный разговор с юным читателем, писательница не пытается преувеличивать размеры трудностей и страданий, выпадающих на долю человека. Она говорит с подростком именно так, как он того хочет и требует: честно, открыто, с мудрой, воззывающей человеческой мерой откровенности...

Нет сомнения, что эта книга найдет отклик и у юных читателей и у взрослых, давно знающих и любящих лауреата Государственной премии РСФСР Марию Прилежаеву, которая с такой мудрой проницательностью всматривается в мир отрочества.

Игорь ЖЕГЛОВ

ПОЭЗИЯ

Поэт переводит с детского...

Детский язык... Не так-то просто взрослому человеку научиться разговаривать на нем, а тем более «переводить с него». Говорят, что нет словарей и учебников, которые учили бы этому языку того, кто давно рас простился с миром юности.

Однако новую книгу Агнии Барт «Переводы с детского» можно назвать именно таким учебником. Агния Барт не просто выдающийся мастер детской литературы, но и большой, многоопытный педагог. На протяжении всей своей творческой жизни она глубоко изучала «планету детства», ее проблемы, ее законы, ее специфику. Из своих путешествий по разным странам Агния Львовна непременно привозила и стихи своих юных читателей. В этих еще не зрелых литературных опытах — мысли ребят, их мечты, их устремления в будущее.

И вот перед нами большое поэтическое открытие: книга стихов, написанная замечательным детским поэтом как бы от имени детей всего мира.

Агния Барт разговаривает со своими юными читателями так, как разговаривали бы сами их сверстники. Она доносит (и с необычайной точностью, достоверностью) самые заветные думы своих юных друзей из Франции, из африканских стран, из Болгарии, Венгрии, Греции, ФРГ и многих других стран.

А Барт «переводит» на русский язык первые произведения маленьких зарубежных «поэтов», сохранив при этом все своеобразие мышления творчества, поэтического ритма разных народов. Высокий талант поэта представляет словно бы в новом качестве.

Главные герои необычного поэтического сборника — это мама, сам юный автор и... весь окружающий мир. Мы вновь убеждаемся: нет такого важного события, такой важной проблемы, которые не волновали бы маленьких граждан Земли.

Вот как звучат голоса мальчишек и девчонок Финляндии:

С нами вместе мчатся в класс
Наши песенки,
Потому что мир у нас
в Хельсинки.

А дети Парижа всерьез задумываются о грядущем дне. Они знают, что на землю скопилось, к несчастью, очень много бомб, и боятся, что «двухтысячный год» начнет раздаваться.

Совсем по-взрослому звучит со страниц книги призыв детей:

Не убивайте друг друга,
О люди!
Остановитесь!

О многом говорят юные поэты в своих первых творческих: и о природе, и о солнечном затмении, и о великой силе дружбы, и даже о любви:

Любовь — это такое чувство,
Когда чувствуешь такое
чувствие, которого
Раньше не чувствовал.

Агния Барт не просто знает, любит, но и всей душой уважает мир детства. Мало того: этим уважением, я думаю, преисполнится каждый, кто прочтет ее новую книгу.

Даже иллюстраторами этого необычного издания выступают не профессиональные художники, а все те же верные друзья писательницы — сами дети.

Агния Барт не только перевела, она привела в нашу литературу детей разных народов и подарила нам счастливую возможность ясно услышать их голоса.

Елена СЕТУНСКАЯ

ПУБЛИЦИСТИКА

В защиту друга

Книга В. Чивилыха «По городам и весям» (изд-во «Современник», 1976 г.) наполнена тревогой о судьбах родной природы. Все в мире знают, что Советский Союз — самая обширная страна на этой планете, самая разнообразная по географическим и климатическим условиям. И мы со школьной скамьи привыкли считать, что пространства у нас неизмеримы, а природные богатства неисчислимые. Но все уже измерено и исчислено. И, как это показано в книге Владимира Чивилыха, с богатствами природы мы обходимся порой небрежно, а иногда и варварски.

В свое время Чивилых поднял голос в защиту Байкала от загрязнения, потом — в защиту красавца кедра, а теперь вот в защиту пашни от эрозии и бесхозяйственности.

Очерк Чивилыха всегда насыщен интересными наблюдениями и фактами — отрадными и тревожными, написаны увлека-

тельно, с задором и возбуждают у читателя то радость и гордость, то гнев. Нельзя читать без возмущения о том, как «за короткий срок были отправлены полихлорпиненом многие озера Валдайской возвышенности». Причем не по чьему-то недосмотру и не по жестокой необходимости, а в целях очистки озер от «сорной» рыбы. Сорными же в данном случае посчитали известные породы рыб: окуня, язя, судака, леща, плотву, щуку. Их потравили в озерах начисто чтобы взамен, когда воды очистятся от химикатов, запустить в них печорскую лягушку...

Радостное волнение вызывают очерки «Тихая заводь» и «Пояющие пески». В первом изображается самоутверженное упорство лесоводов районах вечной мерзлоты, во втором — в условиях пустыни. Так и тут задачи казались неразрешимыми, лесопосадки неизменно гибли. А люди не смирились, начинали снова и снова, пытаясь разгадать тайны природы.

Мастерски написаны образы ученых-лесоводов Николая Рудановского и Федора Ячинко. Жизненность своих гипотез эти энтузиасты проверяли бесчисленными и разнообразными опытами на просторах сурьей печорской тундры на протяжении многих лет.

Тайна была раскрыта. Деревья дружно шагнули в тундру, в зону вечной мерзлоты, и пошли-пошли вдоль железной дороги на север, прикрывая от пронизывающего арктического ветра поезд.

Обо всем этом интересно, увлекательно написал В. Чивилыхин. И не только написал, но и как бы передал читателю свое отношение к природе. Характерная особенность всех его книг: их нельзя читать без волнения. Вспомни «Серебряные рельсы», «Шумы, тайга, шумы», «Про Клаву Иванову», «Елки-моталки». В каждой — ступок чувств и дум. И пронзительное беспокойство о сохранности родной природы, о бережливом использовании ее дарами и ее красотой.

Охрана окружающей среды, забота о рациональном использовании природных ресурсов — большое государственное дело. В нем принимает участие все наше общество. Произведения В. Чивилыхина — яркий тому пример. Автор по справедливости удостоен Государственной премии РСФСР за эту книгу. Характерная особенность его книг в том, что они не только вызывают у читателя чувство справедливого возмущения против тех, кто разбазаривает природные богатства, но прежде всего они делают читателя своим союзником, активным борцом за сохранение и приумножение этих богатств.

Михаил ШКЕРИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

3 поединок

Биография подвига

Правдивость и гуманизм — таввы, пожалуй, главные особенности советской приключенческой литературы. Химерическим выдумкам буржуазных постав-

чиков «заглажательного» чтения, их беззастенчиво циничной алогии — преступности и насилия наша литература приключений с первых ее шагов противопоставила реальный человеческий подвиг, совершающий во имя благороднейших целей, подвиг советского человека, хозяина и защитника своей страны.

Биография подвига... Этими словами можно характеризовать советскую приключенческую книгу в ее лучших образцах. И эти же слова приходят на ум, когда читаешь сборник «Поединок» (изд-во «Московский рабочий», 1977 г.).

Напечатанная в третьем выпуске повести Виктора Делля «Серые, серые скалы...» как бы визитная карточка издания. Автор — журналист, это его дебют в художественной прозе. Речь «о авторах» перемежается строками характеристик, призывов, донесений, газетных сообщений, частных писем, рассказов очевидцев. Каждый «документ» по-новому высвечивает события, с разных сторон рисует и главного героя — молодого разведчика Владимира Коновалова. И это не ведет к разностоинности, не отяжеляет повествования.

Повесть «Серые, серые скалы...» возвращая читателя к бессмертной героике Великой Отечественной войны. Но тематика выпуска много шире. Она охватывает и громадную гражданская война (повести «Ночь комиссара» В. Вучетича и «Четыре почтовых голубя» Ю. Авдеенко), и сегодняшнюю работу органов государственной безопасности (повести «Следы в пустоте» А. Ромова и «Найти воскресшего» Ф. Шахмагонова), и будни милиции (повесть С. Высоцкого «Наводнение», рассказ В. Виноградова «Два допроса»).

Хочется отметить два немаловажных обстоятельства. Обязательное соседство на страницах сборника молодых, начинающих авторов с такими признанными мастерами жанра, как Ю. Семенов, В. Осипов, Ю. Авдеенко, А. Голубев, А. Адамов. И второе — завершение каждого выпуска статьей, в которой глубоко и серьезно рассматриваются современные проблемы советской приключенческой литературы, устанавливаются критерии ее идеально-художественного качества.

«Поединок» дает молодому читателю не просто сюжетно острое, захватывающее чтение. Оправдывая свое название, он ведет читателя на передний край исторического поединка добра и зла, мира нового и мира уходящего, коммунизма и капитализма. Утверждая нравственное превосходство и историческую правоту человека социалистического общества и коммунистических убеждений, лучшие публикации сборника являются хорошей школой гражданско-

сти. Третя вышедшим выпусками «Поединок» определил свое место среди наших ежегодников и альманахов. У него есть «лицо» и есть, несомненно, свой читатель. Дело лишь за тем, чтобы новые выпуски наследовали и умножали достоинство вышедших, не повторяя их просчетов. «Поединок» может и должен стать творческой лабораторией современной приключенческой прозы, обогащающей нас и воспитывающей читательский вкус.

Игорь МОТАШОВ

Город закрыт!

11. Сержант Александр Задирка

— Поехали?

Тихонов кивнул, и я потихоньку отпустил педаль сцепления. У хорошего водилы — особый шик в трогании с места. Если ты настоящий шофер, то машина должна начать двигаться для пассажира так же незаметно, как самолет отрывается от взлетной полосы. И только потом — свободный разгон, форсаж и бешеный клокот мотора в рывке.

Не из зависти, а просто ради справедливости я сказал, ни к кому не обращаясь:

— Это, конечно, случайность, что вор и хозяин машины живут так близко. А то бы мы их поискали! Повезло здорово. Как говорится, счастливая случайность...

Врачиха Маргарита быстро посмотрела на меня и захочотала. Красивые у нее зубы, будь она чуть моложе, мне бы такой человек подошел.

Тихонов равнодушно смотрел в окно, а эксперт-криминалист Халецкий постучал меня легонько по плечу и сказал:

— Неглупый человек по имени Паскаль заметил однажды, что случайные открытия совершаются только подготовленные умы...

Только я ему собрался ответить остроумно — не оставаться же мне в глазах врачихи деревней неотесанной, — как со мной начал устраивать гонки мотоциклист — какой-то дурачок с мотором в промежности. Это на мокром-то асфальте да на двух колесах!

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

Я как врезал по левой стороне, с сиреной, с визгом покрышек на вираже, и через динамик в микрофон ему:

— Водитель мотоцикла 16-54! Сбавьте скорость, зайдите свободный правый ряд!

И тут же запищала, засвистела на вызове рация:

— «Сетунь!» «Сетунь!» Кража госимущества! Сегодня ночью неизвестные преступники проникли через окно первого этажа по улице Прянишникова, дом 77-а, в виварий ВНИИ антибиотиков, и совершили кражу двадцати двух подопытных кроликов...

Улица Прянишникова — это Тимирязевский район, сорок шестой квадрат Москвы. Самый короткий маршрут — по улице Алабяна на Ленинградку, через улицу Космодемьянских, на Большую Академическую — и мы в Тимирязевке.

Тихонов негромко переговаривается с Григорием Иванычем по радио; уточняет сведения, что-то не спеша записывает в свой блокнот. Нет все-таки в нем быстрого нерва! Сыщик на задании должен весь играть как на шарнирах, в нем каждый мускул, любая жилочка должны звенеть! Эх, кончу милиционскую спецшколу — меня в МУР возьмут как пить дать. Вот тогда посмотрим, кто из нас для этой работы лучше задуман.

Пройдет какое-то время, и вот на такое происшествие выдернут меня — старшим группы.

Ситуация предельно острыя: двадцать из двадцати двух похищенных кроликов заражены свежим штаммом холеры. Опасность открытого заражения преступников налицо, если нам не удастся установить их практически немедленно, вспышка эпидемии почти неминуема. Зав. лабораторией, профессор, бледен, растерян. «Кто бы мог подумать, боже мой! — постанивает он. — Никогда ничего подобного не случалось, кому они нужны, кролики? Из вивария...»

«Как же вы могли производить такой опасный эксперимент, не обеспечив надежной охраны?» — сурово спрашиваю я.

Профессор буквально убит, он уничтожен своей ошибкой, которая может стать роковой для тысяч и тысяч людей.

Я сразу же информирую по радио Севергина, и он, согласно плану, начинает «закрывать город» — огромность этого мероприятия даже представить себе невозможно: в намеченный час не поднимутся со взлетных дорожек реактивные лайнеры, не отойдут от перронов переполненные поезда и электрички, останутся на автовокзалах огромные междугородние автобусы. Ни одна машина не покинет город по шоссейным дорогам... Да мало ли что означает «закрытие города»! А Минздрав уже комплектует бригады эпидемиологов, готовит помещения для изоляторов, расконсервирует аварийные запасы антибиотиков, сильнодействующих медикаментов.

Я рассматриваю аккуратно вырезанную автогеном оконную решетку, и мысль, острая, как игла для инъекций, входит в мозг: а если это не глупые мальчишки, которым захотелось поиграть с кроликами — это наша первоначальная версия, — а враг? Серьезный враг, который знал, что кролики заражены, и взял их для того, чтобы вызвать эпидемию сознательно? В самом деле, откуда возьмется у мальчишек автогенный резак? Или даже, допустим, у взрослого алкаша, который решил устроить себе за счет вивария мясоед с крольчатиной?

Пока оперативники и наружная служба делают свое дело, я лихорадочно допрашиваю сотрудников лаборатории по своей версии. Кажется, нащупывается ход: несколько дней назад в институт приезжал иностранец, господин Гуттенморген, представитель фирмы, устанавливавшей в лаборатории новое обо-

рудование. Некоторые припоминают, что он интересовался разработками лаборатории, с любопытством осматривал клетки крольчатника. После окончания работы был устроен скромный товарищеский ужин, в ходе которого господин Гуттенморген обменялся с одним из младших научных сотрудников галстуками — в знак мира и дружбы.

Так-так-так... Я вызываю Юрку Одинцова, и он дает Юнгару понюхать галстук Гуттенморгена. Юнгар делает круг по лаборатории, недовольно фыркает — видимо, ему мешают острые запахи медикаментов — и решительно становится передними лапами на подоконник, через который проник в лабораторию похититель. Поводит носом вправо-влево, вправо-влево, обнюхивает решетку и выскакивает на улицу. Юрка и я устремляемся следом. Юнгар мчится по улице, натягивая лонжию, но уже через несколько шагов делает стойку, крутиется на месте, понуро опускает голову. Обычная история — вор уехал на машине. Но я не теряюсь: известна гостиница, в которой Гуттенморген остановился. Мы прыгаем в машину, но перед этим я высаживаю водителя и сам сажусь за руль, и мы мчимся...

— Хорошо держишь скорость, — сказал у меня за спиной Халецкий, я помотал головой и очнулся...

Ладно, мой час еще не пришел, пока мое дело — скорость, и я вам ее обеспечу в лучшем виде. Тот, кто не рожден для баранки, все равно не поймет этого слияния с машиной на огромных оборотах — я ведь никогда не думаю: больше газу, чуть левее, тормозок, выжать сцепление, третью скорость. Мои руки и ноги делают все это автоматически, они стали частью автомобиля, как коробка скоростей или полуоси, потому что мои нервы замкнуты в электрические цепи трамблера, и сердце бьет в резонанс с ритмичным всхлипом бензонасоса, и, как в аурте рвется моя лихая злая кровь, так прыскает с напором из цилиндров бензин, в мгновенный и бесконечный цикл его сплошных взрывов, каждый из которых — только огненный пшик, а все вместе — наша скорость. И масляный рокот и бой поршней — это слитый топот копыт не видимой никому сотни лошадей, которых я железно держу на пластмассовом поводе своей шоферской баранки...

... — Милиция слушает. Ответственный дежурный Севергин...

— Товарищ подполковник, это Кондратенко из двенадцатого отделения. Тут у нас незадача — сильно гражданина током электрическим ударило, он в ванной магнитофон крутил. Утверждает, что это ему жена ток к ванне подвела.

— Позвони в районное управление, пусть приедет эксперт и следователь, скажи, что я распорядился. Отбой...

12. Инспектор-кинолог Юрий Одинцов

Замок на двери в виварии был сбит тяжелым железным прутом. Вот и моталась дверь сиротливо на скрипучих петлях — заходи, кто хочешь.

Участковый, помахивая планшеткой «лентяйкой», не спеша выговаривал худому человеку в белом халате:

— Ну, что за дело — чуть чего, сразу звонить на Петровку! Мы тут без головы, что ли, — и сами найдем. Куда они от нас денутся?

Белый халат смотрел на него с недоверием, тяжело вздохнул, потом досадливо махнул рукой. Тихонову он сказал горько:

— Очень вас прошу, постарайтесь найти! Иначе пропадет труд многих людей за несколько месяцев...

Тихонов улыбнулся:

— Мы всегда стараемся... — А улыбается он, надо прямо сказать, просто замечательно — такую улыбку не наиграешь, в ней спокойная усмешка над самим собой, и обещание подсобить, когда совсем тесно станет, и участливое понимание чужой маленькой беды. Мне кажется, что Стаса должны сильно женщины любить — в нем есть какая-то интересная недосказанность, волнующая закрытость чувств, когда кажется, что все слова уже произнесены, все ясно, а он все-таки последнее слово оставил, не разменял в горячке встречи. Я ведь видел сзади, как через зеркало на него врачиша смотрела...

— Украденные кролики входят в три контрольные группы, на которых мы фиксируем воздействие препаратов... Пропали результаты наблюдений двух лабораторий.

— Экспериментальные препараты безвредны? — спросил Тихонов.

— Абсолютно! Они никак не связаны с инфекционистикой. Но разве дело в этом? Мы не сможем получить ответов...

Тихонов повернулся ко мне:

— Ну что, Юрчик, попробуешь? Вся надежда у двух лабораторий на тебя с Юнгаром...

А Юнгар смотрит на меня из машины, в окошко весело скалится. Здесь, в виварии, для него, конечно, запашок сильный, след должен долго держать, если они на машине не уехали.

— А какие у вас соображения, Станислав Павлович? — спрашиваю я.

— Соображения? — задумчиво переспрашивает Тихонов, расхаживая между пустыми клетками. — Это скорее всего местные пьянячи отличились...

— А может быть, мальчишки?.. Очень даже может быть, — говорит настырным голосом Задира.

— Мальчишки? Нет-нет, это вполне взрослые воры.

— А почему не пытцы? — въедается дальние Задира.

— Сколько пропало из вивария клеток? — поворачивается Тихонов к белому халату.

— Четыре.

— Стас, а почему ты уверен, что это не мальчики? — спрашивает врача Маргарита Борисовна.

Тихонов пожимает плечами:

— Ну, во-первых, поднять клетку, в которую напихано пять-шесть кроликов, может только крепкий мужик. А во-вторых, если бы сюда забрались такие ряжные юннаты, они бы еще взяли вот этих морских свинок, белых мышей и уж обязательно ежей...

Юнгар поднимает на меня глаза, и весь он уже в предстартовом напряжении. Черные ноздри его быстро-быстро шевелятся, вздыбился шерстю за грибок, комы мускулов перекатываются на спине, хвост — палкой.

— Иши, Юнгар!

Собачка дернула лонжию и пошла по следу. Юнгар держит след красиво, он ведет его просто изящно — не зарывается носом в землю, не ерзает на маршруте, он бежит, слегка наклонив свою черную лобастую голову, и только подрагивающий нос, будто вырезанный из черной пористой резины, да острые уши дыбком скажут понимающему человека, что собачка не выгуливается, а служит.

Мы перебежали через захламленный хозяйственный двор, и в самом углу Юнгар легким толчком перемахнул через забор. И я за ним. Выскочили в проулок, Юнгар полоснул носом асфальт, как мини-искателем, и рванул в глубь дворов. И здесь стал набирать скорость.

А мне-то что? Я и быстрее могу, Юнгарушка. Тебе четыре года, а мне двадцать три — мы прожили с тобой треть своей жизни, мы с тобой ровесники, мы с тобой еще молодые и оба очень здоровые! Пошли, Юнгар, иди, иди, я за тобой поспею...

Юнгар влетает на детскую площадку, пересекает песочник, делает быстрый и плавный круг вокруг скамейки, на которой, видимо, ночью отдыхали воры, а сейчас сидят остолбеневшие бабушки и няньки и зачарованно глядящие на собачку малышки, и резко, рывком-рывком, режет наискось газон, сильным махом перелетает через кусты — и снова в переулок...

Наше дыхание сливается, прошел первый противный мандраж поиска, и мы оба уже окунулись в веселый, крепкий азарт охоты. Незримая, никем другим не ощущаемая нить острого запаха кроликов ведет Юнгара компасной стрелой, она злит и волнует его нервы поискового пса, и эти полкилометра, что мы пробежали вполсильы, внушают ему уверенность в успехе — больше всего городская розыскная собачка ненавидит запах резиновых автомобок и вонь горевшего бензина, потому что обычно на этом смрадном барьере кончается для нее настоящий след. А если след не оборвался рядом с местом происшествия, значит, он будет еще долго вести через дремучий лес чужих, ненужных сейчас запахов — резкий, как пила, смрад резиновой обуви, волнующий аромат собачьих «визиток», кошачий противный дух, аромат случайно пролившейся из сумки мясной сукровицы, дурманящее, сбивающее с пути дыхание женских пудр, помад и одеколонов, больное, как толчок в нос, колыхание отравленного воздуха над большим пятном машинного масла, горькую пыльцу цветов и слабых осенних трав, свинцовую одурь типографской краски от ключевых газеты и сорванных афиш...

Вдох-выдох, вдох-выдох, легче шаг, толчок левой, толчок правой. Еще быстрее!

Иши, иши, Юнгар!

Ах, как прекрасно чувствовать послушность каждой своей kostочки, каждой мышцы, любой связки, когда между нами с Юнгаром — пять метров лонжии, и мы мчимся без топота и хрона, и земля будто сама отталкивает нас для полета в следующем прыжке, и сердце бьется ровно и гулко, и холодный осенний воздух кипит в крови пузырями, как боржоми.

Иши, иши, Юнгар! Вперед, через пустырь, Юнгар! Иши!

Наш инструктор-наставник капитан Емец знает про собачек и поисковую работу все. Но для этого ему пришлось прослужить почти тридцать лет, и устало сердце, и когда он вышел последний раз на поиски бандитов в Бирюлеве, его прозвали собачка

Акбар вела по следу одиннадцать километров, и Емец, у которого хватило сил воспитать ее, не мог их собрать, чтобы бежать одиннадцать километров, и он привязал лонжию к бамперу милиционского «газона», и Акбар тащил за собой двинувшуюся на второй скорости погоню, пока не привел к укрытию бандитов.

Ищи, Юнгар, ищи, ищи! Быстрее, быстрее, пока сердце бьется мощно и весело!

За пустырем расползлись сараи и гаражи. Здесь запах бензина, резины, масла и старого металла даже мне сильно шибал в ноздри, но Юнгар уже шел неостановимо, как стайер на последнем закрутлении перед финишем.

Круто рванул в сторону, через канаву, по дощатому измостью, к перекинвшемуся сараю, у дверей встал во весь рост, налегая на серые старые доски, и радостно, с горловым хрюком во всю мощь легких дал голос.

— Охранять, Юнгар! — Я сбросил лонжию и облегченно вытер с лица испарину.

С дальнего края пустыря показался наш желтосиний автобусик, я подкинул вверх кепку и замахал им рукой, чтобы они нас с Юнгarem не потеряли.

Потом участковый и подъехавший из отделения инспектор доставили к сараю хозяйку, и сзади нее маялся красномордый опухший парень — сынок, в грязно-рыжей щетине и голубой рыбьи наколотатуировок. На правой кисти у него было кривыми буквами наколото «ЖЕНЯ». Радостный Задирак спросил у парня:

— Ты что, боишься забыть, как тебя зовут? Мы напомним!..

Парень плевался и грозил нам прокурором за самоуправное вскрытие сарая. Потом мать вынула откуда-то из-под кофты ключи, хрустнул в нутре ржавый замок, распахнулась створка двери, и в прорезавшем сумрак сарая личе фонаря кроваво сверкнули две дюжины напуганных крольчатых круглых глаз. А на верстаке у двери валялись три голых, уже ободраных тушики...

Юнгар подвигнулся и отошел от дверей.

— Милиция слушает. Замдежурного
Микито.

— Дяденька, помогите, пожалуйста. У нас кошка Машка упала в сетку под окном. На шестом этаже. Мяукает, а вылезть не может. Жалко Машку...

13. Рита Ушакова

Вытирая руки носовым платком, в зал вошел следователь Скуратов и сказал:

— Станислав, вас ждут в приемной какие-то провинциалы.

Тихонов удивился:

— А почему вы думаете, что провинциалы?

— Они оба в сапогах и в нейлоновых рубашках, — объяснил следователь.

Тихонов засмеялся, взял меня за руку и предложил:

— Хочешь познакомиться с провинциалами?

— Хочу, мне все интересно. — Я поднялась, и мы пошли вниз в приемную. По дороге, все еще улыбаясь, Станислав сказал:

— Он мне напомнил одну давнюю историю. Ко мне пришел как-то в гости мой приятель, однокурсник. Вечером мать спросила: «Он что, провинциал, твой новый друг?» «Мамочка», — спрашивала, — ты с чего это взяла?» А она хотела: «У него бакенбарды и трагическое выражение лица!»

В приемной сидели и тихо переговаривались с молоденьким дежурным лейтенантом «провинциалы» — здоровенные парни с обветренными, простоявшими лицами.

Лейтенант встал:

— «Сквознячок», Станислав Пальч.

Тихонов мельком оглядел парней и спросил:

— Мотоциклист?

Парни в один голос ответили:

— Мотоциклист! — и только потом удивленно переглянулись.

— Ясно, — кивнул Станислав. — Рассказывайте, только покороче.

Один из парней, беспокойно жестикулируя огромными ручищами — на пальце правой поблескивало золотое обручальное кольцо — забубнил:

— Приехали мы вчера, да, вчера, выходит, «Явы» нам нужны. Из города Ново-Экономическое, знаете, небось, нет? В Донбассе, одним словом, да... Шахтеры мы... Наша мотоциклов, конечно, наездом, но охота «Яву», у нас шоссеек такие нынче залили, будь спок...

— Короче, гражданин... — сказал Тихонов, и фраза прозвучала у него совсем по-милиционски. Он,

наверное, это почувствовал и добавил: — Я же вас просил... К делу переходит.

— Я и говорю, к делу, — отозвался парень. — У нас тут в Москве делишки кой-какие, ну, и мотоциклы решили взять. Приезжаем к магазину, на витрине «Явы» красуются, а в наличии нема. Директор говорит: «Дефицита нету, да вашего брата, фанатов, полно, с базы завозить не успеваем...»

— И что, очередь? — спросил Станислав.

— Ну! Месяца, говорит, на полтора. Так мы же не можем полтора месяца тут ошиваться — работа ждет! Ладно, толкнемся около магазина, подходит двое парнишек. Слыши, говорят, орлы, «Яву» хотят? Ну, говорим, «Яву». Тут, говорят, такое дело — мы сами на заводе работаем, нам министерство на два мотора наряд выделило. И как на грех денег нет, выкупить не можем... Ну, говорю, други, помогите — так «Яву» хочется! А набросить нам по полтинничку — не обидно, говорят, будет, на пропой души, вашу покупку спрыснуть, значит? Да что вы, кричим, мы хоть сейчас! Не, говорят, сейчас не надо — сделаем дело, тогда... Договорились, поехали. Приезжаем в министерство — наряд оформлять. Один парень на улице остался, другой, который разговор с нами вел, пошел по кабинетам, мы за ним ходим. Все его там знают — варь-варь, да за ручку и все такое прочее. Приходим к главному начальнику, парень к секретарше: «Борис Иваныч на месте?» Она говорит: вышел. Подождали с полчаса, опять туда же. Пришел? Пришел. Он к нему в кабинет, минуты через две вертается — пишите, мол, заявления. Ну, мы пошли в коридор, написали. Он их забрал, ушел в приемную, скоро обратно является — на заявлении наших красным карандашом: «Бухгалтерия. К оплате». Пошли, говорит, братцы, в кассу. У дверей бухгалтерии взял деньги, пришипил к заявлению: Мы ему снова: возьми свою сотню. Не, говорит, ни за что — выкатите моторы из магазина, тогда, как говорится, чокнемся. Ладно. Ушел он, и с концами. Часа полтора ждали...

— Когда дело было? — спросил Тихонов.

— Да аккурат после обеда мы с ним и встретились, часа три, значит, начало четвертого. Пока договаривались, да ехали, да бумаги подписывали, ну, часа четыре, полпятого стало, а, Сергей?

Товарищ по несчастью сумрачно кивнул патлатой головой. А потерпевший продолжал:

— Около шести, смотрим, народ служивый уже расходится, засомневались мы. Заглянули в бухгалтерию, туда-сюда: нет его нигде. Я гляжу, уборщица там в коридоре, за дверью копошится: не видала, говорю, мамаша, такого да такого, он сюда вошел? Она смеется: раз, говорит, вошел, значит, тут должен быть. Да нет, говорю, нет его тут нигде, и обратно не выходил. Она и говорит: а может, он во вторую парадную вышел — и показывает дверцу в конце коридорчика. Мы туда, а там лестница и выход на улицу. Спустились мы, смотрим — и дружка его, который на машине нас вез, нету, и машины его нигде не видно...

— Какая машина? — перебил Станислав.

— «Москвич» четыреста второй. Кофейный.

— А номер случайно не запомнил?

Парни переглянулись, пожали плечами, второй сказал:

— Кабы знали... тогда, конечно, запомнили бы...

— Кабы знали, вам и запоминать не надо было бы, — едко сказал Станислав. — Вы бы с ними не взялись просто... Эх, вы... Ну, и дальше что, в милицию?

— Не-а... — длино сказал первый парень. — Мы его еще на улице ждали... никак поверить не могли: свой вроде мужик, а такая сволочь... — И парень вдруг судорожно всхлипнул, будто собираясь заплакать, — такой огромный лохматый ребенок с обручальным кольцом, которого несправедливо и жестоко обидели.

— Денег жалко, — простодушно сказал второй парень. — Две тыщи сто отдали, за них наломаешься...

— Да брось ты, Серега, — зло перебил первый. — Деньги... хрен с ними... Главное — дураки мы... Эх, дурачье какое!

В комнате повисла тяжелая тишина. Станислав, сумрачно уставившись в потолок, вычислял что-то, лейтенант сочувственно смотрел на парней, сидевших понуро.

— Так, ладно, — прервал молчание Станислав. — Дальше что происходило?

— С утра потолкались мы в министерстве в этом, потом в магазин поехали, к открытию — думали, может, все-таки недоразумение какое вышло и он туда придет. Ну, потом поняли — окопчили он нас, гнида. Посоветовались с людьми — езжайте, говорят, на Петровку, 38. Мы и поехали...

Молча поднялись мы вместе с потерпевшими на четвертый этаж основного здания — в шестой отдел МУРа, который занимается всякого рода мошенни-

ками. Станислав познакомил меня с инспектором — вихрастым пареньком на вид лет девятнадцати — Колей Спиркиным и коротко рассказал ему немудрую историю наших новоэкономистов.

— Попробуем вам помочь, гражданине, — серьезно сказал Коля, обращаясь к парням. — Только сначала ознакомьтесь с этим вот правилом. — И он указал на картонный рукописный плакатик, висевший на стене: «ОПОЗНАНИЕ ПРЕСТУПНИКА — ДЕЛО ЧЕСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО!» При этом он хитро подмигнул Станиславу, и я поняла, что лозунг — дело рук и предмет гордости Коли.

Вместе со Станиславом он притащил и разложил перед потерпевшими несколько альбомов в синих ледериновых переплетах.

— Ну, начнем, благословаясь, — сказал Коля, открывая первый альбом. — Смотрите, ребята, внимательно на эти карточки, ищите знакомые вам лица...

Потеснившись, парни уселись за столом и, вполголоса переговариваясь, начали листать альбом. Еще не дойдя до середины, они загомонили:

— Вот он! Он самый, паразит!

Коля внимательно посмотрел на фотографию. Потом, помычав себе что-то под нос, раскрыл перед потерпевшими другой альбом, весьма потрепанный.

— Теперь здесь ищите...

— А зачем? — недоумевая спросил первый парень. — Вон он, мы его точно указали, не сомневайтесь!

— Э-э, братцы, вам кажется, что точно, а потом выясняется, что не точно. Похожих людей мало ли? Смотрите, смотрите, не ленитесь!

Пока ребята смотрели альбом, Коля Спиркин отошел с нами к окну.

— Это Рудик Вышеградский.

— Марчелло? — уточнил Станислав.

— Он. Все бы в цвет — Рудик как раз по «сквознякам» мастер, его почерк, но дело в том, что он был осужден и вряд ли вернулся, я сейчас посмотрю приговор...

— А что же ты им еще дал? — удивился Станислав.

— Там его карточка есть давняя, лет десять назад снимали, еще мальчишкой, можно сказать.

Спиркин посмотрел на всякий случай приговор — срок наказания истек полгода назад...

— Ой! — торжествующе заорал Сергей.

— Похож, — поддержал первый парень. — Но только он здесь молодой очень. А вообще-то он!

— Вот стервец, — сказал Спиркин с досадой. — Ведь обещал в прошлый раз, христом богом клялся, что по крайней мере Москву «бомбить» не будет.

— А что это его так разобрало? — с усмешкой спросил Станислав.

— Да как тебе сказать — в порядке благодарности, что ли. Мы, понимаешь, хоть и посадили его потом, но предварительно выручали: его в «Шестиграннике» взялся наказывать один уголовник, так довал его чуть ли не до потери пульса. Насилию отходили...

Коля дал нам адрес Вышеградского, и мы, оставив в приемной потерпевших, отправились в оперативный зал. Севергин по просьбе Станислава очень быстро связался с отделением милиции, на территории которого жил мошенник, и попросил его задержать.

У меня всегда было представление, что жулики держатся друг за друга, что у них что-то вроде союза, иначе им при их профессии, мне казалось, не удержаться в одиночку. Я и спросила Станислава, почему с Вышеградским так строго обошелся тот уголовник, — все-таки свой брат-жулик!

— Ну, это все не так просто, вернее, не так линейно, — сказал Станислав. — Ты напрасно думаешь, что между жуликами тишь да гладь. Они друг у друга за лишний кусок глотку вырнут, и все эти рассказы о братской дружбе между блатными — чистый фольклор. Тем более, если речь идет об аферисте.

— А почему об аферисте тем более?

— Потому что, если, ну, условно, конечно, признать у жуликов какую-то солловость, то аферист гораздо ниже вора по иерархии: его, конечно, уважают за быстроту ума, но недолюбливают за крайнюю — даже среди жуликов! — безнравственность, что ли... Ненавидят за постоянную готовность ради денежки отступить от блатных «законов».

— Станислав, а как жулики понимают безнравственность?

— Само собой, когда карманник вытаскивает у тебя в троллейбусе всю получку, то о какой уж тут нравственности говорить! Но некоторые представления о человечности есть и у них. Был такой жулик — Важка-седой, он из кавказцев, вот мне Важка про одного из аферистов сказал как-то: «Нэ чэловэк это, слушай, настоящий шакал! Он, дорогой, родного дедушки под виноградом похоронил».

нит. Зачем, знаешь? Чтобы на удобрении сэкономить, вах!»

Севергин снял трубку, послушал, подозвал Стаса, тот записал что-то в свой блокнот и вернулся ко мне. Оказывается, Вышеградский лежал в больнице.

— Это осложняет дело,—сказал Стас.—Парни так уверенно опознали его... и все пустое. Алиби...

— Выходит, они ошиблись?

— Трудно сказать...—Стас покачал головой.—Уж больно ребята в него вцепились... Тут что-то не то. Пошли к нему?

— Куда, в больницу?

— Ну да. Ты мне как доктор можешь понадобиться, особенно если он «горбатого лепит».

— Горбатого лепит?—не поняла я.

— Ну да, это они так говорят.

— А что это такое?

— Ну, значит, «туфту гонят»,—сердечно ответил Стас.

— Стас, не морочь голову,—рассердила я.—Что это такое?

— Ну, очень просто—это когда «фуфель заправляют»...—Здесь Стас не выдержал и расхохотался.—Чуден и непонятен язык наших клиентов. В данном случае меня интересует, не врет ли Вышеградский насчет болезни, не обманывает ли врачей и нас с тобой, не симулирует ли. Ясно?

— Вот теперь ясно. А куда надо идти?

— К счастью, рядом. Вернее, напротив—участковый сообщил, что он лежит в Екатерининской больнице. Так что машина нам не понадобится...

Отпустив потерпевших пообещать и строгонастрио предписав им явиться минут через сорок в вестибюль больницы, Стас галантно взял меня под руку и вывел в Картинный переулок.

— Странный все-таки народ эти жулики,—сказал он, после того как мы прошагали минуты две молча.—Даже ученые сколько лет над ними бьются, а понять не могут...

— Чего не могут понять ученые?—спросила я.—Психологии или...

— Ну, всех этих проблем. Одни ученые формулируют так: «Преступление не вознаграждается».

— То есть не стоит овчинка выделки?

— Примерно. По всей, так сказать, сумме результатов. И не только тогда, когда вместо вожделенного кошелька карманник получает пять лет. Затраты нервов, постоянный страх и тому подобное...

Об этом стоило расспросить подробнее, но пока что я поинтересовалась:

— А что говорят другие ученые?

— Другие смотрят на это дело с меньшим оптимизмом. Англичанин один, Эйденк, прямо заявил: для добывания денег преступление открывает куда более широкие перспективы, чем труд. Правда, мне кажется, что их английские жулики—ребята куда более основательные, чем наши, и «добытие денег» понимают как хороший счет в банке. А наши охломоны накопительством обычно не занимаются: все идет на пропой души... Вот и рассуди...

В вестибюле Екатерининской больницы Стас очень быстро получил для нас белые халаты и пропуска. По светлой широкой лестнице поднялись на второй этаж, прошли в хирургическое отделение—как мне объяснил Стас, у Вышеградского была язва желудка.

— Рад вас видеть, старший лейтенант,—непринужденно сказал Стас худощавый паренек с живыми черными глазами, лежавший на ближайшей к двери кровати.

Стас пододвинул мне стул, а сам уселся на краешке постели и сказал:

— Во-первых, я уже давно капитан; во-вторых, не обманывай, пожалуйста: вовсе ты не так уж обрадовался.

— А я думал, вы меня навестить пришли вместе со своей любимой девушкой,—разочарованно сказал Вышеградский.—Варенья принесли домашние, конфет «Огни Москвы»—вы ведь знаете, как я люблю сладкое!

И в словах его прозвучал очевидный намек на какие-то обстоятельства, только им одним известные. Впрочем, потом Стас мне рассказал, что года четыре назад он встретил Вышеградского в кафе «Шоколадница», и тот широким жестом «послал» ему на стол бутылку дорогое коньяка и букет роз для его девушки; и как Стасу было невыгодно и неудобно объяснять девушке, не знаяшей о его профессии, почему он не может принять этого любезного подарка.

А сейчас Стас только улыбнулся, залез в карман и протянул Рудику ириску:

— На тебе сладкого, а за это расскажи мне, как ты вчера «постирал лохов» в магазине «Ява».

— Капитан, как нестыдно: за какую-то ириску вы хотите получить рассказ товарища Шейнина, а может, еще и получше!

Стас сказал укоризненно:

— Марчелло, когда это меня интересовали рассказы? Мой любимый жанр—чистосердечные признания!

— А когда это вы от меня получали чистосердечные признания?—в тон ему быстро ответил Рудик.

— В прошлый раз, например,—равнодушно сказал Стас, а Рудик засмеялся:

— Так в прошлый раз меня «лохи» завалили наглухо...

— Значит, ты все-таки думаешь, что в этот раз я пришел тебя по-семейному навестить, с гостиницами,—ухмыльнулся Стас.

Вышеградский задумчиво почесал подбородок, предположил:

— Вы явились... как это у вас называется... меня прощупать... Но я чист, как ангел, на мне железное алиби по любому делу. И я лежу себе в коечке и тихо напеваю: «Ах, васильки, васильки, много мелькает их в поле...». О-очень жалостливая песня, правда, мадам?—впервые обратился он ко мне.

— Я что-то не помню,—растерявшись, сказала я. Лицо у этого парня было сухое, жесткое, но когда он открывал в улыбке ослепительные зубы, на щеках появлялись очаровательные девичьи ямочки, а глаза светились тепло и мягко—безусловно, в нем было какое-то непонятное обаяние, так и тянуло в чем-нибудь ему довериться. И, наверное, поэтому я спросила:—А чем вы больны, Вышеградский?

— У меня болезнь профессиональная,—горько сказал Рудик.—Язва желудка—как следствие очень нервной работы. Да и вообще...

— Поплачаться, поплачаться,—снова усмехнулся Стас.—Тяжелая наследственность, раннее сиротство, три судимости...

— Сиротства, слава богу, не было, а судимости... Эх, вспоминать неохота! А все оттого, что я неудачник с самого рождения. Представьте, мадам, уже в родильном доме у меня украли клеенчатую бирку, на которой были обозначены моя фамилия, возраст, а главное—пол! И с тех пор я мучаюсь...

Я захочала, и на сумрачном лице Рудика тоже промелькнула тень улыбки, но Стас недовольно покосился на меня, и я умолкла, а он сказал:

— Во сколько у вас здесь, в больнице, прогулка? Рудик помотал головой:

— В четыре, допустим, но...

— Давай только сразу условимся,—перебил Стас.—Ложные показания допустимы только в отношении фактов, которые я не могу проверить!

— М-да-а; я только хотел сказать, что прогулкой не пользуюсь,—огорчился Рудик.

— Ну, вот и не надо говорить неправду,—сказал Стас.—Я тебе сейчас коротенько расскажу начет вчера, если что не в цвет, ты меня поправишь.

— Расскажите,—согласился Рудик.—Только что не было, не шейте.

— Марчелло, ты же меня знаешь,—развел руками Стас.—Разве хоть один блатной имеет право сказать, что я когда-нибудь ликовал?

Рудик покачал головой:

— Нет, это я на всякий случай, не обижайтесь, капитан.

— Ну и договорились. Только условимся: не перебивать.

— Вери вел,—сказал на чистом английском Рудик.

— Недели две назад ты возник в одном министерстве. Ты ходил туда, как на работу. Уже через неделю ты дружил со всеми секретаршами, швейцарами, лифтерами. С лифтёрами ты перекурил, швейцаров одарив двуглавыми, а секретарш покоряя фрукты шоколадками. Со всеми здоровавшись за руку, начальников называя по имени-отчеству, словом, ты всех знаешь, и тебя все знают. После этого ложишься в больницу. Тем более, что у тебя в самом деле язва, и я совершенно согласен, что это от нервных перегрузок. Осваиваясь с больничным режимом и назначаешь операцию «Ява» на вчерашний день.

Рудик слушал внимательно, иногда кивал, иногда несогласно покачивал головой, но условие Тихонова выполнял, не перебивал.

— Вчера ровно в шестьнадцать ты вышел на прогулку в парк, одетый в эту самую распакованную пижаму. Не торопясь и не привлекая внимания, дошел до выхода на Петровку, где тебя ждал дружок на бежевом «Москвиче». Надеть в машине, пока она мчится к магазину «Ява», джинсы и замшевую курточку—плевое дело. А около магазина на улице находятся два молодых «лоха», а в карманах у них полно денег. Вы с дружком берете их на крючок, объясняете про наряды из министерства, везете их туда, там ты заставляешь их написать заявления, на столе у секретарши, пока парни ждут в коридоре, накладываешь им имени Борис Ивановича красную резолюцию и тащишь в бухгалтерию.

Там забираешь две тысячи сто и уходишь через второй коридор. Классический «сквозняк». Дружок доставляет тебя к больнице, забирает свою долю, а ты, переодевшись в пижаму, возвращаешься болеть дальше. И дело сделано, и алиби железное.

— А что, нет?—по-птичьи склонив голову, спросил Рудик, но особой уверенности в его голосе не было.

— Нет!—жестко сказал Стас.—Пора тебе менять профессию, Марчелло. Ты ведь умный, когда же ты поймешь, что уже примелькался, тебя не то что по фотографии, тебя по одному почерку в МУРе раскодируют!

— Почерк можно подделать...—лениво сказал Рудик, откинув голову на подушку, устало закрыл глаза.—У вас есть что-нибудь еще?

— Есть. Двое потерпевших, которые опознали тебя по фотографиям, не только свежим, но и десятилетней давности,—раз.—Тихонов для верности загнул палец.—Они же опознают тебя лично—это два. Пятнадцать человек в министерстве, ты им достаточно там намозолил глаза, опознают тебя безоговорочно, а сказать, что именно ты там делал, не смогут, они же не знают! Самое смешное, что ты—даже для приличия—не сможешь придумать нам какое-нибудь объяснение, зачем ты там неделю—и вчера также—болтался. Ну, скажи мне вот так, с ходу: какие такие были у тебя срочные дела в министерстве, что ты туда с больничной койки смотался, а?

Рудик открыл глаза:

— Я человек серьезный, капитан, и с ходу ничего говорить не люблю. Придет время, скажу, подумавши.

— Ладно,—согласился Стас.—Я тогда спущусь в вестибюль, там ребята дожидаются, которых ты облапошил. Мы поднимемся, чтобы они тебя в натуре опознали, и тогда поедем к нам...

— Нельзя!—яростным шепотом сказал Рудик.—Я больной!

— Ну, я самовольничать не буду,—ответил Тихонов.—Я с врачами здешними посоветуюсь: можно или нельзя тебя транспортировать. Да и Маргарита Борисовна—доктор...

Я укоризненно посмотрела на Стаса:

— Лечащего врача достаточно... он знает.

— А где вы собираетесь всю эту комедию устраивать с опознанием?—спросил Рудик.—Прямо здесь, в палате?

— Зачем же людей беспокоить?—Тихонов кивнул на больных.—В конце коридора есть ординаторская, нам минут на десять уступят. Не беспокойся.

А через двадцать минут процедура опознания в ординаторской была уже окончена, потерпевшие, не колеблясь, указали на Рудика как на главного героя их вчерашней одиссеи. Когда официальная часть была окончена, Рудик упрекнул горе-покупателей:

— Эх, вы-вы! Ребята вроде грамотные, неужели не понимаете—разве можно первому встречному доверять!

На что Сергей мрачно ответил:

— Кто же вас, жуликов, знал-то? У нас так не водится: сказал человек, значит, сделал.—И обернувшись к Стасу, пояснил:—Местечко у нас небольшое, кабы такой ловчак появился, его бы живо на запчасти разобрали... Деньги отдашь?

— Придется...—вздохнул Рудик.—Полторы тысячи под матрасом лежат, не оставлять же их здешней нянке!

— Как полторы тысячи? А остальные где?—взъерошился Серега.—Две сто было!

— Остальные у компаньона... Найдут его—знает, виши,—спокойно сказал Рудик, ласково мерцающими добрыми глазами.

— А не найдут?..

— А не найдут—значит, штраф с вас, лохички, штраф, чтобы ушки свои не развесивали.

— Найдем, найдем,— успокоил Стас.—Твой компаньон—я думаю, скорее всего, Валера-Тристан. Куда он денется?.. Давай, Рудик, собираясь, у нас доболеешь...

Рудик горестно вздохнул:

— Эх, мать честная, вот невезуха. А я-то думал, последний раз стрельну и скроюсь от вас так, что меня и на льдине под Шпицбергеном не разыщут...

— ...Милиция слушает. Помежурного Дубровский.

— Докладывает дежурный двадцать второго отделения Газырин. На Переяславской улице бульдозерист Симонов и крановщик Костюк на разборке старого дома обнаружили в обломках стены клад—алюминиевый бидон с золотыми монетами, украшениями, пачками истлевших денег выпуска 1947 года...

Продолжение следует.

Рисунок Владимира УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

Рисунок Юрия ВОСКОБОЙНИКОВА

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Диадора БЕЗУГЛОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Публикуя очередной раздел олимпиады, жюри обращает внимание читателей на необходимость в письмах на олимпиаду отвечать предельно лаконичными, а текст ходов решений — в сокращенной шахматной нотации.

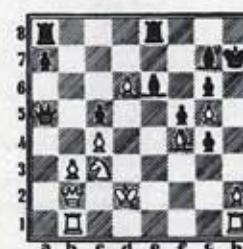
Напоминаем, что спортивные разряды будут присуждены только в случае активного участия во всех десяти турах. Тот, кто наберет 31 балл из 120 возможных, получит четвертый разряд, 54 — третий, 94 — второй разряд по шахматам.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в три хода (4 балла.)

II

Ход черных. Есть ли в их расположении путь к победе? (4 балла.)

III

Кто первой из советских шахматисток и в каком соревновании стала чемпионкой мира? (1 балл.)

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

IV

Когда состоялся шахматный радиоматч СССР—Великобритания и каков был счет? (1 балл.)

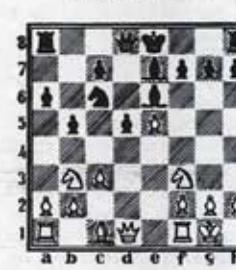
Открытки в адрес «Смены» на четвертый тур олимпиады следует посыпать в период с 21 по 31 марта 1978 года (по штемпелю почтового отправления).

ЛАУРЕАТ ПЕРВОЙ ЛИГИ

Оживленный спортивной борьбой и высокими творческими показателями отличалась первая лига Всесоюзного чемпионата, проведенная в Баку «под занавес» минувшего года. В частности, великолепной игрой блеснул на этом турнире с участием 10 гроссмейстеров и 8 сильнейших мастеров его победитель, гроссмейстер из Ворошиловграда Геннадий Кузмин. О его большом, самобытном шахматном даровании свидетельствуют два фрагмента, которые мы предлагаем вниманию читателей.

К этому положению пришли после 11-го хода черных в открытом варианте испанской партии Г. Кузьмина (у него были белые) и львовский гроссмейстер Александр Беляевский.

Тонким маневром королевского коня белые временно жертвуют центральную пешку. Чувствуя, что размен коней в случае 12. Kfd4 K:d4 13. cd! привел бы к ощущению позиционному преимуществу

соперника, черные принимают «данайский дар», но это решение оказывается фатальным ошибкой.

12. Kf3—d4! Kc6:e5? 13. Lf1—e1

Ke5—g6 14. Kd4:e6 f7:e6 15.

Kb3—d4!

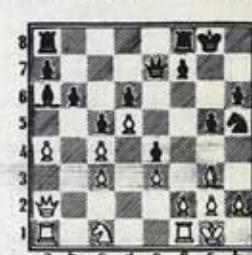
В подключении к атаке второго коня и заключается «соли» замысла белых. Черные надеялись на банальный вариант 15. L:e6 Fd7, где поспешный отыгрыш пешки позволял черным получить добродорядочную позицию.

15. ...Kg6—f8 16. Fd1—g4!
h7—h5 17. Fg4:g7 Ce7—f6 18.
Fg7—g3 Fd8—d7 19. Cc1—f4

0—0—0 20. a2—a4!

Вскрытие крайней вертикали для штурма длинной рокировки партнера, связанное с энергичной жертвой коня, быстро приводит белых к победной цели.

20. ...c7—c5 21. C14—e5! h5—h4
22. Ff3—f4 Cf6:e5 23. Ff4:e5
Lh8—h6 24. a4:b5!, и черные перед лицом неотразимых угроз королю капитулировали.

А на этой диаграмме отображена острашая ситуация, возникшая после 19-го хода белых в партии Г. Кузьмина (здесь он тоже играл черными) с бакинским мастером Владимиром Багировым.

Пешечно-фигурное наступление черных организует в стремительном темпе, с подкапывающей элегантностью.

19. ...f7—f5 20. Fa2—e2 Fe7—f7
21. f2—f4 e4:f3!

О практически редкой возможности взятия пешки «на проходе» никогда не следует забывать!

22. Lf1:f3 Ff7—g6 23. a4—a5
f5—f4 24. e3:f4 g5:f4 25. Cg3—f2
La8—e8 26. Fe2—f1 Le8—e4! 27.
a5—b6 Ca6:c4 28. Ff1—d1 a7:b6
29. La1—a4 b6—b5 30. La4—ab
Le4—e5! 31. Cf2:c5 Lf8—e8.

Силы черных сконцентрированы для нанесения решающего удара. Запоминается не сложная, но эффектная жертва ферзя.

32. Krg1—f2 Le5—e1 33. Lab:d6
Fg6—c2+, и белые сдались.

МОЙ ТОВАРИЩ

Песня — лауреат всесоюзного конкурса «КОРЧАГИНЫ 70-х»

Слова Николая ШУМАКОВА.
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ.

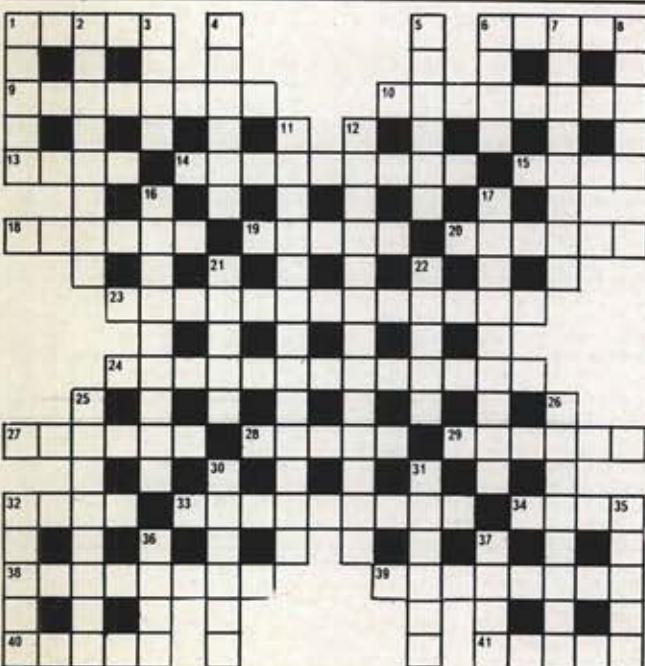
Посвящается бывшему полковому разведчику
Николаю Федосеевичу ШИТИКОВУ.

Облака в вышине, словно крылья пожарищ,
Возвращают нам в юность дороги-пути.
Мой товарищ,
Самый верный и давний товарищ,
Нам с тобою всю жизнь к горизонту идти!

От подъемов крутых мы немного устали.
На минуту присядем в тени тополей.
Мой товарищ,
Мы с тобою давно не видали
В нашем небе высоком родных журавлей.

Сердце помнит друзей: их походку и лица,
Что ушли навсегда в голубые поля...
Мой товарищ,
Мы как древние гордые птицы,
Без которых не сможет стать краше земля.

Вдалеке, за рекой, скакет всадник в тревоге
А дуга горизонта, что память, светла.
Мой товарищ,
Вновь идти нам с тобой по дороге,
Ожидают нас добрые в жизни дела!..

КРОССВОРД

Составил Б. ШЕЙКО.
Харьков

По горизонтали:

- Точка небесной сферы, по направлению к которой движется солнечная система. 6. Машина для перекачки жидкостей, газов. 9. Роман М. И. Глинки. 10. Курорт в Польше — центр альпинизма. 13. Государство в Западной Африке. 14. Действующее лицо пьесы М. Горького «Дачники». 15. Лечебная вода соленых озер. 18. Художник-переводчик. 19. Река в ГДР. 20. Город в Голодной степи Узбекистана. 23. Изготовление образцового экземпляра изделия. 24. Ученый-энергетик, возглавлявший комиссию ГОЭЛРО. 27. Песня А. Новикова. 28. Актёр и режиссёр, народный артист СССР. 29. Полуостров в Центральной Америке. 32. Социалистическое государство в Америке. 33. Лечебное учреждение. 34. Горбатый бык. 38. Русский астроном, академик. 39. Оперетта Ж. Оффенбаха. 40. Минерал. 41. Семья мастеров смычковых инструментов в Италии.

По вертикали:

- Штат в Индии. 2. Первая народная артистка республики. 3. Минерал, сырье для добычи титана. 4. Басня И. А. Крылова. 5. Кривая для наглядного представления о характере процесса, явления. 6. Инертный газ. 7. Жанр древнерусской литературы. 8. Упрощенный чертеж. 11. Пьеса А. Н. Островского. 12. Персонаж комедии В. В. Маяковского «Баня». 16. Декоративное растение семейства бальзаминовых. 17. Река в Якутии. 21. Народная поэтесса Литвы. 22. Единица магнитной индукции. 25. Сложный вопрос, требующий изучения для его решения. 26. Картина И. Е. Репина. 30. Отпечаток текста, рисунка. 31. Летательный аппарат. 32. Спортивный приз. 35. Южное плодовое растение семейства куриночниковых. 36. Советский радиотехник, академик, лауреат Ленинской премии. 37. Озеро в Абхазии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2

По горизонтали:

- Перерыв. 8. Баженов. 9. «Сирена». 11. Козлов. 12. Гравюра. 15. Лассо. 17. Кроня. 18. Боголюбов. 19. Сопло. 20. Стадо. 23. Котловина. 25. Нерпа. 27. Тимур. 29. «Кочегар». 31. Ривера. 32. Армяне. 33. Радикал. 34. Вавилов.

По вертикали:

- Левитан. 2. Зегерс. 3. Рычаг. 4. Ханка. 5. Гейзер. 6. Коломна. 10. Хвала. 13. «Риголетто». 14. «Работница». 16. Обложка. 17. Квадрат. 21. Сонет. 22. Пеликан. 24. Пуансон. 26. «Премия». 28. Измаил. 29. Канал. 30. Радар.

ГДЕ ПТИЧЬИ ЗИМУЮТ

Начало на 24-й стр.

с громким «чуф» свечной взмыли в воздух. Кто-то из хищников их потревожил. Шакал или камышовый кот.

Под нашими шагами поскрывает сухая степная трава. Из-под ног то и дело взлетают птицы. Мы идем к буграм, где держатся стрепеты. Их тоже осталось немного. Этим птицам подавай целину — не терпят они пахотные земли. Не успели мы подойти к буграм, как поднялась сверкающая стая стрепетов. Но улетели они недалеко. Значит, там должна быть еще большая стая. Мы идем туда, где сели птицы. И вдруг серебристое облако поднялось из выгоревшей прошлогодней травы, оживило все вокруг и понеслось по заповедной степи.

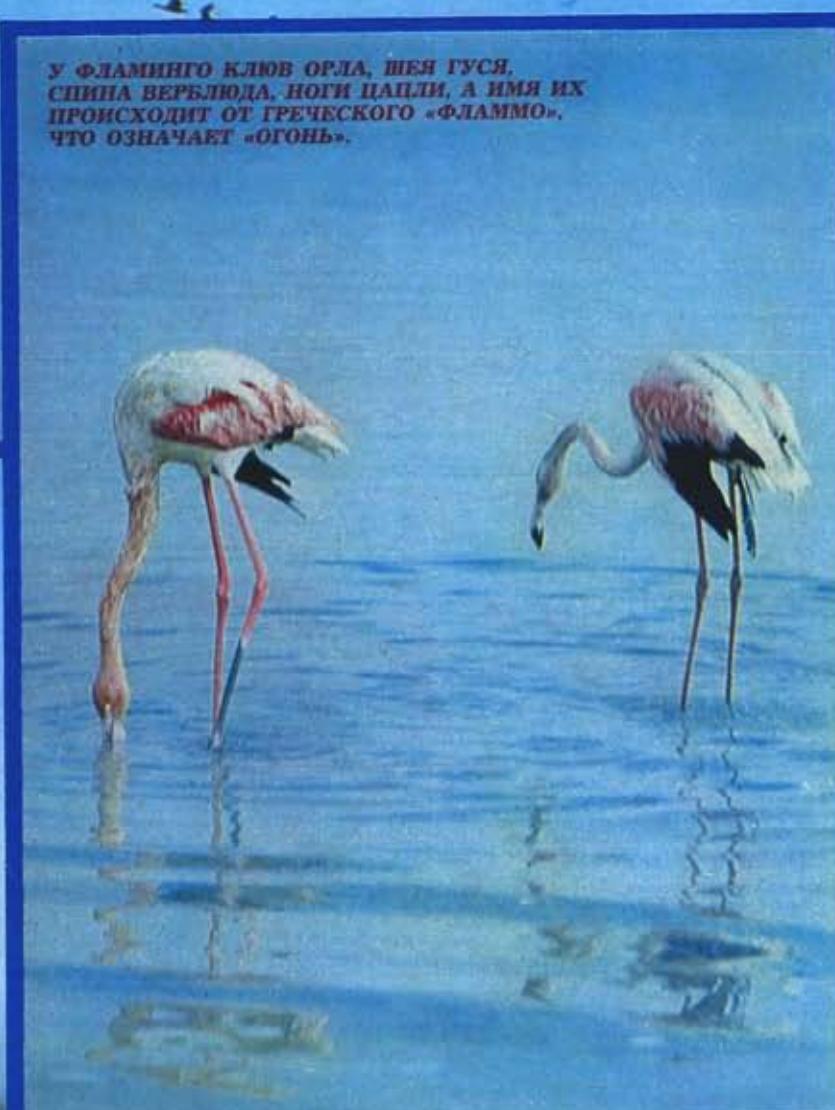
Уставшее за день, солнце спешило спрятаться за горами. И, как бы прощаюсь с ним до утра, купаясь в его желтых лучах, летели птицы — лебеди, гуси, фламинго...

ЛЫСУХА — ОДНА ИЗ 150 ВИДОВ ПТИЦ, ЗИМУЮЩИХ НА КАСПИИ.

ТЕПЛОЕ ЮЖНОЕ МОРЬЕ ПРИВЕТЛИВО ВСТРЕЧАЕТ ПЕРНАТЫХ ГОСТЕЙ.

У ФЛАМИНГО КЛЮВ ОРЛА, ШЕЯ ГУСЯ, СПИНА ВЕРБЛЮДА, НОГИ ЦАПЛИ, А ИМЯ ИХ ПРОИСХОДИТ ОТ ГРЕЧЕСКОГО «ФЛАММО», ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ОГОНЬ».

ПОЗИРУЕТ ФИЛИН.

